

РОССИЯ
В XVIII СТОЛЕТИИ

РОССИЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

Выпуск II

Ответственный редактор
Е. Е. Рычаловский

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2004

ББК 63.3(2)46-7
Р 76

Р 76 Россия в XVIII столетии. Вып. 2 / Отв. ред. Е. Е. Рыча-
ловский. М.: Языки славянских культур, 2004. — 360 с. —
(Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 5-9551-0041-5

Сборник охватывает широкий круг проблем социально-политической истории и духовной культуры XVIII в. Сюда входят статьи, посвященные самозванчеству в России, проектам Верховного тайного совета, формированию библиотеки известных меценатов и коллекционеров князей Юсуповых и т. д. Публикуется в переводе на русский язык семейная переписка выдающегося мореплавателя В. Беринга. Предлагается вниманию специалистов и любителей истории большой комплекс документов, относящихся к служебной и частной деятельности первого директора Московского университета А. М. Аргамакова.

ББК 63.3

*В оформлении обложки использована иллюстрация из книги
«Костюм в России XVIII — начала XX века». Л.: «Аврора», 1983.*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0041-5

9 785955 110041 8

© Авторы, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

К. Г. Боленко

РОССИЙСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
(ЛИТЕРАТУРА ПО РОССИЙСКОМУ ПРАВУ
И ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ПРАВОВЕДЕНИЮ)
В БИБЛИОТЕКЕ ЮСУПОВЫХ

История библиотек издавна привлекала внимание как специалистов по истории книги, так и историков государственных учреждений и биографов. В последние несколько десятилетий она становится одной из быстро развивающихся научных дисциплин, со своим предметом, методологией и исследовательскими задачами, не имеющими прямого отношения к книговедению или биографическим студиям. И тем не менее, библиотека, как и всякая коллекция, была и остается прекрасным источником для изучения личности ее владельца, поскольку весьма полно и разносторонне фиксирует структуру и содержание его занятий, интересов и вкусов — как в целом, так и по отдельным видам деятельности и отраслям знания. Кроме того, тематические собрания дают адекватное представление об интересе общества к той или иной отрасли литературы, а также к конкретным изданиям.

Настоящая статья представляет собой опыт описания российской юридической литературы (литературы по российскому праву и теоретическому правоведению) в составе библиотеки Юсуповых, хранящейся в Государственном музее-усадьбе «Архангельское». Основное внимание будет уделено библиотеке Николая Борисовича Юсупова-старшего (1751—1831). Кроме того, будет сделана попытка реконструировать в общих чертах его занятия и интересы в этой сфере: их характерные черты и, по возможности, эволюцию на фоне особенностей юриспруденции и юридического книгоиздания в России XVIII — первой трети XIX века.

Библиотека, принадлежавшая Николаю Борисовичу Юсупову, насчитывала в 1820-е — начале 1830-х гг. не менее 20 тыс. томов и для

своего времени была одной из лучших в России. Особенно выделялась она собраниями литературы по изобразительному искусству, театру, изящной словесности, истории и географии. В ее составе имелась коллекция инкунабул и книг, выпущенных в XVI — начале XIX в. выдающимися издателями Европы и России — фирмами Альдов, Эльзевиров, Дидо, Джона Баскервилла, Джамбаттиста Бодони, а также Иваном Федоровым и Н. И. Новиковым¹.

Около 1800 г. библиотека, в то время находившаяся в Петербурге, была каталогизирована; рукописный волюм, переплетенный в красный сафьян, хранится в настоящее время в фондах музея². В начале 1810-х гг. книги были перевезены из Петербурга в купленное князем подмосковное имение Архангельское. Позднее библиотека перешла к его потомкам. После революции 1917 г. библиотека Н. Б. Юсупова и находившиеся в Архангельском книжные собрания его наследников были национализированы и вошли в состав фондов новообразованного музея-усадьбы. В течение 1920-х — 1940-х гг. фонды потеряли несколько тысяч томов, однако большая часть осталась нетронутой. В настоящее время библиотека Юсуповых насчитывает около 15500 томов³. Еще при Н. Б. Юсупове книги были сгруппированы по тематическим разделам, а в каждом шкафу — по форматам; в настоящее время этот принцип сохраняется, однако номенклатура разделов, их состав и тем более расположение книг в них мало соответствуют тому, что было до революции.

Одним из самых небольших является раздел «Право», насчитывающий 294 тома, в том числе 4 рукописи XVIII — начала XIX в. и один рукописно-печатный конвюлют. Хронологический диапазон — с 1648 по 1857 г.; количество книг на русском и иностранных языках (преимущественно на французском и итальянском) приблизительно одинаково. В целом раздел сформирован не совсем последовательно. Из литературы по российскому праву более или менее полно в нем собраны только издания и рукописи по российскому правоведению; что же касается текстов законов, то вне коллекции «Право» находятся еще около 50 томов, в том числе такие важные законодательные памятники, как Соборное Уложение 1649 г., Воинский устав 1716 г.⁴, торговые тарифы. Оказались разрозненными некоторые сериальные издания.

Раздельное описание литературы по российскому праву, с одной стороны, и аналогичных коллекций по иным европейским государствам, с другой, наверное, не требует сколько-нибудь развернутого обоснования. Достаточно будет сказать, что перед каждым из этих собраний, очевидно, стояли разные задачи: положение крупного чиновника, богатого землевладельца, наследника и наследодателя неизбежно делали интерес Юсупова к российскому праву скорее практическим, чем теоретическим. С Западной же Европой князь, несмотря на все путешествия и

многообразные, в том числе и дипломатические поручения, не был связан столь тесно и постоянно, поэтому интерес к литературе по западно-европейскому праву мог носить более отвлеченный характер и определяться интеллектуальными интересами, салонной модой и нормами поведения просвещенного вельможи, диктовавшими устойчивый интерес к юридическим наукам в целом и к тем или иным сочинениям в частности.

Беглый сравнительный анализ состава каждой из этих коллекций подтверждает данное предположение: из европейских книг преобладает литература по правоведению, в том числе теоретическая; российская же подборка включает в себя преимущественно тексты законов. При этом тематическое разделение почти совпадает с языковым, а также разделением по месту происхождения текстов и их издания. Другими словами: за редкими исключениями, юридическая литература российского происхождения (сочинения, принадлежащие российским авторам и изданные в России на русском языке) является литературой по российскому праву. И наоборот: литература по российскому праву — вся российского происхождения и почти вся на русском языке.

Из юридических книг на русском языке, не относящихся к российскому праву, можно назвать только одну публикацию международных договоров между иностранными государствами: «Капитуляции или Трактаты между Оттоманскою Портою и Французским Двором, возобновленные и умноженные в 1740 г. ...и между Оттоманскою Портою и Великобританиею» (СПб., 1780)⁵. Из изданных в России книг по российскому праву на иностранных языках — петербургское издание на французском языке «Наказа» Екатерины II (*Instructions adressés par Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies à la Commission établie pour travailler à l'exécution du projet d'un nouveau Code de Lois / Trad. de l'allemand. St. Petersbourg, 1769*)⁶, воинских уставов Павла I (*Règlement de sa majesté impériale concernant le service de l'infanterie. St.-Petersbourg, 1798*; *Règlement de sa majesté impériale concernant le service de la cavalerie. St. Petersbourg, 1798*)⁷ и одного из торговых тарифов (*Tarif général des droits d'entrée et de sortie, payables dans le commerce Européen, aux douanes de terre et de mer de l'Empire de Russie et du Royaume de Pologne. St. Petersbourg, s. a.*)⁸. В каталоге 1800 г. упомянут также некий «*Tarif de la Russie*»; вероятно, так поименовано одно из двух изданий: *Tarif général ou Table alphabétique des droits que payeront les marchandises dans tous les ports et aux douanes des frontières de l'Empire de Russie, excepté à celles des gouvernemens d'Astracan, du gouvernement d'Oufa et de Sibérie composée dans la Commission de Commerce l'année 1782. St. Petersbourg, 1783. P. [1—2]* или *Tarif général des droits..., excepté à celles des gouvernemens d'Astrachan, d'Orenbourg, de Tobolsk et d'Irkoutsk. St. Petersbourg, 1797*⁹.

Для корректного анализа любой тематической коллекции в составе данного собрания важно отдавать себе отчет в том, что она могла сохраниться не полностью. Тем важнее наличие каталогов, отражающих состав всего собрания в те периоды, когда оно еще не подверглось послереволюционным опустошениям. Так, в начале 1830-х гг. (вероятно, еще до смерти Н. Б. Юсупова), в начале 1860-х гг., по инициативе его внука Н. Б. Юсупова-младшего (1827—1891), и в 1900-х гг. библиотека была еще трижды каталогизирована¹⁰. Результаты этих работ сохранились в значительной части. От первой осталась большая часть рукописных каталогов-тетрадей, составлявших по тематико-топографическому принципу и фиксировавших место той или иной книги в тематическом разделе¹¹, а также четвертый том рукописного же, в полукожаном переплете, видимо, сводного каталога, дублирующего часть вышеупомянутых тетрадей и имеющего многочисленные следы более поздней правки¹². Среди тетрадей есть две, озаглавленные «Auteurs russes» (имеется также и в т. 4 сводного каталога) и «Русские авторы»¹³.

Как известно, после смерти Н. Б. Юсупова-старшего библиотекой до 1860-х гг. никто из его потомков не занимался, поэтому она была каталогизирована как историческая реликвия, без нарушения имевшейся расстановки. Топографический принцип был проигнорирован; новый каталог (точнее, система каталогов) был строго систематическим и подробным, что позволило, наконец, учесть в рамках одного раздела и подраздела многие издания, попавшие по ошибке или небрежности в разные шкафы и даже тематические разделы начала 1830-х гг. А таких случаев в старой библиотеке было немало. От этой системы каталогов до нас дошли сохранившийся где-то на две трети карточный каталог¹⁴, а также каталог-тетрадь книг на русском языке¹⁵.

Упомянутый выше каталог 1800 г. — единственный полностью сохранившийся каталог библиотеки Н. Б. Юсупова. Юридического раздела он не имеет; издания и рукописи на русском языке собраны в специальном разделе «Российские книги»¹⁶. Таковых насчитывается 880 томов. Раздел не имеет внутренней рубрикации и юридическая литература встречается в разных его частях; тем не менее половина коллекции составляет плотную единую подборку¹⁷.

Каждый из каталогов начала 1830-х гг. — «Auteurs russes» и «Русские книги» — представляет собой перечень книг из одного или нескольких шкафов; книги приведены по порядку их расположения (своего рода топографический каталог), но уже систематизированы по тематике. В первом каталоге есть и подраздел «Jurisprudence» (№ 52—279), расположенный в шкафу 75. Действительно, российская юридическая литература встречается и в других шкафах и разделах, однако в значительно меньшем количестве¹⁸. Сколько-нибудь ясной системы, по

которой те или иные издания попадали в шкаф 75 или в другие, выявить пока не удалось. Так, к примеру, издания тарифов встречаются и в 75-м, и в 28-м, и в 29-м шкафах (последний входит в состав раздела «Actes Académiques»). И в 75-м, и в 28-м шкафах хранились издания по правоведению. Кроме собственно актуальной юридической литературы раздел включал также историко-юридические и исторические книги: «Правду Русскую...» ([СПб.,] 1792), «Духовную великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим...» (СПб., 1793), «Повседневных дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича записок часть...» (М., 1769. Ч. 1)¹⁹ и др. Рукописи разного содержания, в том числе и юридического, были сгруппированы в отдельный подраздел «Manuscripts».

Каталог-тетрадь 1860-х гг. составлен по иному принципу. Это систематический каталог вообще всех книг на русском языке, независимо от их местонахождения. В числе разделов есть и «Законоведение». Он учитывает еще более двух десятков томов (около двадцати изданий и рукописей) российской юридической литературы, разбросанных по восьми другим шкафам.

Систематический каталог русских книг, составленный в середине XIX в., представляет, несомненно, более высокий уровень описания юридической литературы. Так, издания и рукописи классифицированы по нескольким группам (1. Международное и дипломатическое право. 2. Правительственное русское право или учреждение. 3. Военное русское право или учреждение. 4. Торговое право. 5. Указы и Приказы. 6. Судебное русское право. 7. Толкование о русском праве). Каталог также включает в себя литературу по истории русского права. Там же можно встретить и «Собрание государственных грамот и договоров» (М., 1813—1822. Т. 1—3), хотя это было издание по истории международных отношений России, а не действовавших дипломатических актов. Некоторые издания, которые вполне могут быть отнесены к юридической литературе (и присутствовали в соответствующем разделе каталога начала 1830-х гг.), в разделе «Законоведение» отсутствуют. Например, «Словари юридические» Ф. Ланганса или М. Д. Чулкова²⁰ или Кормчая книга, еще в середине XIX в. бывшая частично действующим источником церковного права²¹. Так как, в соответствии с библиографическими традициями своего времени, издания и рукописи отнесены только к одному разделу, а системы добавочных отсылок не существует, каталог не позволяет учесть в разделе всю литературу определенной тематики, имевшуюся в библиотеке. Разумеется, в каталоге отсутствуют издания на иностранных языках. В карточном каталоге раздел «Русские книги», к сожалению, отсутствует.

Таким образом, каталог середины XIX в. более совершенен, чем каталоги начала 1830-х гг., но также имеет свои недостатки: не исчерпы-

вает всего массива российской юридической литературы и содержит издания, относящиеся скорее к литературе исторической, чем юридической.

Заканчивая обзор сохранившихся каталогов, считаем нужным добавить, что они не охватывают всех книг, принадлежавших Юсупову. Нет сомнения, что какие-то книжные собрания находились в московских домах князя и в многочисленных усадьбах. Даже в том случае, если эти книги попали в Архангельское в середине XIX в., они могли и не быть учтены в каталоге 1860-х гг.

Строго говоря, принципы выделения тематической коллекции, существующей внутри частной библиотеки, могут быть различными. Посвоему оправдан подход, когда логика изложения подчинена всем прихотям владельческой систематизации. С другой стороны, применение более современных классификационных стандартов позволяет лучше оценить ее корректность и обоснованность. При составлении настоящего описания мы следовали принципу актуальности: из рассмотрения исключались издания законов, потерявших силу уже к середине XVIII в., и исследования уже не действовавшего законодательства — издания Русской Правды, Судебников XV—XVI вв. и т. п. Не выделяли мы и публикации законов в неюридических изданиях. Это касалось и тех случаев, когда публикация носит отчетливо вторичный характер — например, перепечатка ряда русско-турецких договоров в сочинении В. Вилькинсона «Tableau historique, géographique et politique de la Moldavie et de la Valachie / Trad. de l'anglais par M.*** au quel on a joint les principaux traités entre la Russie et la Porte Ottoman» (Paris, 1821)²². И даже тех изданий, которые, не являясь юридическими, могли служить и, возможно, служили справочным целям в повседневной деятельности. К примеру, тексты законов в знаменитом «Историческом описании российской коммерции...» М. Д. Чулкова²³. Создание полного каталога российских узаконений в составе библиотеки Юсуповых в целом и отдельных ее владельческих комплексов в частности, а также составление каталога текстов по правоведению, который включал бы статьи в периодических изданиях и отдельные главы политических, экономических и иных сочинений, — перспективные задачи будущих исследований.

В зависимости от источника поступления в составе нынешней библиотеки Юсуповых коллекцию российской юридической литературы можно разделить на три основные части: 1) юридическая литература в составе библиотеки Н. Б. Юсупова-старшего; 2) разрозненные комплекты Сводов законов 1832, 1842 и 1857 гг. и «Приложений» к ним; 3) книги, вывезенные из Ракитного, курского имения Юсуповых; 4) издания неизвестного происхождения, которые могли принадлежать Юсупову. Сначала мы дадим описание коллекции российской юридической лите-

ратуры Н. Б. Юсупова-старшего — гораздо более многочисленного, чем остальные, и сложного по структуре собрания, входившего в состав личной и отчасти изученной библиотеки. А также изданий неизвестного происхождения. Затем перейдем к двум остальным частям — компактным, самостоятельным по происхождению и относящимся к совершенно не исследованным на данный момент книжным комплексам.

В составе библиотеки Н. Б. Юсупова имеются отдельные издания и рукописи, которые с высокой степенью вероятности могут быть отнесены к библиотеке еще его родителей — Бориса Григорьевича (1696—1759) и Ирины Михайловны (урожденной Зиновьевой; 1718—1788) Юсуповых. Однако крайняя скудость сведений об этих библиотеках и отсутствие бесспорных доказательств делают отдельное рассмотрение этих экземпляров в рамках данной статьи нецелесообразным. Речь стоит вести именно о коллекции Н. Б. Юсупова.

В основном она сложилась уже к концу XVIII в. В каталоге 1800 г. выявлено 84 книги и рукописи, имеющие отношение к российскому праву (всего 102 тома). Это и публикации законов (включая сборники указов), и литература по юриспруденции, и практические пособия — словари, указатели, экстракты, — часто находящиеся на стыке этих двух областей. Позднее, на протяжении первой трети XIX в. коллекция увеличилась не более чем в полтора раза — и это при том, что из библиотеки выбыло всего несколько изданий и рукописей, а количество опубликованной юридической литературы в России значительно возросло. Содержательный анализ коллекции юридической литературы требует предварительного обзора условий, в которых она формировалась: особенностей права, процесса публикации законов и развития кодификации и законоведения в России.

Как известно, российское право в XVIII — первой трети XIX в. сильно отличалось от западноевропейского (при том, что Запад сам давал в этом отношении весьма пеструю картину)²⁴. Отличия затрагивали все сферы права. Во многом они были связаны со спецификой устройства верховной власти и ее места в юридической системе общества. Институциональное сближение России с западноевропейскими абсолютными монархиями не должно заслонять того факта, что последние были государствами регулярными, «законными», с более четкой регламентацией прав различных сословий, тогда как в России в тот же период большее значение имел обычай, сложившихся сословных групп долгое время не существовало и с XVI в. господствовало отношение власти к подданным как к холопам²⁵. В этих условиях любое волеизъявление самодержца становилось законом в самом прямом смысле этого слова: частное узаконение, административное распоряжение или судебное решение центральной власти (то, что получило собирательное название

«указ») не просто получало силу общего закона в том случае, когда выполняло пробелы действующего права, но и заменяло уже существовавший закон — действие частного указа быстро распространялось на аналогичные случаи. Несмотря на значительный прогресс и законотворческой деятельности, и юридической мысли, разграничить понятия закона и указа российским правоведам не удалось вплоть до 1917 г.²⁶ Неизбежным следствием такого положения дел было обилие законодательных актов, часто разрозненных, которыми формально должны были руководствоваться учреждения и частные лица в повседневной практике. А это было одной из причин удручающей запутанности русского права, что в свою очередь затрудняло его публикацию и кодификацию. И наоборот: хаотическая публикация и отсутствие кодификации не способствовали юридической ясности²⁷.

Другой важной особенностью российского права была изначально слабая связь с так называемым римским правом. Эта особенность определяла и другие черты российской правовой системы и юриспруденции: в первую очередь низкий уровень развития философии права и теоретического правоведения. Так, собственно правоведение стало развиваться в России только с середины XVIII в., причем российское законодательство стало предметом изучения только с середины 1760-х гг.; сколько-нибудь заметный скачок юридическая мысль сделала только в 30-е гг. XIX столетия. До этого времени российская философия права развивала в основном идеи естественного права, а правоведение или ориентировалось на римское право (нередко также далекое от российских реалий), или опиралось на российские юридические традиции и имело преимущественно практический характер. То есть эти области юридической мысли развивались почти без всякой связи между собой. Неудивительно, что уровень не только систематизации, но даже и теоретической разработанности российского законодательства был весьма низок²⁸, а российская философия права, бедная количественно и имевшая по отношению к западноевропейской отчетливо вторичный характер, не могла иметь в глазах образованного человека сколько-нибудь высокого статуса.

В-третьих, престиж юридических знаний и профессии юриста в России был весьма низок: известно, что большинство сенаторов и судей не имели юридического образования, дворяне вплоть до середины 20-х гг. также не стремились его получать (некоторый сдвиг наметился только с конца 1800-х гг.). Так что ходатаями по делам помещиков нередко были их собственные крепостные, а традиции так называемой дьяческой юриспруденции (когда держателем юридического знания выступал опытный в делах чиновник, как правило секретарь) оставались неистребимо живучими²⁹.

Как следствие этого, в консервативных кругах было распространено представление о неприменимости норм европейского права в России; так, например, Н. М. Карамзин резко отрицательно отзывался в 1812 г. о проекте гражданского кодекса, подготовленного под руководством М. М. Сперанского, и сам проект во второй половине 1810-х гг. получил отрицательный отзыв Государственного совета³⁰.

Известно, что процесс публикации российских нормативных актов приобрел свой законченный вид в середине XIX в., когда при Сенате дважды в неделю стало выходить «Собрание узаконений и распоряжений правительства» (СПб., 1863—1917). К тому времени Россия уже имела продолжавшееся «Полное собрание законов Российской Империи», периодически обновлявшийся «Свод законов Российской Империи» с «Продолжениями», а также кодексы по различным отраслям права. И хотя большинство из них требовало пересмотра, процессы опубликования и кодификации законов с 1830-х гг. были налажены весьма хорошо — особенно в сравнении с тем, что имело место в предшествующий период.

Князь не дожил до этой новой эпохи. Издание 15-томного систематического Свода законов началось в 1832 (а фактически лишь в 1833) году, после смерти Н. Б. Юсупова. «Полное собрание законов Российской Империи», где в хронологическом порядке были представлены законы, начиная с Соборного Уложения Алексея Михайловича до конца 1825 г., вышло лишь в 1830 г.; в библиотеке оно отсутствует, и не исключено, что престарелый Юсупов вообще не считал нужным приобрести громоздкий многотомник.

В предшествующий же период публикация законов в России долгое время, фактически вплоть до Петра I, ограничивалась оглашением на площадях и в храмах или развешиванием на специальных столбах или щитах рукописных копий указов. Одним из немногих исключений из этого правила и первым печатным законом стало Соборное Уложение 1649 г., для которого эти формы обнародования решительно не годились. Несмотря на все несовершенство тогдашнего типографского дела, переписывать Уложение от руки было чересчур долго и неудобно (хотя все равно переписывали), не говоря уже о чтении вслух, поэтому довольно скоро оно было напечатано³¹.

Уложение подвело итог предшествующему развитию российского права и почти на полвека избавило Россию от необходимости дальнейших кодификационных усилий, позволив не распространять новый способ публикации законов на последующие нормативные акты — старые способы обнародования законов, лишь в частностях дополнявших Уложение, вполне себя оправдывали. И печатных изданий других законов мы в XVII в. почти не знаем. Так называемые «Новоуказные статьи»,

которых накопилось за вторую половину века около полутора тысяч, ходили в списках³².

Обязательная печатная публикация вновь принимаемых законов была установлена только именным указом от 16 марта 1714 г. Устное объявление — как форма обнародования — сохраняло силу, но должно было производиться по печатным листам, которые также могли поступать в свободную продажу. Разумеется, рассчитать потребности всей страны в том или ином законе было невозможно, и недостаток печатных экземпляров восполняли периодическими переизданиями или рукописными копиями.

Основные законы, составлявшие каркас российского законодательства, — Соборное Уложение, уставы, регламенты, учреждения — переиздавались в целом весьма регулярно. Сложнее обстояло дело с переизданием указов, которое, разумеется, осуществляли не полистно, а сборниками. Начавшись в 1735 г., процесс ретроспективной публикации указов продолжался недолго и охватил только акты с 1714 до 1730 г.; активизация этой необходимой работы произошла только в 1763 г. при Екатерине II и была тесно связана с работой по составлению нового Уложения. Были изданы законы с 1762 по 1770 г. С прекращением деятельности Уложенной комиссии вскоре прекратилась и ретроспективная публикация законодательства³³.

Однако самые совершенные формы текущей и ретроспективной публикации законов не снимали проблемы кодификации, поскольку разобратся в море указов, дополняющих и развивающих базовые законы, а также вводящих в сферу юридического регулирования новые реалии, было совсем не просто — с 1649 по 1800 г. их вышло более 18 тыс. Потребность в новом Уложении ясно осознавалась уже в конце XVII в., однако все уложенные и родственные им комиссии, создаваемые с 1700 по 1826 г., в конечном итоге потерпели неудачу. Нельзя сказать, что их деятельность была совершенно бесплодной, однако главной своей задачи они так и не выполнили³⁴.

Итак, формирование юсуповской библиотеки пришлось на период, когда система публикации законов в России была еще очень несовершенна, кодификационные усилия — малоуспешны, а российское правоведение переживало период становления³⁵. Невысокий уровень и престиж российской юридической мысли в сравнении с западноевропейской также имел важные последствия: внимание такого человека как Н. Б. Юсупов к российской юридической литературе не могло определяться ни модой, ни задачами по созданию и поддержанию репутации. Решающее значение могли иметь только практические потребности и, возможно, личный интеллектуальный интерес. Поэтому собрание российской юридической литературы в библиотеке Н. Б. Юсу-

пова должно весьма адекватно отражать именно эти стороны жизни и личности князя.

Но если наличие или отсутствие интеллектуального интереса к российской юридической литературе как раз и предстоит выяснить, то практические потребности Н. Б. Юсупова вполне адекватно определяются фактами его неплохо изученной биографии. Если оставить за рамками интенсивное коллекционирование произведений искусства и собирание библиотеки — они не регулировались специальными законами и потому для данной темы несущественны, — то остаются напряженная хозяйственная деятельность (которая более или менее известна, надо заметить, лишь начиная с 1800-х гг.) и государственная служба.

Последняя была весьма разнообразной, в 60 лет — с 1770 по 1831 г. — уместилось многое. Самыми известными поприщами являются дипломатическая служба в 1783—1789 гг. и деятельность в сфере искусств и художественных производств — заведование в 1791—1799 гг. императорскими театрами, с 1792 г. фарфоровым и стеклянным заводами и шпалерной мануфактурой, с 1796 г. придворными театрами и музыкой, а также Эрмитажем. Вместе с тем не стоит забывать, что до 1772 г. Н. Б. Юсупов формально находился на военной службе, которую закончил в чине поручика лейб-гвардии Конного полка; с 1772 г. (с перерывами) состоял на придворной службе (камер-юнкер, затем действительный камергер), венцом которой стала должность верховного маршала на коронациях трех императоров: Павла, Александра и Николая; в 1781—1782 гг. он присутствовал в Комиссии о коммерции; в 1788—1790 гг. заседал в 1-м департаменте Сената и в его Межевой экспедиции; с 1796 по 1802 г. возглавлял Мануфактур-коллегию, с 1800 по 1802 г. — Департамент уделов; в 1812 г. был членом Комитета по распоряжениям о продовольствии войск в Москве; с 1814 г. — главноначальствующим над Экспедицией кремлевского строения, а также над Мастерской и Оружейной палатами; в 1816 г. получил назначение сенатором 6-го департамента; в 1823 году стал членом Государственного совета³⁶. Разумеется, вовлеченность Юсупова в дела службы в каждом случае могла быть разной (так, на заседаниях Государственного совета, насколько нам известно, он почти не появлялся); в рамках заданной темы нам важно иное: понять, можно ли рассматривать конкретные юридические издания и рукописи как следы тех или иных (и каких) периодов его службы и если да, то как они ее характеризуют³⁷.

И здесь хотелось бы снова вернуться к хозяйственной деятельности Юсупова в своих имениях, поскольку она требовала серьезного юридического сопровождения и «тематически» могла пересекаться со служебной. Не касаясь вопроса об экономической эффективности, очертим лишь ее размах, диапазон и динамику развития. Н. Б. Юсупов был бога-

тым помещиком: уже после смерти отца в 1759 г. князь унаследовал часть его земельных владений. После смерти матери он значительно увеличил свое состояние. Насколько серьезно в эти годы он вникал в хозяйственные дела, мы сказать пока не можем, но преобладание в коллекции литературы по вопросам сельского и паркового хозяйства книг XVIII в. позволяет предполагать, что князь и в 1780-е — 1790-е гг. не ограничивался получением оброка. В начале XIX в. он много занимается введением в своих имениях сельскохозяйственных машин и новых приемов землепользования.

Кроме традиционных сельскохозяйственных занятий, князь еще от родителей унаследовал в Полтавской губернии Ряшковскую суконную фабрику, однако другие его промышленные и промысловые проекты до начала XIX в. нам не известны. С 1803 же года он получает из казны Купавинскую шелковую фабрику, открывает в курском имении Никольское суконную мануфактуру, имеет в Курской губернии селитряный завод, много занимается каспийскими рыбными ловлями; позднее в Архангельском он создает стекольную и фарфоровую мануфактуры. Кроме того, Н. Б. Юсупов сумел добиться исключительного права поставки шелка ко двору и обязательной покупки казной на нужды армии определенного количества сукна, произведенного в его имениях³⁸. И здесь важно одно обстоятельство: если административная деятельность князя требовала личного знания законов, то хозяйственная вполне могла быть им переложена на управляющих (как оно по большей части на самом деле и было). Поэтому наличие в библиотеке изданий или рукописей, тематически совпадающих с определенными занятиями или действиями, дает нам право предполагать, что именно эти дела привлекали особенное внимание Николая Борисовича.

Юридическую литературу, входившую в состав собрания Н. Б. Юсупова, можно условно разделить на четыре подраздела: 1) тексты законов; 2) литература по правоведению; 3) справочные пособия, которые уже невозможно отнести ни к текстам законов, ни — еще — к законоведческой литературе; 4) информационные материалы Сената. Начать ее обзор стоит, разумеется, с текстов законов, которые в свою очередь можно разделить на две группы: отдельные издания и сборники.

Коллекция отдельных изданий действующих законов весьма представительна³⁹. Самым ранним текстом в коллекции является Кормчая книга (М., 1787. Кн. 1—2)⁴⁰ — перевод византийского «Номоканона», — появившаяся на Руси еще в XI в. и с течением времени, естественно, подвергшаяся исправлениям и дополнениям. Несмотря на древность и почти полную неприменимость в светских делах, Кормчая книга во многом сохраняла значение действующего памятника церковного

права как минимум до 1839 г., а возможно, и позднее. Стоит заметить, что в отличие от некоторых церковных книг, доставшихся Н. Б. Юсупову от родителей, эта, изданная после их смерти, видимо, была приобретена самостоятельно.

Далее следует Соборное Уложение 1649 г. Неудача всех кодификационных попыток оставляла Уложение действующим законом вплоть до 1832 г., а формально и позже, поскольку изначально Свод законов был задуман и исполнен как своего рода приложение к Полному собранию. Поэтому Уложение неоднократно переиздавали (только в XVIII в. не менее 12 раз), а также переписывали.

В настоящее время в юсуповском собрании имеется издание Уложения, вышедшее в 1780 г.; в фондах РГАДА сохранился список середины XVIII в.⁴¹ К сожалению, обращение к дореволюционным каталогам не дает ясной картины того, как поступали и выбывали из библиотеки отдельные экземпляры. В каталоге 1800 г. упомянуто «Уложение царя Алексея Михайловича» без даты, однако, несмотря на совпадение заглавий, уверенности в том, что имеется в виду манускрипт, быть не может — формула была распространенной и устойчивой; в каталоге же 1860-х гг. упомянуты два экземпляра под заглавием «Уложение по которому суд и расправы...», помеченные 1757 и 1780 гг.⁴² Так как издания Уложения 1757 г. неизвестны, то, возможно, составители имели в виду именно рукопись; впрочем, не исключено, что в библиотеке находился экземпляр Уложения, изданий 1737 или 1759 гг.⁴³

В юсуповской библиотеке имеются издания многих основных законов нескольких царствований, начиная с Петра I и кончая Александром I. Самые ранние — два разных издания сборника, который включает сочинение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей... с приложением в начале указа о подкинутых воровских письмах и вечного устава о наследствии престола Империи Российской...» (М., 1726)⁴⁴. Причем, похоже, имелся и третий экземпляр⁴⁵. Не исключено, правда, что поступили они все в библиотеку уже в XIX в. — в каталоге 1800 г. они не упомянуты — и были приобретены как книжная редкость.

Кроме устава о престолонаследии, петровское законодательство о государственном управлении представлено «Духовным регламентом» (8-е изд. СПб., 1779)⁴⁶, уставами — Воинским (6-е изд. СПб., 1786)⁴⁷, с приплетенным к нему «Артикулом воинским...» ([СПб.,] 1786)⁴⁸, и Морским (6-е изд. СПб., 1780)⁴⁹, а также «Регламентом... о управлении адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии Адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся» (5-е изд. СПб., 1780)⁵⁰.

Далее вплоть до законов Екатерины II отдельных изданий не имеется, однако это не значит, что их не было. В каталогах упомянуты «Пред-

ложение графа Петра Ивановича Шувалова и Генеральное учреждение о ежегодном сборе в государстве рекрут. б. м. и б. г.»⁵¹.

Из отдельных изданий законов Екатерины II на ту же тему имеются два экземпляра «Учреждения для управления губерний» (СПб., 1780. Ч. [1]—2⁵²; СПб., 1786⁵³) и «Устав благочиния и полицейский» ([СПб., 1782.]⁵⁴). Особое место занимает вышеупомянутое издание «Наказа», предпринятое в 1769 г. на французском языке. Из законов Павла I наличествуют «Штаты губерниям» (М., 1797)⁵⁵.

Важно отметить, что вышедший в 1769 г. «Наказ» — единственный, пожалуй, законодательный памятник, который представлял не только практический, но теоретический интерес, и, кроме того, входил в круг обязательного чтения образованного человека второй половины XVIII в. Издание «Учреждений...» (1775), самого раннего из имеющихся екатерининских законов, приходится на 1786 г. То есть, и к екатерининскому законодательству, как и к законам Петра I, князь, по-видимому, обращается довольно поздно.

В коллекции представлены некоторые основные законы, отражающие преобразования в государственном управлении, осуществленные Александром I в начале своего царствования. Кроме двух экземпляров «Общего учреждения министерств», изданного вместе с «Учреждением...» и «Образованием министерству полиции» (СПб., 1811)⁵⁶, в фондах музея хранятся тексты «Образования...» еще двух министерств — военного (СПб., 1812) и финансов (СПб., 1811)⁵⁷. Сюда же можно отнести и высочайше утвержденный «Отчет министра внутренних дел за 1803 год» с прилагаемым к нему и отдельно изданным «Табелем к отчету...» ([СПб.,] 1804)⁵⁸. Никаких более поздних отдельных изданий законов по этой тематике в библиотеке князя нет. В свое время имелся некий «Статут орденский»⁵⁹.

Подборка военных законов и нормативных материалов неожиданно многочисленна и отчетливо делится на две группы. Первую — законы — составляют уже упомянутые уставы и адмиралтейский регламент, «Воинский устав о полевой пехотной службе» Павла I (М., 1797)⁶⁰, упомянутые в начале статьи петербургские издания того же пехотного и кавалерийского уставов Павла I на французском языке и «Учреждение для управления Большой Действующей армии» (СПб., 1812. Ч. 1—3)⁶¹. А также штаты, которые, правда, к настоящему времени не сохранились: «Штат лейб-гвардии конного полку»⁶², «Штат одного кирасирского полку»⁶³, «Штат одного артиллерийского осадного батальона»⁶⁴.

Ко второй группе — нормативным материалам — можно отнести разного рода уставы более узкой направленности: строевые и тактические, которые, в отличие от предыдущих, не имели значения ни уголовного и уголовно-процессуального, ни тем более государственно-право-

вого. В эту коллекцию входят «Тактические правила или Наставление воинским эволюциям. С планами» ([2-е изд. СПб.,] 1797)⁶⁵, а также уставы 1755 г.⁶⁶

Кроме законов, в фондах музея сохранилось несколько «Списков» чиновников и офицеров, которые, не имея статуса ни законов, ни иных нормативных материалов, тем не менее были очень близки к последним, поскольку фиксировали старшинство в чине. Таким образом, их стоит упомянуть в настоящей статье. Это «Список армейским офицерам по полкам и батальонам. Марта дня 1797 года» ([СПб., 1797])⁶⁷ и «Список состоящим в гражданской службе чинам шестого и седьмого классов на 1815-й год» (Б. м., 1815)⁶⁸. Несколько списков утрачены: «Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов на 1798 год»⁶⁹ и «Список чинам состоящим в гражданской службе на 1799-й год»⁷⁰. Имелись, также рукописные: «Список гг. находящимся в строении в Кремлевской экспедиции»⁷¹ 1819 г. и «Список Кремлевской экспедиции» за 1821, 1823 и 1831 гг.⁷², «Список состоящим в гражданской службе чинам 2, 3, 4 и 5 классов на 1801 год»⁷³ и «Список состоящим в гражданской службе чинам первых пяти классов» на 1806, 1807 и 1811 гг.⁷⁴, а также не совсем понятный «Список Генералитету офицерам. 1761»⁷⁵. Рукописные списки чиновников Кремлевской экспедиции (включая и не упомянутый в каталогах библиотеки список 1818 г.), а также «Список Генералитету и штату офицеров 1761 г.» находятся в настоящее время в фонде рукописей музея⁷⁶.

Законов, регулирующих сферы экономики и финансов, в юсуповской библиотеке сохранилось больше, чем каких-либо иных. Из межевого законодательства имеется «Инструкция учрежденная на размежевание Могилевской и Полоцкой губерний Межевой конторе» (СПб., 1783)⁷⁷. С сельским хозяйством связано и «Учреждение Императорского Московского общества сельского хозяйства» (М., 1820)⁷⁸, в настоящее время утраченное.

Три издания посвящены вопросам торговли спиртными напитками — «Устав о вине» 1781 г. (Б. м., б. г.)⁷⁹, «Условия на питейный откуп...» (Б. м., [1817])⁸⁰ и «Устав о питейном сборе в двадцати девяти великороссийских губерниях» (М., 1817)⁸¹. Имелся также экземпляр «Условий на винной с 1799 года откуп»⁸², однако в настоящее время в библиотеке он отсутствует. К этой же группе примыкает и утраченный ныне «Устав о соли»⁸³ 1781 г.

Наиболее многочисленна коллекция торговых тарифов: «Общий тариф для всех портов и пограничных таможен Российской Империи, кроме Астрахани, Оренбурга и Сибири. / Сочинен в Комиссии о коммерции» ([СПб., 1782.] Ч. 1—2)⁸⁴; «Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской Империи, кроме состоящих таможен

в Астраханской, Оренбургской, Тобольской и Иркутской губерниях» (СПб., 1797)⁸⁵; «Высочайший манифест императора Александра I о тарифе от 31 марта 1816 г., с приложением к ввозу и вывозу запрещаемым и дозволяемым» (Б. м., б. г.)⁸⁶; [Тариф 1816 г.] СПб., 1816⁸⁷; [Тариф Азиатский]. СПб., 1817⁸⁸; «Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи, кроме тех, кои состоят в губерниях Астраханской, Оренбургской, Тобольской, Иркутской и в Грузии» (СПб., 1822)⁸⁹. Причем их было больше⁹⁰.

В каталоге 1860-х гг. упоминается «Морской пошлинный регламент, или Устав», вышедший несколько раз с 1731 по середину 1810-х гг.⁹¹, а в каталоге 1800 г. — «Устав купеческого мореходства»⁹².

Не можем также не обратить внимание на текст «Вексельного устава» 1729 г. в составе сочинения Филиппа Генриха Дильтея (1723—1781) «Начальные основания вексельного права...», которое было представлено в библиотеке Н. Б. Юсупова тремя разными изданиями⁹³. Это был один из важнейших в России законов, регулирующих экономические отношения⁹⁴.

Вполне естественным выглядит присутствие в библиотеке Юсупова «Указа Правительствующему Сенату 15 июня 1816. Об учреждении Комитета снабжения войск сукнами» (Б. м., б. г.)⁹⁵. Известно, что Юсупов имел в своих имениях крупное суконное производство и выступал в качестве одного из поставщиков русской армии. К этим изданиям примыкают также «Устав Государственного коммерческого банка» (М.; СПб., 1817)⁹⁶ и «Положение о доходах и расходах московской столицы и об уплате долгов, на тамошней думе лежащих. Высочайше конфирмованное в 13 день апреля 1823 года» (М., 1823)⁹⁷.

На фоне этого обилия более чем скромно выглядят российские издания по международному праву. В настоящее время договоров России с другими государствами в библиотеке нет. По каталогам 1830-х и 1860-х гг. числится «Манифест о заключении мира с Францией» (СПб., 1807)⁹⁸; в инвентарных книгах, действовавших в музее до 1950-х гг., упоминается «Трактат о дружбе и коммерции между Российскою Империею и короною Великобританскою заключенный в Санктпетербурге июня в 20 день 1766 года» ([СПб.,] 1766)⁹⁹, но его происхождение и судьба неизвестны; в каталогах он отсутствует. Имелось также три тома «Собрания государственных грамот и договоров» (М., 1813—1822)¹⁰⁰.

Два издания связаны с медициной. Это «Оценка лекарствам. При том: Устав аптекарский» ([3-е изд.] СПб., 1800) — билингва на русском и немецком языках¹⁰¹. А также «Проект карантинного устава. Указ Правительствующему Сенату государя императора Александра I (Устав о карантинах)» (Б. м., б. г.)¹⁰². Два — утраченных к настоящему време-

ни — со сферой народного образования: «Устав воспитания двухсот благородных девиц...» (СПб., 1768—1769)¹⁰³ и «Положение практической школы земледелия и сельского хозяйства» (СПб., 1798)¹⁰⁴.

Из отдельных изданий не законов, но нормативных материалов можно отметить «Правила российского благородного собрания» (Б. м., б. г.) с неясными «палеографическими таблицами»¹⁰⁵.

Выше мы уже упоминали о той важной роли, которую в российском законодательстве играли указы — частные узаконения по самым разным вопросам. Разумеется, каждый указ сначала публиковали отдельно. Однако правоприменительная практика требовала как-то упорядочивать, а также републиковать тысячи такого рода актов. Издание сборников именных и сенатских указов началось в царствование Петра II, продолжилось при Анне Иоанновне и систематический характер приняло только при Екатерине II. Так как законодательные акты большого объема в эти сборники, естественно, не включались, то эти две формы публикации законов взаимно дополняли друг друга.

Сборники могли быть двух основных видов: в первом случае (так называемые «указные книги») тексты указов набирали в типографии именно как единое издание: с общей пагинацией и оптимальной разбивкой текста (каждый новый указ не начинали с нового листа). Во втором же случае в сенатских типографиях и в учреждениях изготавливали конволюты из текстов, напечатанных в течение года; как правило, такой конволют сопровождался реестром¹⁰⁶. Единственным средством надежно отличить издательский конволют от более позднего, владельческого, может служить только наличие последовательной печатной нумерации законодательных актов. Соответственно, конволюты содержали, как правило, указы за прошедший год; другие сборники имели ретроспективный характер¹⁰⁷.

Последняя группа в библиотеке Юсупова немногочисленна. Первая половина XVIII в. в настоящий момент представлена только двумя экземплярами «Указов... государыни императрицы Екатерины Алексиевны и... Петра Второго состоявшиеся с 1725 января с 28 числа по 1730 год» ([2-е изд.] СПб., 1743; 4-е изд. СПб., 1780)¹⁰⁸. В библиотеке было также издание «Указов... государя императора Петра Великого... Состоявшихся с 1714... января по 28 число 1725 году» (СПб., 1739)¹⁰⁹ и не поддающиеся однозначной идентификации «Указы разные», они же, видимо, «Указы разные императора Петра Первого...»¹¹⁰.

В библиотеке сохранился конволют, вполне удовлетворяющий такому названию. Это сборник без выходных данных и титульного листа с указами от Петра I до Екатерины II. Хронологические рамки — с 1723 по 1775 г.; на некоторых указах имеются данные о переиздании в Моск-

ве 5 июля 1779 г.¹¹¹ Разнобой в датировках не должен вводить в заблуждение: все указы напечатаны на одной бумаге с одинаковым водяным знаком «1779». То есть мы имеем дело, скорее всего, или со сборником, не вошедшим в «Сводный каталог», или с конволютом, выполненным на заказ. В пользу первого мнения говорит полное совпадение бумаги и времени издания указов. В пользу второго — то, что сочетание тематики указов несколько прихотливо; оно более или менее совпадает с занятиями Юсупова в 1790-е гг., однако сомнительно, чтобы такая подборка пользовалась широким спросом и даже требовалась в большом количестве учреждений. Разница в названиях сборника может быть объяснена тем, что составители каталога 1800 г. лучше отдавали себе отчет в содержании еще вполне актуального сборника, тогда как в 1830-е гг. он был уже более четверти века никем не востребован и описан по первым указам.

Подобных сборников, скорее всего, было гораздо больше: так, каталог 1800 г. упоминает еще том «Указов и регламентов» и четыре тома «Разных указов и регламентов»¹¹². Их судьба неизвестна, но в каталоги 1830-х и 1860-х гг. они уже не попали.

Законодательство второй половины столетия отражено полнее. Имеется довольно большая коллекция с актами екатерининского царствования: «Указы императрицы Екатерины Алексеевны... состоявшиеся с благополучнейшего вступления... на престол, с 28 июня 1762 по 1763 год» ([4-е изд.] М., 1776)¹¹³, «Указы... императрицы Екатерины Алексеевны..., состоявшиеся с 1763 июля 1-го генваря по 1-е число 1764 года» (2-е изд. СПб., 1776)¹¹⁴ и два владельческих конволюта. Первый включает в себя вторые экземпляры тех же изданий двух вышеупомянутых сборников (последний без титульного листа), а также недостающий сборник с указами за первую половину 1763 г. (2-е изд. СПб., 1776)¹¹⁵. Второй составлен из сборников указов соответственно с 1 января по 1 июля 1767 г., с 1 июля 1767 по 1 января 1768 г., с 1 января 1768 по 1769 г. (СПб., 1781, 1783, 1786)¹¹⁶. Имеется также второй экземпляр указов за первую половину 1767 г.¹¹⁷ Лакуны, имеющиеся в сборниках указов за 1760-е гг., заполняются годовыми или полугодовыми изданиями именных указов за 1764, 1765, 1766 и 1769 гг. (М., [1793.])¹¹⁸.

Таким образом, коллекция «указных книг» и сборников-конволютов за 1760-е гг. содержательно полна. Как и в случае с текстами отдельных законов, среди сборников указов преобладают издания второй половины 1770-х — 1780-х гг., то есть переиздания ранее уже вышедших книг¹¹⁹. Взаимодополняющий характер двух видов сборников с указами 1760-х гг. позволяет предполагать, что они появились в библиотеке одновременно, то есть в 1780-е гг. Возможно, нелишним будет упомянуть,

что Указы за 1764—1766 и 1769 гг. имеют единый тип переплета и, в отличие от отдельных сборников указов 1762—1763 и 1767—1768 гг., значительно лучшую сохранность.

В настоящее время период с 1770 по 1791 г. представляет одну большую лаку¹²⁰, однако так было не всегда. Так, в каталоге 1800 г. упоминаются «Указы с 1780 года»¹²¹, утраченные еще до 1830-х годов; что представлял собой этот сборник, мы не знаем, но, скорее всего, рукопись или владельческий конволют: издания указных книг при Екатерине II закончились 1770 годом. Далее в библиотеке следуют сборники — издательские конволюты. Из екатерининских — сборник указов за вторую половину 1792 г.¹²² Из указов павловского царствования — сборники за 1796 г., вторую половину 1797 г. ([М.?, 1796]¹²³; М., [1798]¹²⁴; полугодовые сборники за 1798¹²⁵ и 1799 гг.¹²⁶ 1800 и 1801 гг. охватываются владельческим сборником-конволютом указов за 1799—1802 гг., преимущественно на экономические темы и самого разного происхождения — от именных до указов Коммерц- и Мануфактур-коллегии¹²⁷.

Сохранился также один рукописно-печатный конволют — «Указы, собранные с опубликованных в Российском государстве (за 1736—1783 гг.)». Его тематическая направленность неопределенна: в нем имеются указы и о запрещении играть в азартные игры, и об освобождении тех, которые содержатся под караулом, и о банковских конторах, и целый ряд указов по Малороссийской коллегии, и рескрипты Г. А. Потемкину, А. А. Вяземскому и А. Г. Орлову. Завершается сборник копией с контракта от 10 ноября 1783 г. об отдаче в наем дома священником церкви Спаса Преображения в Пушкинских Степаном Васильевым¹²⁸.

Царствование Александра I более или менее полно представлено только за первые и последние годы — пять сборников с сенатскими указами за 1801—1804 и 1806 гг.¹²⁹, конволюты высочайших указов за 1823 г.¹³⁰, указов Сенату за 1824 г.¹³¹, высочайших и сенатских указов за 1825 г.¹³² Николаевское царствование представлено высочайшими указами за 1827, 1828 и 1830 гг.¹³³ Имеется также отдельная подборка за первую половину 1827 года¹³⁴. Два последних, уже совершенно разрозненных, издания — указы московских департаментов Сената «к объявлениям» за 1821 г.¹³⁵ Указы и объявления за 1820-е — начало 1830-х гг. в каталогах библиотеки не представлены.

К изданиям законов примыкают и некоторые сериальные издания, которые не были в полном смысле слова юридическими, однако они были одной из форм публикации указов и потому их стоит рассматривать как важные вехи на пути складывания российской юридической периодики. Это, во-первых, «Санктпетербургский вестник, содержащий в себе все указы ея императорского величества и Правительствующего Сената...», редактором-издателем которого был Г. Л. Брайко. В фондах

музея журнал представлен только первыми тремя частями, охватывающими 1778 и первую половину 1779 г., и последней, седьмой, за вторую половину 1781 г.¹³⁶, однако каталоги 1800 и 1860-х гг. фиксируют весь комплект: 7 частей за 1778—1781 гг.¹³⁷ Далее, по хронологии, следуют два выпуска (и это уже полный комплект) издававшегося А. А. Плавильщиковым «Журнала правоведения» на 1796 и 1797 гг. (М., 1800—1801)¹³⁸.

Безуспешность всех попыток кодификации, предпринятых государством на протяжении конца XVII — первой четверти XIX столетий, и весьма несовершенный процесс публикации законодательных материалов превращали юридическую практику, особенно судебную, в настоящий кошмар: разобраться в обилии законов и указов современникам было чрезвычайно трудно. Выходов было собственно два. Первый, к которому прибегала сама власть, — это издание тематических сборников. Второй, и он гораздо интереснее для истории правовой практики, — это, так сказать, стихийная кодификация. Она могла принимать различные формы: составление словарей, хронологических и азбучных указателей, а также выборка из моря тогдашних правовых актов действующих законов и норм и сведение их в тематические хронологические или систематические компиляции — «экстракты», использование материалов деятельности уложенных комиссий. В юсуповской коллекции представлены и тематические сборники, и экстракты, и указатели, и словари, и материалы комиссий.

Из печатных сборников имеются конвюльт, включающий «Инструкцию межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам» (СПб., 1766)¹³⁹ с приплетенными к ней «Инструкцией землемерам к генеральному всей Империи нашей земель размежеванию» (СПб., 1766)¹⁴⁰ и «Двумя частями из наставления, даннаго Правительствующаго Сената из Межевой экспедиции землемерам о общей методе государственного межеванья и о прочем...» ([СПб.,] 1766?)¹⁴¹; сборник межевых законов за 1765—1789 гг.¹⁴²; один из двух экземпляров «Межевой инструкции канцеляриям и конторам, с методами и указами к оной принадлежащими» (СПб., 1797)¹⁴³; «Высочайше подтвержденные доклады о снабжении армии сукнами, о умножении и усилении выделки в Государстве сукон и о образовании Главного правления мануфактур» (СПб., 1808)¹⁴⁴.

Из тематических сборников неэкономической направленности имеется подборка военных узаконений павловского царствования: указы из Военной коллегии за 1799 г. ([СПб., 1800])¹⁴⁵ и два выпуска «Копий с высочайших его императорскаго величества приказов, отданных при пароле цесаревичу Александру Павловичу», за 1796 ([СПб., 1797] и 1797 гг. ([СПб., 1798])¹⁴⁶ — а также «Собрание высочайших повелений

о правах Государственного совета и о порядке производства в оном дел изданных с 1810 года включительно по 1816 год» (СПб., б. г.)¹⁴⁷. В свое время в библиотеке имелись некие «Приказы в Санктпетерб(урге)» с 1801 по 1806 г.¹⁴⁸, в настоящее время утраченные.

Вероятно, конволютом внешнеполитических договоров и различных узаконений, касавшихся международных отношений, был двухтомный сборник «Трактаты и указы», упомянутый в каталоге 1800 г.¹⁴⁹ и не сохранившийся впоследствии.

Рукописные экстракты представлены «Экстрактом по юстиц-коллегии по расправной части» второй половины XVIII в. и «Экстрактом из законов о происшествиях и переменах по монетным делам»¹⁵⁰. Каталог 1800 г. фиксирует еще 7 экстрактов: «...по адмиралтейской части», «...по военной коллегии[,] комиссариат[ской части] и артиллерии», «...по ревизии», «...по уголовной части», «...по вотчинной части», «...по горным делам», «...по провиантской части»¹⁵¹. Таким образом, наряду со сборником законов, экстракт — весьма распространенный в библиотеке 1800 г. тип юридической книги. К сожалению, эти семь рукописей (за исключением, предположительно, одной) не сохранились, однако заметим, что они не зафиксированы и в каталоге 1860-х гг. Разумеется, они могли сторесть при пожаре 1821 г., погибнуть при перевозках библиотеки: из Петербурга в Архангельское, из Архангельского в 1812—1813 г. в эвакуацию и обратно, однако наиболее вероятно, что с выходом, начиная с конца 1780-х гг., печатных справочных пособий, необходимость в экстрактах отпала, и с ними расстались, как с ненужным хламом. Как, возможно, и с упомянутыми выше сборниками «Разных указов и регламентов».

Третьим, предположительно сохранившимся экстрактом, может быть экстракт по вотчинным делам. В библиотеке имеется рукопись конца XVIII в., озаглавленная «Свод законов по вотчинным делам»¹⁵². В каталоге 1860-х гг. она не представлена.

К экстрактам примыкают и некоторые другие рукописи. Одна из них — «Собрание привилегий и узаконений, относящихся до Лифляндии, Эстляндии и Финляндии. Краткое описание о происхождении Лифляндии, Эстляндии и Финляндии», составленное в 1784 г. надворным советником Василием Матвеевым (Ч. 1—4)¹⁵³. Связано ли появление этой книги с административной деятельностью Юсупова или с его хозяйственными интересами, еще предстоит выяснить.

Любопытен и не имеющий заглавия рукописный сборник отрывков из Соборного Уложения, новоуказных статей и указов, представляющий собой пособие по ведению в учреждениях наследственных дел, а также по некоторым другим вопросам¹⁵⁴. Последние указы датируются 1781, а бумага — 1787—1788 гг. В основном, материалы сборника посвящены

деятельности соответствующих ведомств (Рекетмейстерской конторы, Вотчинного архива), правилам подачи челобитных, разделу имущества между родственниками, судьбе выморочных имений, ответственности за различные нарушения имущественных прав частными и должностными лицами. Сборник отсутствует во всех каталогах, однако его принадлежность Юсуповым несомненна: на одном из текстов, на л. 156, имеется запись, что «сей указ принадлежит дому ея сиятельства княгини Ирины Михайловны Юсуповой служителю ее Якову Щербачеву».

Промежуточное положение между Соборным Уложением и экстрактами занимает сборник, включающий в себя «Сводное уложение» 1720 г. с «новоуказными» статьями по 1742 г.¹⁵⁵; рукопись датируется третьей четвертью XVIII в. Как известно, «Сводное уложение» было плодом долгих трудов уложенной комиссии, созданной в 1719 г. и проработавшей до 1726 г.; ее задачей было соединить Соборное Уложение 1649 г. со шведским и датским кодексами¹⁵⁶. Составленное уложение не было введено в действие; однако, судя по датам последних статей и времени создания рукописи, долгое время сохраняло актуальность и явно использовалось в юридической практике.

Отсутствие целого ряда рукописей и книг, представленных в библиотеке Юсуповых, в одном или всех сохранившихся каталогах, позволяет предположить, что они хранились в одном из московских или петербургских домов, принадлежавших Юсуповым, и попали в Архангельское после каталогизации 1860-х гг., а возможно и после революции, при разделе рукописного собрания Юсуповых между музеем и другими хранилищами (в частности, Древлехранилищем; в настоящее время — РГАДА). То есть, они не входили в состав библиотеки, находившейся в имении. Нельзя исключать и того, что ряд рукописей был приобретен потомками Н. Б. Юсупова, — это касается в первую очередь сборника указов и рескриптов 1736—1783 гг.

В целом коллекция законодательных памятников весьма представительна. Нет сомнения, что она формировалась как часть библиотеки именно Н. Б. Юсупова, что происходило это в начале 1780-х гг. и что интеллектуальная мода и иные интересы, кроме практических, почти не нашли здесь своего выражения. Например, интерес к российской истории — в целом у князя весьма заметный — не может быть зафиксирован на коллекции юридических памятников второй половины XVII — XVIII в.: имеющиеся в библиотеке издания законов и рукописи, которые появились до 1780 г., во-первых, сравнительно немногочисленны, во-вторых, полностью или в основном их нормы еще сохраняли к этому времени свою юридическую силу. Собрание российской юридической литературы — это не коллекция юридических памятников XVIII в., а, за редким исключением, собрание действующего в определенный момент

законодательства по отраслям права и проблемам, представляющим практический интерес¹⁵⁷. Разумно предположить, что собрание литературы по законоведению, к анализу которого мы перейдем ниже, также будет соответствовать этому принципу.

Наличие в составе библиотеки отдельных книг, принадлежавших родителям Юсупова, позволяет предполагать, что князь наследовал ее целиком или в какой-то части. Однако старые издания законов, если они еще там оставались, Н. Б. Юсупову по большей части были уже не нужны. К 1783 г. он имел свое собрание важнейших законов и представительную коллекцию указов.

Разумеется, эта коллекция не исчерпывает всей полноты российского законодательства и, возможно, именно поэтому круг интересов князя в сфере именно российского права она характеризует вполне отчетливо.

Все эти законы и иные нормативные материалы (кроме плотного комплекса военных) так или иначе могут быть связаны с положением Юсупова как крупного чиновника, богатого помещика и промышленного предпринимателя — даже те, что на первый взгляд не имеют отношения к этой сфере. Например, «Общее учреждение министерств» или «Учреждение для управления большой действующей армии», появившиеся в тот период, когда Юсупов был слабо вовлечен в государственные дела. Положение казенного подрядчика (в данном случае сукна для нужд армии) обязывало Юсупова точно знать структуру официальных учреждений, так или иначе связанных с приемом продукции. Наличие в коллекции отчета министра внутренних дел также не противоречит этому наблюдению, так как промышленные предприятия находились в то время в ведении именно этого министерства, а непосредственный хозяйственный учет производили полицейские органы. В целом законы, связанные с экономикой, преобладают.

Отдельные законы связываются с определенными периодами службы Юсупова. Так, тариф 1782 г., сборник указов, изданных в 1779 г., и, возможно, ряд иных законов и сборников, касающихся торговли, — со службой в Комиссии о коммерции. Другие — со службой в Межевой экспедиции; это, скорее всего, комплекс межевых законов. Третьи — со службой в 1-м департаменте Сената; например, Духовный регламент и, может быть, большая часть указных книг. Любопытно, что не сохранилось никаких узаконений (отдельно изданных или тематических сборников), имеющих непосредственное отношение к работе Департамента уделов, императорских театров. С другой стороны, отдельные издания и рукописи — экстракт по монетным делам, лифляндские законы, адмиралтейский регламент — позволяют предполагать, что охватываемые ими сферы государственного регулирования входили в круг служебных обязанностей Юсупова (к примеру, в том же самом 1-м департаменте), что задает направления приоритетного архивного поиска.

Собственно экстракты из законов можно рассматривать уже не только как законодательные памятники. В известной степени они были аналитическими текстами, фиксировавшими определенный подход к осмыслению обширного законодательного материала. Это становится особенно заметным при обращении к первым памятникам отечественного законовещения.

Как уже было сказано выше, российская юриспруденция на протяжении второй половины XVIII — первой трети XIX в. развивалась в основном в двух слабо связанных между собой направлениях: 1) рецепция и развитие идей естественного и римского права и 2) практическое законовещение. Сочинений, относящихся к первому направлению, в библиотеке Н. Б. Юсупова не обнаружено. В каталоге 1800 г., но без указания автора, указаны некие «Римския и российския права»; вероятно, имеется в виду сочинение А. А. Артемьева «Краткое начертание римских и российских прав с показанием купно обоих равно как и чиновположения оных историй» (М., 1777)¹⁵⁸. Но им все и исчерпывается. Позднейшая российская литература по теории права — к примеру, сочинения А. П. Куницына «Право естественное» (СПб., 1818), Л. А. Цветаева «Краткая теория законов» (М., 1810; 2-е изд. 1816), В. Г. Кукольника «Начальные основания российского частного гражданского права» (СПб., 1813) — в собрании Архангельского отсутствовала полностью. Из теоретических сочинений по отдельным отраслям права можно назвать только «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева (СПб., 1818).

Российское же практическое законовещение представлено в библиотеке выборочно, но вполне репрезентативно. Заметно, что князь не ставил перед собой задачи собрать полную коллекцию, а довольствовался сравнительно небольшим числом удобных, хорошо зарекомендовавших себя изданий.

Первую группу составляют издания, которые по структуре и уровню осмысления материала примыкают к экстрактам и собственно правоведческой литературой могут быть названы с некоторой натяжкой. Из сочинений общего характера самым ранним был составленный Ф. Лангансом и изданный у Н. И. Новикова «Словарь юридический, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку...» (М., 1788)¹⁵⁹. Российский правовед первой половины XIX в. П. В. Хавский охарактеризовал этот труд как «сильный переворот в науке законовещения»¹⁶⁰. Содержание терминов раскрывалось в статьях, состоящих из краткого изложения тех или иных пунктов отдельных законов. Это был собственно словарь и, кстати, первый опыт подобного пособия в России, выдержавший на протяжении четырех лет четыре издания. В библиотеке Юсупова имеется второе издание (первое было напечатано тоже в Москве в том же году)¹⁶¹.

Следующим в России вышел «Словарь юридический, или Свод российских узаконений, временных учреждений, суда и расправы» (М., 1792—[1796])¹⁶², составленный секретарем Сената и одним из известнейших в то время российских писателей Михаилом Дмитриевичем Чулковым. Первая часть, как и словарь Ланганса, составлена «по азбучному порядку»; вторая же, состоящая из четырех отделений, — «по старшинству годов, месяцев и числ от Уложения, или с 7157 года». Как видно из второй части заглавия, Словарь Чулкова представляет собой не столько словарь, сколько опыт неофициального собрания законов с указателем.

Подобные издания выходили и позже. Так в собрании Юсупова имеется самое пространное издание подобного рода: составленный Львом Максимовичем Максимовичем «Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы» (М., 1803—1810. Ч. 1—10)¹⁶³, заслуживший высокую оценку позднейших правоведов¹⁶⁴. Обращает на себя внимание то, что систематизация носит неюридический характер: хронологический и алфавитный. Кроме того, все составители не ставят перед собой задачи исчерпать все российское право, а обращают преимущественное внимание на законы, регулирующие деятельность государственных учреждений, в том числе делопроизводство, а также на гражданское (в том числе хозяйственное) и уголовное право.

Несколько ближе к собственно правоведческой литературе стоит труд Федора Денисовича Правикова, продолженный затем его сыном Александром, «Памятник из законов, руководствующий к познанию...». Основное внимание в книге уделено «приказному обряду» (Ч. 1, 3. Отд. 1), а также «познанию должностей, возложенных на присутственные места и на обретающихся в них» (Ч. 2, 3. Отд. 2); то есть первые части представляют собой пособие по организации делопроизводства; равно важное для обеих сторон — и чиновника, и лица, вынужденного обращаться в учреждение. Далее следовали тексты совершенно иного жанра: систематизированные справочники нововышедших узаконений. Таким образом, первые три-четыре части, с одной стороны, и все последующие, с другой, в целом имели самостоятельное значение. И если алфавитные и хронологические указатели выходили и впоследствии, то издания, специально посвященные организации канцелярского труда, нам не известны.

В этой связи не можем не отметить некоторых особенностей публикации и переиздания этого сочинения, на которые правоведы не обращают внимания, ограничиваясь сообщением о том, что полное издание составляло семнадцать частей, последняя из которых появилась в 1827 г., и что «Памятник» выходил еще четырежды¹⁶⁵. Так, во-первых, 17 частей насчитывало только первое издание; остальные насчитывали

не более 8. Во-вторых, в разных изданиях первые части выходили в разное время; публикация же последующих частей могла идти параллельно. В-третьих, нетрудно заметить, что если первые части первых изданий выходят в разных городах (Владимире, Москве и Петербурге) и преимущественно в частных типографиях, то впоследствии (около 1813 г.) издание всех частей сосредотачивается в Сенатской типографии Петербурга. По всей видимости, государство взяло издание труда Правиковых под свой контроль и, до известной степени, он имел характер полуофициального юридического пособия.

«Памятник из законов» Ф. Д. Правикова представлен в фондах музея 14 частями различных изданий. Наиболее полное — 3-е издание в пяти частях (М., 1806—1807. Ч. 1—5)¹⁶⁶. Имеется также дополнительная ч. 6 (СПб., 1806; издание не указано)¹⁶⁷. Особо следует выделить экземпляры первого издания: Ч. 1 (Владимир, 1798); Ч. 2 (Владимир, 1799); Ч. 1—2 (Владимир, 1798—1799); Ч. 3. Отд. 1 (Владимир, 1800); Ч. 1, 3. Отд. 1—2 (Владимир, 1798—1802)¹⁶⁸ издания сгруппированы в зависимости от единства переплета. В каталоге 1860-х гг. указаны только три тома 1798—1800 гг. и шесть томов, изданных в Москве в 1807 г.¹⁶⁹ Так как несколько томов «Памятника» были привезены из Ракитного, то происхождения конкретных экземпляров мы еще коснемся ниже, в соответствующем разделе статьи.

К группе собственно правоведческой литературы можно отнести «Систематический свод существующих законов Российской Империи, с основаниями права из оных извлеченными. / Издаваемый Комиссиею составления законов» (СПб., 1815)¹⁷⁰. П. И. Дегай считал его лучшим «источником узаконений» по гражданскому праву, хотя отмечал его неполноту¹⁷¹.

Последним сочинением подобного рода из имеющихся в библиотеке является «Систематическое руководство к познанию российского практического законовещения» (М., 1819. Ч. 1), составленное П. Соколовым¹⁷².

Более или менее систематическое представление о российских законах в начале XIX в. можно было почерпнуть из составленного тем же Правиковым учебника для средних учебных заведений «Грамматика юридическая, или Начальные правила российского правоведения, сочиненные в пользу юношества, обучающегося в разных училищах» (М., 1803). Кроме первого, московского, издания, в библиотеке имеется и второе, петербургское, издание 1805 г.¹⁷³

Примечательно наличие в библиотеке Юсупова первого «переплета» книги профессора Московского университета З. А. Горюшкина «Руководство к познанию российского законоискусства» ([Переплет 1: ...до права соседского.] М., 1811)¹⁷⁴. Автор был одним из лучших право-

ведов своего времени, «последним ярким представителем практической (дьяческой) юриспруденции — именно в нем она окончательно угасла — и вместе с тем одним из зачинателей юриспруденции теоретической»¹⁷⁵. Горюшкин мало обращал внимание на теорию, но был первым, кто дал систематическое и всеобъемлющее изложение действовавшего российского права, применяя одновременно и историко-правовой подход: в его сочинении имеются экскурсы в историю законодательства. Экземпляр из библиотеки Н. Б. Юсупова переплетен в красный сафьян, имеет полный золотой обрез, орнаментальное тиснение по периметру крышек, дублюры и зеленые шелковые форзацы, что в целом не характерно для юсуповских книг, особенно российских. Возможно, экземпляр был подносным или находился в кабинете князя на виду, выполняя таким образом репрезентационную функцию.

К третьей группе литературы по правоведению можно отнести сочинения по отдельным отраслям права. Устойчивый интерес князя к вопросам торговли и финансов, вероятно, стал причиной того, что литература на эту тему сравнительно многочисленна. Книга Ф. Г. Дильтея «Начальные основания вексельного права...» имеется в трех экземплярах (2-е изд. М., 1772; 4-е изд. Ч. 1—2. М., 1787; 5-е изд., вновь поправленное и умноженное. М., 1794)¹⁷⁶. Самое количество переизданий говорит о ее большой популярности.

Имеются также принадлежащие перу Ф. Г. Вирста «Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерциею Российской Империи...» (СПб., 1807. Т. 1—2)¹⁷⁷. Правительство в начале XIX в. предпринимало активные попытки сформировать торговое право¹⁷⁸, и мнение Вирста, редактора Отделения коммерческого уложения Комиссии составления законов, должно было интересовать князя, именно в это время взявшегося за серьезные предпринимательские проекты.

О сохранении Юсуповым и в 1810-е гг. интереса к финансовой проблематике свидетельствует и экземпляр первого издания «Опыта теории налогов» Н. И. Тургенева (СПб., 1818)¹⁷⁹. Сочинение привлекло к себе большое внимание, вызвало самые разные отклики и обсуждалось в обществе и прессе вплоть до 1826 г.¹⁸⁰ Хотя сам автор, известный либеральный чиновник и экономист, будущий член Союза благоденствия, называл его «первым сочинением по теории финансов, написанным русским на родном языке»¹⁸¹, оно было весьма публицистично и в нем были затронуты многие юридические проблемы: от действующей системы правоотношений до финансового законодательства. Насколько известно, Н. Б. Юсупов не был противником крепостного права, и можно было бы подумать, что этот трактат интересовал его чем угодно, но только не антикрепостническими выпадами, если бы в его библиотеке

не было другого сочинения, посвященного отношениям поземельных сословий и также весьма либерального (по российским меркам) — Стройновский В. «О условиях помещиков с крестьянами / Пер. с польск. В. Анастасевич» (Вильно, 1809)¹⁸². Собственно к российской юридической литературе его можно отнести с оговорками: лишь постольку, поскольку Польша в тот момент входила в состав Российской империи и книга была издана в Вильно на русском языке.

Остальные части гражданского права представлены книгой Б. Меркулова «Право завещательное, с показанием древних и новейших законов на оное существующих, и имений под оное подходящих, с присовокуплением образцов завещаниям» (М., 1814)¹⁸³.

Российская международно-правовая мысль отмечена сочинением П. А. Левашева «О первенстве и председательстве европейских государей и их послов и министров» (СПб., 1792)¹⁸⁴.

В целом литература, по всей видимости, приобреталась по мере ее издания. Так, уже в 1800 г. в числе книг имелись «Словарь» Ланганса, один экземпляр книги Дильтея, два экземпляра «Словаря юридического» Чулкова и две части «Памятника законов» Правикова. Однако интерес Юсупова к российскому правоведению носил преимущественно прикладной характер: с одной стороны, для практических нужд необходимо было в сочинении Горюшкина или во втором издании «Грамматике юридической» Правикова не было никакой; с другой, в библиотеке не было, за единственным исключением, российской литературы по римскому праву и полностью — по уголовному и уголовно-процессуальному. Преобладают сочинения, имеющие то или иное отношение к различным частям гражданского права, преимущественно к экономической и финансовой сферам.

Вероятно, князь был действительно убежден в глубоком отличии российской действительности от западноевропейской и не считал возможным перенести на отечественную почву начала европейского права — отсюда игнорирование им российской теоретической юридической мысли. С конца 1810-х гг. даже этот сравнительно небольшой интерес, вероятно, сходит у Юсупова на нет: коллекция правоведческой литературы просто перестает пополняться.

Выпускавшиеся Правительствующим Сенатом периодические справочные издания представлены единичными или разрозненными экземплярами. В библиотеке имеются «Санктпетербургские сенатские ведомости» за 1810 и первую половину 1812 г. (Кн. 3. № 1—52; Кн. 7. № 1—26)¹⁸⁵, полный комплект «Сенатских объявлений о запрещениях на недвижимые имения» за 1824 г. (№ 1—52)¹⁸⁶ и «Сенатских объявлений о разрешении запрещений на недвижимые имения» за тот же год¹⁸⁷, «Правительствующего Сената санктпетербургских департаментов объ-

явления к Санктпетербургским ведомостям» за июнь—август 1827 г. (№ 47—62)¹⁸⁸, «Правительствующего Сената московских департаментов объявления к Московским ведомостям» за первую половину 1823 и март—апрель 1830 г. (№ 53—97; № 18—35)¹⁸⁹. Ни один из них в сохранившихся каталогах не упоминается¹⁹⁰.

Подводя итог описанию коллекции юридической литературы Н. Б. Юсупова и так называемых экземпляров неизвестного происхождения, которые вполне могли ему принадлежать, будет уместно констатировать, во-первых, что эта коллекция складывалась как личное собрание. Книг и рукописей, которые могли быть унаследованы от родителей, особенно от отца, немного. Во-вторых, библиотека князя в Петербурге, перевезенная затем в Архангельское, была лишь ядром, к которому в разной степени тяготели и с которым в той или иной мере «сообщались» другие, более мелкие, книжные собрания. Эта банальная, но не подкрепленная никакими фактами идея, получила подтверждение на примере отдельной тематической коллекции: около двух десятков изданий, с высокой степенью вероятности принадлежавших именно Юсупову, не упомянуто ни в каких каталогах. В-третьих, для исследователей личности и деятельности самого Юсупова коллекция может оказаться полезной при выяснении принципов и мотивов поведения князя в тех или иных ситуациях — в первую очередь служебных и хозяйственных.

Интерес Юсупова к российскому праву всерьез обнаружился не раньше 1780-х гг. и определялся преимущественно служебными задачами, в меньшей мере экономическими интересами и в наименьшей степени — интересом к российской теоретической правовой мысли. Отсюда также и абсолютное преобладание законов, экстрактов и указателей законов над правоведческой литературой. Затем, с начала XIX в., экономическая деятельность Юсупова становится едва ли не главным фактором, определяющим внимание князя к тем или иным изданиям; теория права, видимо, окончательно уступает место в сфере интересов практическому законоведению. До 1806—1807 гг. собрание юридической литературы Юсупова в целом адекватно отражает особенности и общую эволюцию российской юридической литературы и связанных с ней сторон правовой практики в XVIII — начале XIX в.: структурообразующую роль регламентов, уставов и учреждений в море указов; развитие указных книг; постепенный упадок рукописной традиции; всплеск и угасание «культуры» экстрактов, сменных печатными указателями законов; складывание юридической периодики.

Впоследствии, не позднее 1810-х гг., указные книги вообще перестают поступать в состав основной библиотеки Юсупова, откладываясь,

видимо, в московских домах; издания отдельных законов и правоведческой литературы исчисляются буквально единицами. За начало 1820-х гг. в библиотеку поступают только три книги, две из которых — тарифы. С 1823 г., если не считать списков чиновников, в библиотеке не отложилось ни одного издания. В какой мере это объясняется старостью, в какой эволюцией интеллектуальных предпочтений Юсупова или окончательным превращением Архангельского в парадную резиденцию, слабо вовлеченную в круг забот по управлению обширным хозяйством, — все эти вопросы остаются открытыми и требуют более глубокого специального изучения. Собрание юридической литературы Юсупова 1810-х — начала 1830-х гг. уже лишь в малой степени отражает общее состояние российского юридического книгоиздания.

Особое место в составе музейной «библиотеки Юсуповых» занимают собрание книг, вывезенных из курского имения Юсуповых Ракитное, и коллекция томов «Свода законов Российской Империи» — самостоятельные книжные комплексы. Из них второй не имел никакого отношения к Н. Б. Юсупову-старшему, и оба — к основному массиву его библиотеки. Если «книгообмен» между московскими собраниями и библиотекой Архангельского мог быть регулярным и даже интенсивным, то представить что-то подобное между Архангельским и Ракитным несколько затруднительно.

«Свод законов Российской Империи», как известно, полностью издавался в 1832, 1842 и 1857 гг. Каждое из этих изданий в свою очередь выдержало некоторое количество переизданий; кроме того, в 1834—1839, 1843—1855 и 1858—1861 гг. более или менее регулярно выходили «Продолжения Свода законов»¹⁹¹. В библиотеке Юсуповых имеются Свод 1832 г. (третье издание 1835—1836 гг.) и его «Продолжения», Свод 1842 г. с «Продолжениями», и Свод 1857 г. — всего 56 томов.

Два из трех собраний почти полны, по крайней мере в основной своей части. Так, Свод 1832 г. представлен всеми 15 томами; указатели именно к третьему изданию не сохранились, имеется только том «Алфавитного указателя...», вышедший в 1834 г. (то есть к первому изданию Свода 1832 г.)¹⁹²; отсутствует «Общее оглавление...». Что касается «Продолжений» (всего было издано 6 выпусков в 12 частях), то в библиотеке отложились все три части третьего выпуска «Продолжения» (СПб., 1836), а также выпуски 4 за 1836 г. (СПб., 1837) и 5 за 1837 г. (СПб., 1838)¹⁹³. Соответственно, отсутствуют первый, второй и шестой выпуски «Продолжений» (СПб., 1834, 1835, 1839).

Свод законов 1842 г. также в основной части не имеет лагун; отсутствует «Алфавитный указатель» (СПб., 1844), сохранился том «Особых

указателей» (СПб., 1842)¹⁹⁴. Коллекция «Продолжений» неполна: из пятнадцати выпусков не имеется 13 и 17—19¹⁹⁵. Тома 2 и 4 основного издания Свода 1842 г. и 2 и 16 выпуски «Продолжений» к нему имеются в двух экземплярах.

Собрание 1857 г. представлено всего двумя томами: Т. 5 и Т. 10. Ч. 1¹⁹⁶.

Но такое описание учитывает лишь библиографические сведения. На самом деле картина сложнее. Несомненно, единый владельческий комплекс представляет издание Свода 1832 г. и почти всех приложений к нему: все тома, за единственным исключением, имеют единый переплет (условно названный «тип 1»)¹⁹⁷. Свод 1842 г. представлен уже тремя типами переплетов (типы 2, 3 и 8), причем тома разных типов чередуются: тип 2 — тт. 1—8, 12—13; тип 3 — тт. 9—11, 14—15, указатель; тип 8 — дублиеты 2 и 4 томов. Это значит, что мы имеем дело не с последовательной сменой переплетов в одном комплекте, а с двумя или тремя разными, два из которых, возможно, в свое время были сведены в один — комплекты 2 и 3 дополняют друг друга.

Типы переплетов Свода 1842 г. имеют только один аналог в переплетах «Продолжений»: переплет второго выпуска «Продолжений» относится к упомянутому выше типу 8. Остальные 6 типов (4—6, 9—11) появляются впервые: тип 4 — две части выпуска 15 «Продолжений», тип 5 — выпуски 1—5, 7, 9—10, 12, 14, тип 6 — выпуски 6 и 8, тип 9 — выпуск 11, типы 10 и 11 — два экземпляра выпуска 16.

Тома Свода 1857 г. представлены одним типом переплета (тип 7).

Что-то определенное можно сказать только о владельце томов с переплетом 4-го типа: на корешке имеется тисненая золотом надпись: «Л. И. Недремского». К сожалению, личность этого человека и его связь с Архангельским и Юсуповыми выяснить не удалось.

Остальные тома всех изданий не имеют ни владельческих, ни дарственных надписей и знаков; документов, отражающих процесс передачи книг в библиотеку, пока не выявлено; немногочисленные маргиналии не поддаются быстрой и сколько-нибудь обоснованной атрибуции и интерпретации — таким образом, установить источник поступления этих книг в библиотеку Архангельского скорее всего будет не просто¹⁹⁸. Многочисленность и пестрота комплектов позволяют предположить, что настоящие издания использовались вотчинной администрацией юсуповских имений. В своей повседневной хозяйственной и административной практике, главным образом во взаимоотношениях с властями предержавными, а также при ведении тяжб, управляющие неизбежно нуждались в подобного рода книгах: многие тома явно не-

сут следы интенсивного и частого чтения (загрязнение носит бытовой характер, а большая часть повреждений вызвана не пожаром, плесенью, старением кожи и бумаги или насекомыми, а элементарным износом переплета и листов). Судя по отсутствию в современной библиотеке Юсуповых Свода законов 1876 г. и позднейших его томов и «Продолжений», устаревшие издания из вотчинных контор были выделены и сконцентрированы преимущественно до этого времени, то есть при Н. Б. Юсупове-младшем, скорее всего, во дворце и, очевидно, по его личному распоряжению. В состав мемориальной библиотеки Н. Б. Юсупова-старшего они не вошли (отсутствуют в систематической описи русских книг 1860-х гг.), и это позволяет более уверенно предполагать складывание в Архангельском в эти годы еще одного книжного собрания, принадлежавшего его потомкам. Разумеется, какие-то тома могли быть утрачены в советский период, но никаких сведений об их наличии мы не имеем.

Библиотека в Ракитном, курском имении Юсуповых, на момент вывоза насчитывала несколько сотен томов. В отличие от разрозненных комплектов Свода законов, на книги, вывезенные из Ракитного в Архангельское, имеется опись, которая позволяет и установить время передачи (конец XIX в.), и получить представление о составе находившегося там книжного собрания¹⁹⁹. Время его складывания, эволюция и отношения с библиотекой Н. Б. Юсупова в Архангельском еще не выяснены, состав не проанализирован, ракитянские экземпляры из общего массива музейной юсуповской библиотеки не выделены. Поэтому ограничимся сообщением о том, что поступившая литература относилась к самым разным областям знания и сама библиотека была явно помещицкой, а не конторской. Ее объем и характер могли меняться (об этом нам ничего не известно), но в целом собрание соответствует потребностям временного недолгого жителя — в основном, как известно, Юсуповы проживали в Петербурге и Москве, а из имений — в подмосковных Архангельском и Спасском. Из юридической литературы в описи упомянуты 5 томов «Словаря юридического», составленного Чулковым, 4 книги «Памятника из законов...» Правикова, представленные в описи дважды — одним, а затем еще тремя томами, «Межевая инструкция», а также некий «Свод законов» (5 томов) и «Свод учреждений государственных и губернских» (1 том)²⁰⁰. Выходные данные изданий в описи указаны не были.

Большая часть этих книг, очевидно, до сих пор находится в составе юсуповской библиотеки. Как мы сообщали выше, в фондах имеются два комплекта «Словаря» Чулкова, тогда как каталоги 1830-х и 1860-х гг.

фиксируют только один. Каждый из этих пятитомников имеет свой единый тип переплета. «Межевой инструкции» в настоящее время в библиотеке имеется 3 экземпляра: один — 1766 и два — 1797 гг. издания, тогда как опись русских книг 1860-х гг. фиксирует, как известно, лишь одну за 1797 г. Так как юридическая литература, присланная из Ракитного, имела исключительно практическую направленность, то резонно предположить, что там пользовались более свежим изданием 1797 г., правда, каким именно экземпляром, неясно.

Как уже было сказано выше, «Памятник из законов» Правикова представлен в фондах музея 14 частями различных изданий: опись русских книг фиксирует 3 части издания 1798—1800 гг. и 6 частей московского издания 1807 г. — итого 9; опись книг ракитянского имения, как уже упоминалось, — 1 и 3. Всего по обоим описям — 13. То есть имеется явно лишний, не упомянутый ни в каких описях том.

Пять частей московского издания 1806—1807 гг. и изданная в Петербурге шестая часть имеют одинаковые переплеты, и нет сомнений в том, что перед нами издание из библиотеки Архангельского. Составители каталога вполне могли указать место издания по первой части, а также несколько ошибиться в дате — такие небрежности в каталоге русских книг встречаются.

Относительно же остальных изданий «Памятника», которые из них поступили из Ракитного, а какие находились в составе библиотеки Архангельского, ясности нет. Вероятно, из Ракитного происходят Ч. 1, 3. Отд. 1—2 (Владимир, 1798—1802)²⁰¹, составляющие единый комплект; из Архангельского — Ч. 1—2 (Владимир, 1798—1799) и Ч. 3. Отд. 1 (Владимир, 1800)²⁰², имеющие два разных типа переплета, но соответствующие выходным данным каталога.

Что касается Свода законов, то из Ракитного не могли поступить крупные комплекты с типами переплетов 1, 2 и 5 (см. выше описание коллекции Свода законов), так как они насчитывают по 14, 8 и 10 томов соответственно. Единственный остающийся экземпляр «Свода законов государственных и губернских» — том 2 Свода 1842 г. (тип 8). Если в описи упоминается действительно он, то из Ракитного должны были поступить и том 4 того же издания, и выпуск 2 «Приложений» к нему.

Наличие «лишнего» тома «Памятника» позволяет также предположить, что библиотека Архангельского была пополнена из вотчинных контор и библиотек не только разрозненными томами Свода законов, но и иной юридической литературой. Кроме «лишнего» тома «Памятника законов», неучтенного первого издания указов Екатерины I и Петра II и отсутствующего в каталогах 1830-х и 1860-х гг. конволюта с межевскими инструкциями 1766 г., в фонде имеется и два «бесхозных» экземпляра

четвертого отделения второй части «Словаря юридического» Чулкова²⁰³ — кстати, оба также не в самом лучшем состоянии, особенно последний. Если издания Свода законов, равно как и межевая инструкция, и разрозненные тома изданий Чулкова и Правикова действительно поступили из вотчинных контор, то эта часть библиотеки Юсуповых дает важные сведения по распространению литературы русского права не только в высокообразованной аристократической, но и в более низкой социальной среде — среди управляющего персонала помещичьих имений.

В целом коллекция русской правовой литературы и литературы по русскому праву, собранная Н. Б. Юсуповым, не может быть названа исчерпывающе полной, однако ее высокая ценность несомненна. В первую очередь тем, что это, безусловно, одно из самых крупных из сохранившихся в составе частных библиотек собраний такого рода. Для исследователей личности и деятельности самого Юсупова коллекция может оказаться нелишней при выяснении принципов и мотивов поведения князя в тех или иных ситуациях — в первую очередь служебных и хозяйственных. Для истории русской правовой литературы собрание представляет интерес не самыми распространенными изданиями законов и рукописными сборниками. Для истории русского права в целом — в том, что она, по-видимому, вполне адекватно отражает состояние русской правовой системы: характер и уровень правовой мысли, положение с публикацией законов, уровень развития вспомогательной правовой литературы и некоторые особенности правовой практики — в частности, дает возможность не только рассмотреть, что собой представляла и как развивалась система юридической информации (что более или менее известно), но и каким образом общество преодолеvalo несовершенство этой системы. Что находило отражение в составе частных библиотек.

В заключение стоит сказать, что имеется возможность выделить и проанализировать аналогичную коллекцию в составе библиотеки Н. Б. Юсупова-младшего — ее каталоги сохранились, во всяком случае частично, и по крайней мере в одном из них русская юридическая литература представлена весьма широко²⁰⁴. Однако в фондах музея «Архангельское» никаких следов этих книг не обнаружено и изучение этого собрания выходит за рамки нашей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о библиотеке см.: *Рапопорт В.* Библиотека // *Познанский В. В.* Архангельское. М., 1966. С. 28—31; *Булавина П., Рапопорт В., Унаняц Н.* Архангельское. М., 1981. С. 70—77; Книги кирилловской печати XVII—XVIII вв. в музее-усадьбе «Архангельское» / Сост. А. А. Гусева и Л. И. Плешкова // В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. указ. / Под ред. Е. Л. Немировского. М., 1981. Вып. 6; *Плешкова Л. И.* Библиотека музея-усадьбы «Архангельское» // Музееведение и охрана памятников. Реставрация и консервация музейных ценностей. Научн. реферат. сб. М., 1981. Вып. 5. С. 2—3.; *Краснобаева М. Д.* Издания по изобразительному искусству в отделе редких книг Музея-усадьбы «Архангельское» // Век Просвещения: Россия и Франция. Мат-лы научн. конф. М., 1989. (Вишперовские чтения — 1987. Вып. 20). С. 236—247; *Савинская Л. Ю.* Иллюстрированные каталоги частных картинных галерей второй половины XVIII — первой трети XIX века // Актуальные проблемы отечественного искусства. Межвуз. сб. научн. тр. МПГУ им. В. И. Ленина. М., 1990. С. 49—65; *Дружинина Е. В.* Детские игры как феномен культуры // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1992. М., 1993. С. 351—363; *Она же.* Усадебная библиотека Н. Б. Юсупова в Архангельском (Из истории книг, посвященных театру) // Книга. Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 68. С. 320—336; *Безсонов С. В.* Архангельское: Подмосковная усадьба. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 80 (1-е изд. — М., 1937); *Боленко К. Г.* Библиотека // «Ученая прихоть». Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова. М., 2001. Т. 1. С. 303—309; *Он же.* Книги Екатерины Романовны и Павла Михайловича Дашковых в библиотеке Н. Б. Юсупова-старшего (в собрании Отдела редких книг и рукописей Государственного музея-усадьбы «Архангельское») // Е. Р. Дашкова: личность и эпоха. М., 2003. С. 120—159; *Дозорова Н. И.* Российские периодические издания второй половины XVIII — начала XIX века в библиотеке музея-усадьбы «Архангельское» // Красногорье: Историко-краеведческий альманах. 2003. № 7. С. 41—50. Кроме того, в архиве музея сохранилось несколько рукописей научных работ, не потерявших своего значения: *Дружинина Е. В.* Редкое русское анонимное издание 1823 г. из библиотеки усадьбы «Архангельское» // Выступления на научной конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1986 год (1987. — Инв. № 756—НА); *Она же.* Москва в указах Екатерины Великой (1997. — Инв. № 851—НА); *Плешкова Л. И.* Русские издания петровского времени в библиотеке музея-усадьбы «Архангельское» (1965. — Инв. № 605—НА); *Она же.* Сочинения французских драматургов XVII—XVIII вв. в собрании музея-усадьбы «Архангельское» (1983. — Инв. № 708—НА); *Резник В. И.* Обзор раздела «Медицина» собрания редких книг музея-усадьбы «Архангельское». (1996. — Инв. № 837—НА); *Усятинская Л. Б.* Русская художественная литература XVIII века в собрании музея «Архангельское» (1969. — Инв. № 250—НА).

² Инв. № 18965 («Catalogue de la Bibliothèque du Prince Youssouppoff. L'an 1800. St. Petersburg», далее — Каталог 1800). Здесь и далее инвентарные номе-

ра для фонда редкой книги мы приводим без указания учреждения-фондохранилища и расширения (РК). Подробнее о каталоге 1800 г. см. с. 6.

³ Под томами (или единицами хранения), в соответствии с действующими правилами музейного учета, мы имеем в виду одно или несколько изданий, имеющих единый переплет.

⁴ В соответствии со сложившейся традицией, устойчивые заглавия юридических памятников (Соборное Уложение, Воинский устав, Свод законов и др.) мы приводим без кавычек. При описании конкретных экземпляров полные заглавия большого объема будут приводиться в примечаниях. Ссылки на сводные каталоги (главным образом на «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (М., 1962—1975. Т. 1—[6]) даются только для изданий описываемой тематической коллекции.

⁵ Инв. № 1135.

⁶ Инв. № 4837. Каталог 1800. [Раздел] Histoire politique. Mémoires. Jurisprudence. № 1728.

⁷ Инв. № 12280, 12362.

⁸ Инв. № 10402.

⁹ Каталог 1800. Histoire politique. Mémoires. Jurisprudence. № 1069; Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1984. Т. 1. № 549, 1986. Т. 3. № 2836—2837. Для каждого издания, находящегося в составе библиотеки, мы даем его инвентарный номер, который не следует путать с номерами по дореволюционным каталогам библиотеки Юсупова и сводным каталогам русской книги. Далее в статье мы уже не будем уточнять, что под российской юридической литературой имеется в виду только литература по российскому праву и теоретическому правоведению.

¹⁰ О каталогизации 1860-х гг. см.: Дружинина Е. В. Усадебная библиотека Н. Б. Юсупова. С. 320—322. О каталогизации 1900-х гг. почти ничего неизвестно.

¹¹ РГАДА. Ф. 181. Оп. 12. Д. 1181—1222. Каталоги крупных разделов состоят из нескольких тетрадей.

¹² Там же. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1254. Не исключено, что каталоги-тетради выполняли функцию топографических описей.

¹³ Там же. Ф. 181. Оп. 12. Д. 1199—1200; Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1254. С. 169—226 (в отсутствие архивной нумерации листов мы вынуждены использовать владельческую пагинацию). Ссылки на этот каталог будут производиться по д. 1254 (далее — РГАДА. Auteurs russes).

¹⁴ Хранится в музее в Отделе редких книг, рукописей и фотофондов.

¹⁵ ГМУА. Фонд рукописей. Ф. 1 (Юсуповы). Ед. хр. 315 («Catalogue de la Bibliothèque du Prince Youssouppoff en son château d'Arkhangelski: Оглавление Отделения русских книг»). Далее — Каталог 1860. В отсутствие собственной порядковой нумерации в ссылках на каталог 1860-х гг. мы будем указывать листы, в ссылках на каталог 1800 г. — порядковые номера томов, опуская название раздела «Российские книги». В большей части случаев мы будем объединять ссылки на каталог 1860-х гг. и каталог начала 1830-х гг., указывая в скобках топографический шифр 1830-х гг.; например: Каталог 1860. Л. 10 (75. 29).

¹⁶ Каталог 1800. С. 333—345 (в рукописи пронумерованы страницы). Каждый раздел имеет самостоятельную нумерацию по томам. Далее для русских книг название раздела будем опускать.

¹⁷ Там же. № 325—366, 409, 414—415, 424—428, 522—527, 599, 601, 609—611, 619—629, 634—636, 689, 737, 740, 742—746, 841—842, 846, 848, 850, 854, 876—877. Нам не известно, соответствует ли последовательность книг в каталоге 1800 г. их реальной расстановке. Но в любом случае признаки тематической группировки в каталоге вряд ли случайны и могут рассматриваться как начатки внутренней систематизации каждого крупного раздела.

¹⁸ Например, в шкафах 76 и 78 вообще не было юридической литературы, в 74-м — только Кормчая книга, но в 75-м почти сотня томов книг и рукописей: № 58—82, 85—93, 95—125, 127—149, 156—157, 192—196.

¹⁹ РГАДА. Auteurs russes. 75. 80—81, 83—84.

²⁰ Они отнесены в раздел «Словари» (Каталог 1860. Л. 43). В каталоге 1830-х гг. они открывали подборку юридической литературы в 75 шкафу (№ 52—57). Описание этих изданий см. ниже.

²¹ Была учтена в разделе «Богословие» (Каталог 1860. Л. 8).

²² Инв. № 3567.

²³ Историческое описание Российской Коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. СПб., 1781—1788. Т. 1—7. Имеется в библиотеке в двух экземплярах, один из которых неполный: Инв. № 10421—10441 и 10447—10461. В каталоге 1860-х гг. значится один — Л. 13 об. (75. 165—185). В каталоге 1830-х гг. он значится в разделе «Jurisprudence» и, видимо, действительно использовался как сборник законов.

²⁴ О близости российского права к континентальной, а не англосаксонской правовым школам см., например: *Румянцева М. Ф.* Исторические источники XVIII — начала XX века // *Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф.* Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. Учебное пособие для гуманитарных специальностей. М., 1998. С. 372—373.

²⁵ В нашу задачу не входит отразить все многообразие мнений о самодержавии и абсолютизме в России: их тождестве и различии, времени складывания, сущности, наличии в России абсолютизма как такового и проч. Из работ последних десятилетий по этому кругу вопросов см.: *Федосов И. А.* Абсолютизм // *Очерки русской культуры XVIII века.* М., 1987. Ч. 2. С. 7—20; *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988; *Муравьев В. А.* Абсолютизм // *Отечественная история. История России с древнейших времен: Энциклопедия.* М., 1994. Т. 1. С. 15; *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994; *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 270; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. Гл. 9; *Чернов С. Л.* К вопросу о возникновении абсолютизма в России // *Россия в XVIII—XX веках: страницы*

истории. М., 2000. С. 32—50; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 19—30.

²⁶ Развитие русского права во второй половине XVII — XVIII вв. / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М., 1992. С. 46; Развитие русского права в первой половине XIX века. / Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М., 1994. С. 21.

²⁷ О хаотичном состоянии законодательства, большом количестве разных законов в XVIII — первой трети XIX в., о взаимной обусловленности отрицательных сторон российского права см., например: *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права: Московское государство — Российская империя. СПб., 1890. С. 227—236; Развитие русского права во второй половине XVII—XVIII вв. С. 60; *Томсинов В. А.* Правовая культура // Очерки русской культуры XIX века. М., 2000. Т. 2: Власть и культура. С. 106—107, 122.

²⁸ Развитие русского права во второй половине XVII — XVIII вв. С. 54—58; Развитие русского права в первой половине XIX века. С. 42—44; *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 113—114, 118, 124—127. По мнению Томсинова, прикладной характер был свойствен в Средние века не только российской, но и английской, и французской юриспруденции, поэтому главное отличие российского права от западноевропейского стоит искать в различиях юридического языка (Там же. С. 114—115). Однако для XVIII — первой трети XIX в. ссылки на средневековые представляются некорректными; более основательным кажется мнение, что в отличие от России в Западной Европе система подготовки юристов путем изучения теории права существовала к началу XVIII в. уже более 700 лет, что предполагало (и обеспечивало) высокий уровень юриспруденции (Развитие русского права во второй половине XVII—XVIII вв. С. 54).

²⁹ *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. С. 258—259; Развитие русского права во второй половине XVII — XVIII вв. С. 52—54; Развитие русского права в первой половине XIX века. С. 52—53; *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 114—117, 121.

³⁰ Развитие русского права в первой половине XIX века. С. 20—21.

³¹ О развитии процесса публикации законодательных актов см.: ПСЗ. Т. 1. С. V—XV; Развитие русского права во второй половине XVII — XVIII вв. С. 11, 42—43, 51; *Румянцева М. Ф.* Исторические источники. С. 353—366. Об этом процессе как составной части перехода от обычая к приоритету писаного закона подробнее см.: *Румянцева М. Ф.* Российское законодательство XVIII в. как законодательство нового времени // Право: история, теория, практика. Брянск, 1999. Вып. 3. С. 157—162.

³² Развитие русского права во второй половине XVII—XVIII вв. С. 11, 51.

³³ Переиздания уже вышедших сборников, впрочем, не прекращались. О ретроспективной публикации законодательных актов в XVIII в. см.: *Румянцева М. Ф.* Исторические источники. С. 361—364.

³⁴ О работе кодификационных комиссий существует обширная литература. Из обобщающих трудов, не потерявших своего значения, достойны упоминания: *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России XVIII ст.: Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. Об интересе Юсупова к этим вопросам говорит наличие в библиотеке сочинения «О комиссии сочинения нового уложения» (Каталог 1800. № 354), пока не идентифицированного и, к сожалению, не сохранившегося; возможно, это была рукопись.

³⁵ О том, что в развитии юриспруденции XVIII и первая треть XIX в. представляют, по сути, единый период см.: *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 113, 122.

³⁶ [*Юсупов Н. Б., младший*] О роде князей Юсуповых. СПб., 1866. Ч. 1. С. 147—163; *Русский биографический словарь*. Репринтное издание. М., 1999. Т.: Щапов—Юшневский. С. 352—354; *Смирнова Е. И., Богатская А. Б.* Московский Кремль пушкинской поры. М., 1999 (указатель). Следует заметить, что 1-й департамент Сената считался самым важным из всех: кроме обнародования законов он ведал широким кругом дел, в числе которых были вопросы учета населения, управления церковными делами, финансов, торговли и промышленности, в частности, такие ведомства, как Соляная и Банковская конторы и Монетный департамент. Не исключено, что назначение в 1-й департамент стало следующей ступенью недипломатической карьеры князя после Комиссии о коммерции. 6-й департамент Правительствующего Сената был высшей апелляционной инстанцией по гражданским и уголовным делам большой группы губерний, в числе которых были Астраханская и Курская, где у князя были обширные земельные владения.

³⁷ В этой связи может быть интересен и период с 1777 по 1778 г., когда Н. Б. Юсупов находился в России и состоял исключительно на придворной службе. Для молодого вельможи, только что сделавшего большое заграничное путешествие, настало время не только выбрать, но уже начать делать карьеру.

³⁸ *Кашин В. Н.* Консервативный современник декабристов (Князь Б. Н. Юсупов) // «Былое»: неизданные номера журнала. Л., 1991. Кн. 1. С. 126—127.

³⁹ В этот раздел включены также сборники, включающие не более двух законов, а также конволюты, в том случае, когда прибавления были немногочисленны и носили явно подчиненный характер.

⁴⁰ Инв. № 11492—11493. Вероятно, «Кормчая» ([3-е изд.] — *Зернова А. С., Каменева Т. Н.* Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968. № 1070). Каталог 1800. № 348—349; Каталог 1860. Л. 7 об. (74. 22—23).

⁴¹ Уложение, по которому суд и росправы во всяких делах в Российском государстве производятся сочиненное и напечатанное при владении... Алексея Михайловича... в лето от сотворения мира 7156. 5-е изд. СПб., 1780 (инв. № 3207; СК. № 7524, со старым вариантом виньетки); «Уложение царя Алексея Михайловича с добавлениями в конце из указов позднейшего времени» (XVIII в. — Ф. 181. Оп. 12. Д. 1180).

⁴² Каталог 1800. № 334; Каталог 1860. Л. 12 (28. 115 и 75. 85).

⁴³ СК. № 7520—7521.

⁴⁴ Инв. № 3204, 3205. Правда воли монаршей, во определении наследника державы своей, Уставом блаженныя и вечнодостойныя памяти державнейшаго государя нашего Петра Великаго...: прешедшаго 1722 года, февраля в 21 день, опубликованным утверждена...: с приложением в начале указа о подкинутых воровских письмах и вечногo устава о наследствии престола Империи Российской, и генеральныя присяги (*Зернова А. С., Каменева Т. Н.* Указ. соч. № 193, 194).

⁴⁵ Каталог 1860. Л. 12 (37. 148 и 28. 123—124).

⁴⁶ Инв. № 3152. Каталог 1800. № 689; Каталог 1860. Л. 9 (75. 81). СК. № 2069.

⁴⁷ Инв. № 12319. Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно (СК. № 7568). Каталог 1800. № 336; Каталог 1860. Л. 9 об. (75. 128).

⁴⁸ Инв. № 12320. Артикул воинский с кратким толкованием и процессами (СК. № 324).

⁴⁹ Инв. № 12397. Книга устав морской, о всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море (СК. № 2972). Каталог 1800. № 329; Каталог 1860. Л. 10 (75. 126).

⁵⁰ Инв. № 12389. СК. № 5875. На самом деле оно было пятым только по отношению к изданию 1753 г.; до этого времени вышли еще минимум четыре издания: 1722, 1724 (два) и 1740 гг. Каталог 1800. № 332; Каталог 1860. Л. 10 (75. 125).

⁵¹ Каталог 1860. Л. 10 (75. 130). Первоначально издание состояло из двух частей: «Предложения» П. И. Шувалова «...о разделении губерний к ежегодному рекрутскому набору на пять частей» (СПб: тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1757) и «Генерального учреждения о ежегодном зборе с государства рекрут...» (СПб.: печ. при Сенате, 1757; СПб.: печ. при Имп. Академии наук, 1757; М.: Сенатская тип., 1758). Части рассылали вместе. Затем вышло единое «Предложение о разделении губерний на пять частей и Генеральное учреждение о ежегодном зборе с государства рекрут» (СПб., 1758). Вероятно, именно оно и имелось в библиотеке. См.: СК. № 1333—1335, 8509—8510.

⁵² Инв. № 10649. СК. № 7659 (первый вариант тетради И). В конце издания на 14 страницах «Стат Санктпетербургской губернии...» и «Стат о числе воинских чинов... в губернии Санктпетербургской» (согласно СК, признаки издания 1786 г. — № 7661), а также «Прибавление к № 63 Санктпетербургских ведомостей» от 6 августа 1781 г. с «Установлением санктпетербургским богадельням». Бумага форзацев с водяными знаками 1779 г. (*Клепиков С. А.* Филигранные на бумаге русского производства XVIII—XX века. М., 1978. № 734).

⁵³ Инв. № 10648. СК. № 7661. «Статы...» обоих экземпляров «Учреждения» различаются набором. Бумага форзацев с водяными знаками 1784—1785 гг. (*Клепиков С. А.* Указ. соч. № 283—284). В каталоге 1800 г. также упомянуты два экземпляра «Учреждений» (№ 338, 601); в каталоге 1860-х гг. — Л. 9 (75. 135—136).

⁵⁴ Инв. № 10491. СК. № 7555 (отвечает признакам данного издания). Каталог 1800. № 361; Каталог 1860. Л. 9 об. (75. 131).

⁵⁵ Инв. № 10651. СК. № 8323. Каталог 1800. № 628; Каталог 1860. Л. 29 об. (75. 155).

⁵⁶ Инв. № 10758, 10763. Каталог 1860. Л. 8 об. (75. 39—40).

⁵⁷ Инв. № 10650, 10760. Каталог 1860. Л. 8 об.—9 (75. 141—142).

⁵⁸ Инв. № 10611, 10628. Каталог 1860. Л. 12 об. (75. 137—138).

⁵⁹ Каталог 1800. № 742. Вероятно, одно из изданий «Статутов военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия...» (СК. № 6829—6839). Если это, конечно, была печатная книга, а не рукопись.

⁶⁰ Инв. № 12342. СК. № 1063 (совпадает листовая формула). Каталог 1800. № 737; Каталог 1860. Л. 10 (75. 129).

⁶¹ Инв. № 12388, 10759. Каталог 1860. Л. 9 об. (75. 143—144).

⁶² Вероятно, «Статы и табели лейб-гвардии полков: Конного, Лейб-гусарского, Лейб-казачьего...» ([СПб.,] 1798. — СК. № 8426). Каталог 1800. № 622.

⁶³ Вероятно, «Статы и табели полков: кирасирского, драгунского, гусарского...» ([СПб.,] 1798. — СК. № 8425). Каталог 1800. № 624.

⁶⁴ Вероятно, «Статы и табели артиллерийских батальонов: осадного, конного, полевого...» ([СПб.,] 1798. — СК. № 8422). Каталог 1800. № 625.

⁶⁵ Инв. № 12298. СК. № 7128. Каталог 1800. № 740 (ошибочно названо «Тактика правильная»); Каталог 1860. Л. 14 (76. 419).

⁶⁶ Возможно, в какой-то части «Экзерциция и учреждение строев и всяких церемониалов регулярной кавалерии» ([СПб., 1755.] — Инв. № 12373; СК. № 8576) и «Описание пехотного полкового строя, разделенного в три части со всеми нужными к тому примечаниями» ([СПб., 1755.] — Инв. № 12374; СК. № 4969) еще оставались актуальными, но в основном они утратили юридическую силу. По своему месту в собрании они ближе к разделу «Военное дело», чем «Право». Каталог 1800. № 841—842 (под заглавиями «Описание пехотной экзерциции» и «Описание конной экзерциции»); Каталог 1860. Л. 14 (77. 896—897). Возможно, эти книги принадлежали Б. Г. Юсупову и были унаследованы его сыном или были приобретены князем в общеобразовательных целях, что, как ни странно на первый взгляд, более вероятно. Подборка специальной военной литературы в его библиотеке насчитывала около сотни томов, не считая военных мемуаров; а указанные экземпляры образовывали единый комплект (их переплеты совершенно одинаковы) и имеют очень хорошую сохранность, возможную только при исключительно редком использовании.

⁶⁷ Инв. № 12277. СК. № 6739; Каталог 1800. № 629 («Список артиллерийским и армейским полкам и офицерам по полкам и батальонам 1797го года»); Каталог 1860. Л. 45 об. (75. 150; «Список армейским офицерам...»).

⁶⁸ Инв. № 10735. В каталоге 1860-х гг. не зафиксирован.

⁶⁹ СК. № 6795 ([Ч. 1]); Каталог 1800. № 626.

⁷⁰ Согласно «Сводному каталогу», известен только «Список состоящим в гражданской службе чинам... На 1799 год» ([СПб., 1799. Ч. 1—2.] — СК. № 6796). Каталог 1800. № 747.

⁷¹ Каталог 1860. Л. 14 об. (28. 139—140).

⁷² Каталог 1860. Л. 14 об. (29. 190—191), 46 (44'. 232).

⁷³ Каталог 1860. Л. 45 об. (75. 151).

⁷⁴ Каталог 1860. Л. 45 об. (75. 152—154).

⁷⁵ Каталог 1860. Л. 46 (36. 43).

⁷⁶ ГМУА. Фонд рукописей. Ф. 1. Ед. хр. 300—305, 340.

⁷⁷ Инв. № 14744. СК. № 2600. Каталог 1800. № 360; Каталог 1860. Л. 9 об. (75. 133).

⁷⁸ Каталог 1860. Л. 9 об. (75. 145).

⁷⁹ Инв. № 10504. СК. № 7589 (отвечает признакам данного издания). В каталоге 1800 г. отсутствует; в каталоге 1860-х гг. не найден.

⁸⁰ Инв. № 10483. «Условия на питейный откуп с 1-го января 1819-го по 1823-й год в двух малороссийских и семи западных губерниях»; на с. 1—3 сенатский указ от сентября 1817 г. об организации торгов по откупу.

⁸¹ Инв. № 10471.

⁸² Каталог 1800. № 599. Возможные варианты издания см.: СК. № 7549—7551.

⁸³ Каталог 1800. № 844. СК. № 7598 или 7599.

⁸⁴ Инв. № 18511. СК. № 4793 (соответствует признакам данного издания). Каталог 1860. Л. 10 (27. 1264). Экземпляр с экслибрисом Н. Б. Юсупова. Книга интересна вдвойне: во-первых, тариф вышел в то время, когда князь принимал участие в работе Комиссии по коммерции, и нет сомнений в том, что в библиотеку Юсупова книга попала едва ли не сразу по выходе из печати; во-вторых, это самое позднее из выявленных на сегодняшний день изданий с юсуповским экслибрисом. То есть 1782 г. может быть крайней датой его использования.

⁸⁵ Инв. № 10312. СК. № 4795 или 4796—4797. Каталог 1860. Л. 10 (75. 195).

⁸⁶ Инв. № 10375. Возможно, именно это издание числится в каталоге 1860-х гг. под заглавием «Реестр с приложением о тарифе иностранных товаров. СПб., 1816» (Л. 10 об.; 28. 106).

⁸⁷ Инв. № 10290. Каталог 1860. Л. 10 об. (75. 196).

⁸⁸ Инв. № 10412. Возможно, в каталоге 1860-х гг. соответствует «Астраханского таможенного округа тарифу. СПб., 1817» (Л. 10 об.; 75. 194).

⁸⁹ Инв. № 10401. В каталоге 1860-х гг. — вероятно, л. 10 об. (29. 199); «Общий тариф для всех таможен Российской империи. СПб., 1822»).

⁹⁰ Кроме упомянутых в начале статьи двух изданий на французском языке (одно из которых не сохранилось и не идентифицировано), в каталоге 1800 г. числятся три книги под названием «Общий тариф для таможен» (№ 609—611). В настоящее время изданий XVIII в. с таким заглавием только два — столько же числится в каталоге 1860-х гг. (Л. 10). То есть, одно издание исчезло. Вероятно, это был «Общий тариф... 1796 года» ([СПб., 1796] — СК. № 4798). Или, что менее вероятно, одно из переизданий тарифов 1782 и 1797 гг. (СК. № 4793—4797). Кроме того, в каталоге 1800 г. упоминается и «Тариф о зборе пошлин в портовых и пограничных таможах. С. П. бург» (очевидно, тариф 1766 г. — СК. № 7148). В каталоге 1860-х гг. имеется «Общий тариф для всех портовых иностранных таможен. СПб., 1822» (Л. 10 об.; 28. 97).

⁹¹ Каталог 1860. Л. 10 об. (75. 127). СК. № 4353—4358. В настоящее время в фондах отсутствует. Не упомянут он и в каталоге 1800 г. — это позволяет предполагать, что в библиотеке Юсупова было именно последнее издание: несмотря на выходные данные «St. Petersbourg, 1731», оно отпечатано не ранее 1816 г. (СК. № 4358).

⁹² Каталог 1800. № 848. Очевидно, речь идет об «Уставе купеческого водохозяйства по рекам, водам и морям» ([СПб., 1781.] Ч. 1—2. — СК. № 7585).

⁹³ О книге Дильтея см. ниже в той части статьи, которая посвящена литературе по законоведению.

⁹⁴ Действовал до 1800 г., когда был заменен «Банкротским уставом», который в библиотеке Н. Б. Юсупова отсутствует. Подробнее об «Уставе о векселях» см.: *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. С. 220—221; Развитие русского права во второй половине XVII — XVIII вв. С. 45—46.

⁹⁵ Инв. № 12289. Каталог 1860. Л. 10 об. (34. 23).

⁹⁶ Инв. № 10501. В каталогах отсутствует.

⁹⁷ Инв. № 10496. В каталогах отсутствует.

⁹⁸ Каталог 1860. Л. 38 об. (28. 102).

⁹⁹ № 14420.

¹⁰⁰ Каталог 1860. Л. 8 об. (29. 184—186). Инв. № 2844, 2847—2848.

¹⁰¹ Инв. № 17597. СК. № 5081. Каталог 1860. Л. 17 (76. 415); там же указан и экземпляр первого, 1789 г., издания (16. 396).

¹⁰² Инв. № 10766. Каталог 1860. Л. 10 об. (29. 244).

¹⁰³ СК. № 558. Каталог 1860. Л. 9 об. (75. 132). На самом деле представляло собой сборник, куда из законов входило также «Учреждение особого училища при Воскресенском Новодевичьем монастыре» (СПб., 1769).

¹⁰⁴ СК. № 5483. РГАДА. Auteurs russes. 77. 892—893 (2 экземпляра). В каталоге 1860-х гг. отсутствует.

¹⁰⁵ Каталог 1860. Л. 9 об. (9. 37, 28. 105).

¹⁰⁶ Годовые книги указов упоминает в своих записках И. В. Селиванов, служивший в Сенате в 20-е гг. XIX в. (*Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 107). Возможный третий вариант мог по форме текста напоминать сборник-конволют, но иметь регулярную структуру блока (в конволюте каждый указ, даже листовой, представляет, по сути, отдельную тетрадь). В библиотеке Н. Б. Юсупова имеется одно издание подобного рода.

¹⁰⁷ Об «указных книгах» см.: ПСЗ. Т. 1. С. IX. Наиболее полная библиография «указных книг» и сборников-конволютов приведена в СК. № 7454—7518. Остается неясным, почему авторы «Предисловия» к «Полному собранию законов» проигнорировали сборники-конволюты как форму публикации указов. Возможно, предположение составителей «Сводного каталога русской книги XVIII века» о том, что эти конволюты были «издательскими», все-таки неверно. И мы имеем дело лишь с формой хранения годовых комплектов поступающих в учреждения указов.

¹⁰⁸ Соответственно инв. № 18504 и 10658. СК. № 7462 (вар. 2), 7465. Первый экземпляр с маргиналиями писарским почерком середины XVIII в. орешковыми чернилами на полях с. 1—18 третьей пагинации; с записью орешковыми чернилами на верхнем обрезе: «съ 1725¹⁰ году»; без переплета, очень изношенное издание. В каталогах упоминается только один экземпляр 1780 г.: Каталог 1800. № 333; Каталог 1860. Л. 11 (75. 88).

¹⁰⁹ Одно из трех изданий: СК. № 7454—7456. Каталог 1800. № 330; Каталог 1860. Л. 10 об. (75. 87).

¹¹⁰ Каталог 1800. № 331; Каталог 1860. Л. 10 об. (75. 87).

¹¹¹ Инв. № 10569. Включены перепечатанные 5 июля 1779 г. указы Петра I, касающиеся Берг-коллегии; указ 1723 и инструкция 1743 г. о проведении ревизии; инструкция Канцелярии конфискации 1730 г.; регламент Камер-коллегии 1731 г.; регламент Ревизион-коллегии 1733 г. (с указанием на переиздание в 1779 г.); манифест Анны Иоанновны от 3 марта 1739 г. о разработке полезных ископаемых; манифест Елизаветы Петровны от 24 января 1752 г. о нечинении на спорных землях «ссор, драк и смертного убийства» (с указанием на 1779 г.); указ от 13 мая 1754 г. о беглых людях; указ от 30 сентября 1754 г. о нечинении смертной казни; сенатский указ 1766 г. (с указанием на 1779 г.) о французской водке; сенатские указы 1769 и 1771 гг. о том же (первый также в переиздании);

указ от 3 апреля 1775 г. (с дополнениями от 3 и 18 апреля) 1775 г. об экипажах и ливрейных лакеях для лиц разных чинов и сословий.

¹¹² Каталог 1800. № 327, 342—345. Нельзя полностью исключать и того, что в каталоге 1800 г. вышеупомянутый конволют проходил под заглавием «Указы и регламенты».

¹¹³ Инв. № 10629. СК. № 7471. Каталог 1800. № 326; Каталог 1860. Л. 11 (75. 89).

¹¹⁴ Инв. № 10661. СК. № 7479. В каталогах не отражен.

¹¹⁵ Инв. № 10660. СК. № 7476. Четвертым аллигатом этого конволюта выступает указ Елизаветы Петровны от 15 декабря 1741 г. о милостях в связи с коронацией.

¹¹⁶ Инв. № 10657. СК. № 7488—7490. Каталог 1800. № 335.

¹¹⁷ Инв. № 10665. СК. № 7488. Каталог 1800. № 325. В каталоге 1860-х гг. числятся два экземпляра указов за первую половину 1767 г. (Л. 11; 75. 93—94); весьма вероятно, что на самом деле один из этих сборников — вышеупомянутый конволют указных книг 1767—1768 гг.

¹¹⁸ Инв. № 10662—10664, 10666. СК. № 7492—7494, 7496, 7499. В каталоге 1800 г. отсутствуют. Каталог 1860. Л. 11 (75. 89—92, 95).

¹¹⁹ В этой связи вполне логичным выглядит отсутствие среди сборников тех «указных книг», которые вышли в свет раньше и не переиздавались. В частности, многочисленных изданий указов Петра I с 1714 по 1725 г., осуществленных при Анне Иоанновне, и указов Верховного тайного совета (см.: СК. № 7454—7456, 7466—7467).

¹²⁰ В фонде рукописей хранится сборник именных указов Екатерины II за 1782 г. (ГМУА. Ф. 3. Инв. № 139), однако он имеет переплет середины XIX в., не отражен ни в одном из каталогов библиотеки Юсупова и никогда не был в ее составе.

¹²¹ Каталог 1800. № 409.

¹²² Инв. № 10485. Не отражен в СК.

¹²³ Инв. № 10494. Каталог 1800. № 745; Каталог 1860. Л. 11 (75. 99). Конволют в Архангельском отличается от варианта «Сводного каталога» (№ 7512). Указы имеют реестр ([12] с.), начинающийся № 73, упомянутые в реестре и пронумерованные от руки указы с лакунами и несколько указов без номеров: указ от 6 ноября 1796 г. о вступлении на престол; № 73, 77, 79, 82—84, 90, 92—95, 97, 103—105, 108—109, именной из Сената от 12 декабря 1776 г. о жалобах, 112—122, от 18 декабря 1796 г. о короновании, 124—125, именной от ноября о переименовании Гатчины и Павловского городами, 126—139. Всего 48, а не 46 узаконений. Переплет был сделан после нанесения номеров — цифры часто обрезаются. Бумага форзацев — 1798 г.

¹²⁴ Инв. № 10484. «1797 года июля с 1-го января по 1-е 1798 года» (XV, [1], [538] с. (№ 161—372 указов). Значительно отличается от варианта «Сводного каталога» (№ 7513). Преобладают указы из Военной коллегии, но в СК таковые указы за 1797 г. не зафиксированы. В библиотеке Юсупова был полный годовой комплект: Каталог 1800. № 619—620; Каталог 1860. Л. 11 (75. 102—103).

¹²⁵ Инв. № 10485—10487. Каталог 1800. № 621, 746, 876; Каталог 1860. (75. 105—107). Вторая часть в двух экземплярах. Преобладают указы из Военной коллегии, но в СК таковые указы за 1798 г. не зафиксированы.

¹²⁶ Инв. № 10486—10487. Близок к СК. № 7511, то есть к указам, объявленным из Военной коллегии.

¹²⁷ Инв. № 10476. Каталог 1860. Л. 11 об. (75. 110).

¹²⁸ Инв. 18524. Возможно, был одним из сборников, озаглавленных в каталоге 1800 г. как «Указы разные».

¹²⁹ Инв. № 10479—10482, 10489. Каталог 1860. Л. 11 (75. 116—121). Таким образом, один том (за 1805 г.) утрачен. Имелось также некое двухтомное собрание указов за 1806 г. (Каталог 1860. Л. 11 об. (75. 122—123)). Сборники имеют однотипные переплеты.

¹³⁰ Инв. № 10669.

¹³¹ Инв. № 10670.

¹³² Инв. № 10671.

¹³³ Инв. № 10672—10674.

¹³⁴ Инв. № 10757.

¹³⁵ Инв. № 10668.

¹³⁶ Инв. № 11593—11594.

¹³⁷ Каталог 1800. № 260—266 (указано только количество томов-частей); Каталог 1860. Л. 46 об. (78. 967—973). Номера томов на корешках соответствуют нумерации частей, что также подтверждает существование полного комплекта. О «Санктпетербургском вестнике» подробнее см.: СК. Т. 4. С. 183—185.

¹³⁸ Инв. № 12045—12046. Полное название: «Журнал правоуказания на ... год; или содержание именных высочайших и Правительствующего Сената указов, в течение ... года изданных» (СК. № 5332). Обращаем внимание, что журнал описан как книга, а не как периодическое издание. См. также: *Мохначева М. П.* Становление юридической журналистики в России (типологический аспект) // Право: история, теория, практика. Брянск, 1997. [Вып. 1.] С. 111—112.

¹³⁹ Инв. № 10492. СК. № 2562 (совпадает листовая формула).

¹⁴⁰ СК. № 2528 (совпадает листовая формула).

¹⁴¹ СК. № 1729 (совпадает листовая формула).

¹⁴² Инв. № 10490. Конволют сложного состава. Возможно, именно он упоминается в каталоге 1800 г. как «Межевые законы» (№ 355), а в каталоге 1860-х гг. как «Межевые законы при Государыне Екатерине Алексеевне. Б. г.» (Л. 9 об.; 75. 97).

¹⁴³ Инв. № 10755—10756. СК. № 4118 (там же см. состав сборника). Каталог 1860. Л. 9 об. (75. 134). В каталоге 1800 г. отсутствует. Два экземпляра несколько различаются составом присоединенных указов. Дореволюционная наклейка с указанием 75-го шкафа сохранилась на экземпляре № 10756; основное отличие от экземпляра № 10755 — наличие указов Павла I 1797—1798 гг.: последняя пагинация — 209 с.

¹⁴⁴ Инв. № 10313. Каталог 1860. Л. 10 об. (75. 146).

¹⁴⁵ Инв. № 10489. СК. № 7511.

¹⁴⁶ Инв. № 10505, 10734. СК. № 3121—3122. Каталог 1800. № 623, 627. Каталог 1860. Л. 11 об. (75. 100, 101, 104).

¹⁴⁷ Инв. № 10612. Каталог 1860. Л. 9 (28. 93).

¹⁴⁸ Каталог 1860. Л. 11 об. (75. 111—115).

¹⁴⁹ Каталог 1800. № 414—415.

¹⁵⁰ Инв. № 10493, 10711. Каталог 1800. № 353, 366. Здесь и далее сведения о сохранившихся в библиотеке Юсуповых рукописях приводятся по описаниям, выполненным сотрудниками Археографической комиссии А. Л. Лифшицем и Н. А. Кобяк.

¹⁵¹ Каталог 1800. № 337, 352, 356—359, 365. Под заглавием «Экстракт по юстиц-коллегии», по-видимому, скрывается вышеупомянутый «Экстракт по юстиц-коллегии по расправной части».

¹⁵² Инв. № 18525.

¹⁵³ Инв. № 10736—10737.

¹⁵⁴ Инв. № 2906.

¹⁵⁵ Инв. № 10619. Каталог 1800. № 346 («Свод законов»). В каталогах 1830-х и 1860-х гг. не упоминается.

¹⁵⁶ О деятельности комиссии и составленном ею «Сводном уложении» см.: *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии. С. 21—39; *Маньков А. Г.* Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720—1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970. С. 112—126; *Замуруев А. С.* Приемы и методы кодификации при подготовке проекта Уложения Российского государства в 20-е годы XVIII в. (на примере глав о противоцерковных преступлениях) // *Вспомогательные исторические дисциплины.* СПб., 1994. Вып. 25. С. 117—126.

¹⁵⁷ В этой связи не исключено, что рукописное «Соборное Уложение», попавшее в собрание рукописной коллекции из Архангельского в Древлехранилище (будущий ЦГАДА), принадлежало уже не Н. Б. Юсупову-старшему, а кому-то из его потомков.

¹⁵⁸ Каталог 1800. № 341. СК. № 314. В каталогах 1830-х и 1860-х гг. не упоминается.

¹⁵⁹ Инв. № 10675. СК. № 3441. Каталог 1800. № 527;

¹⁶⁰ Цит. по: *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 120. Низкую оценку научных достоинств этого труда, а также упоминаемого ниже словаря Чулкова, позднейшими правоведами см. там же.

¹⁶¹ Упомянутый в каталоге 1800 г. «Словарь юридический Лангемонов. Москва» (№ 339) — наверняка, экземпляр одного из изданий того же словаря. Не квалифицированный или равнодушный переписчик, работавший с предварительными и явно некаллиграфическими списками, не утруждал себя уточнениями спорных мест и запросто писал «Примечания Долчина на Леклер» (вместо «...Болтина на Леклерка»), «О российской комерции Челкова» (вместо «Чулкова»), «Библия отрожской типографии» (вместо «Острожской») и т. п. Так что он вполне мог прочитать «Ланганс» как «Лангемон».

¹⁶² Инв. № 10622—10626 и 10652—10656. СК. № 8177. Обращаем внимание, что в фондах имеется два экземпляра словаря. Каталог 1800 г. фиксирует тоже два (№ 424—421, 522—526), но каталоги 1830-х и 1860-х гг. — только один.

¹⁶³ Инв. № 10738—10747.

- ¹⁶⁴ П. А. Дегай определил его как «полезнейший» (*Дегай П.* Пособия и правила изучения российских законов, или Материалы к энциклопедии, методологии и истории литературы российского права. М., 1831. С. 24).
- ¹⁶⁵ Развитие русского права в первой половине XIX века. С. 41—42; *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 125.
- ¹⁶⁶ Инв. № 10678—10682.
- ¹⁶⁷ Инв. № 10683.
- ¹⁶⁸ Соответственно инв. № 10751, 10676, 10749—10750, 10630, 10752—10754.
- ¹⁶⁹ Каталог 1860. Л. 9 (75. 76—78) и 9 об. (75. 70—75).
- ¹⁷⁰ Инв. № 10677. Каталог 1860. Л. 12 (44. 195; «Свод законов. СПб., 1 тет. 1815»). Стоит отметить, что в библиотеке Н. Б. Юсупова отсутствуют более позднее издание Комиссии составления законов. «Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской Империи» (СПб., 1821) и «Полный хронологический реестр законодательных актов со времени правления Алексея Михайловича до 1825 года» (СПб., 1825).
- ¹⁷¹ Он указывал, что свод объясняет только «права лиц и вещей» и опускает «право обязательств» (*Дегай П.* Указ. соч. С. 62).
- ¹⁷² Инв. № 10765. Каталог 1860. Л. 12 об. (28. 98).
- ¹⁷³ Соответственно инв. № 10761, 10497. Каталог 1860. Л. 12 об. (75. 58—59).
- ¹⁷⁴ Инв. № 10495. Сводный каталог русской книги. 1801—1825. М., 2000. Т. 1: А—Д. № 1927 (вар. 1). Каталог 1860. Л. 12 об. (75. 79). Всего в 1811—1816 гг. вышло четыре «переплета»
- ¹⁷⁵ *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 121—122. О сочинении Горюшкина см. также: *Дегай П.* Указ. соч. С. V.
- ¹⁷⁶ Соответственно инв. № 10472, 10442, 10381. Каталог 1800. № 328; Каталог 1860. Л. (75. 192—193; издания 1787 и 1794 гг.). Дильтей был профессором Московского университета; первое издание книги вышло в 1768 г., последнее, шестое, в 1801. Высокую оценку ей см.: *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 118.
- ¹⁷⁷ Инв. № 10376—10377. Каталог 1860. Л. 12 об. (75. 149).
- ¹⁷⁸ *Архипов И. В.* Коммерческое судоустройство и судопроизводство России в XIX в. Саратов, 1999. С. 10.
- ¹⁷⁹ Инв. № 10382. Каталог 1860. Л. 12 об. (75. 147—148).
- ¹⁸⁰ См.: *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 665—666 (комм. А. Р. Курилкина).
- ¹⁸¹ Там же. С. 54.
- ¹⁸² Инв. № 3163. Каталог 1860. Л. 18 об. (76. 383).
- ¹⁸³ Инв. № 10748. Каталог 1860. Л. 12 об. (28. 99). Экземпляр в Архангельском переплетен в красный сафьян с широким золотым орнаментальным тиснением по периметру и торцам крышек и с полным золотым обрезом. На форзаце 1б — гербовый экслибрис Сергея Голицына.
- ¹⁸⁴ Инв. № 1071. СК. № 3513 (вар. 1). Каталог 1800. № 148; Каталог 1860. Л. 8 об. (75. 157).
- ¹⁸⁵ Соответственно инв. № 11844, 18500. В «Сенатских ведомостях» публиковались также именные указы.

- ¹⁸⁶ Инв. № 18512—18513.
- ¹⁸⁷ Инв. № 18501.
- ¹⁸⁸ Инв. № 18494. Экземпляр сильно поврежден, в том числе не имеет первых страниц первого и последних — последнего номера.
- ¹⁸⁹ Инв. № 18492, 18493. Экземпляры сильно повреждены, в том числе не имеют первых страниц первого и последних — последнего номера.
- ¹⁹⁰ Вероятная принадлежность этих книг Н. Б. Юсупову подтверждается тем, что в фондах редкой книги не отложилось ни одного подобного издания, вышедшего после его смерти.
- ¹⁹¹ См., например: Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель. Изд. 2-е. М., 1978. С. 25—36; к сожалению, приводимые в нем сведения неполны. Более поздних изданий мы не касаемся, так как в библиотеке они отсутствуют. О Своде законов и его влиянии на российское право подробнее см.: *Томсинов В. А.* Указ. соч. С. 109—111, 128—129. О некорректности принятого в литературе термина «издание» по отношению к Сводам 1832, 1842 и 1857 гг. см.: *Румянцева М. Ф.* Исторические источники. С. 493 («...Более правильно говорить о первом, втором и третьем Собраниях законов»).
- ¹⁹² Инв. № 10684—10690, 10703—10704, 10708, 10720, 18496—18497, 18502, 18505, 18509.
- ¹⁹³ Инв. № 10705—10707, 18499, 18506. Мы называем их «выпусками» во избежание терминологической путаницы. Официально они именовались «изданиями».
- ¹⁹⁴ Инв. № 18498, 18503, 18509—18510, 10691—10702, 10724—10725.
- ¹⁹⁵ Инв. № 10712—10719, 10722, 10731—10732, 10709—10710.
- ¹⁹⁶ Инв. № 10721, 10723.
- ¹⁹⁷ Исключение — пятый выпуск «Продолжений» (инв. № 18506).
- ¹⁹⁸ Пометы на полях некоторых томов не дают пока никакой возможности определить их владельческую принадлежность. Эта тема заслуживает отдельного скрупулезного исследования.
- ¹⁹⁹ ГМУА. Фонд рукописей. Ф. 1. Ед. хр. 314 («Книги, присланные из Ракинского имения в Москву»). Далее — Каталог. Ракитное.
- ²⁰⁰ Каталог. Ракитное. Л. 2.
- ²⁰¹ Инв. № 10752—10754.
- ²⁰² Инв. № 10749—10750, 10630.
- ²⁰³ Инв. № 10764, 18507. Особенное внимание к этому выпуску может быть объяснено тем, что он был наиболее актуальным — в нем содержались узаконения и выдержки из них за 1775—1796 гг.
- ²⁰⁴ ГМУА. Фонд рукописей. Ф. 1. Ед. хр. 316 («Каталог русских книг, находящихся в Кабинете Его Сиятельства Князя Николая Борисовича Юсупова»).

Д. Н. Костышин

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ АРГАМАКОВ.
МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗНАКОМЕЦ

Среди государственных деятелей России середины XVIII в. многие чиновники среднего звена управления еще не получили достойного освещения в отечественной литературе. Не является исключением и Алексей Михайлович Аргамаков. Имеющиеся сведения о нем не всегда соответствуют действительности, а те, которые известны нам, не позволяют ответить на многие вопросы и тем самым сделать о нем представление, адекватное его заслугам. До настоящего времени не написана сколько-нибудь обстоятельная его биография, а документы, относящиеся к его деятельности, очень мало изучены. Его имя не входит даже в такие издания, как «Русский биографический словарь», «Советская историческая энциклопедия» и энциклопедический словарь «Отечественная история» (1994). Между тем он известен нам как первый директор Московского университета, а также как человек, внесший определенный вклад в преобразование Мастерской и Оружейной палаты Кремля.

В дореволюционных исторических исследованиях, в том числе посвященных истории Московского университета, о нем имеются считанные страницы, а то и строчки¹. Почти без внимания оставался весь жизненный путь Аргамакова, предшествовавший вершине его карьеры — директорской должности. Исключение составила лишь работа Г. Н. Высоцкого об Оружейной палате². В советский период историки М. Т. Белявский и Н. А. Пенчко попытались полнее осветить деятельность А. М. Аргамакова³. Последняя привлекла значительный объем архивных материалов и коснулась его роли в организации библиотеки Московского университета и физического кабинета⁴. Но гораздо более цен-

ным источником изучения личности и карьеры директора является для нас первый том ее трехтомной публикации «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века»⁵.

Кроме того, ряд интересных сведений об участии Алексея Михайловича в работе Комиссии о сочинении Уложения по Мастерской и Оружейной палате содержится в исследованиях Г. Л. Малицкого, А. И. Михайлова и Н. Н. Захарова, посвященных музейному делу в России⁶.

В последних работах о Московском университете А. М. Аргамаков лишь вскользь упоминается, данные эти не отличаются новизной⁷.

Все упомянутые авторы, разумеется, не ставили перед собой цели сделать предметом исследования исключительно жизнь и деятельность Аргамакова. Поэтому работой, в определенной мере выполняющей эту задачу, следует считать статью биографического словаря «Ректоры Московского университета», не свободную, однако, от недочетов⁸.

В настоящей работе мы постараемся реконструировать карьеру Алексея Михайловича, восполнить имеющиеся пробелы в его биографии, привлекая малоизученные и совершенно неизвестные архивные материалы.

1. ПРЕДКИ АРГАМАКОВА

Известный историк-генеалог П. В. Долгоруков об Аргамаковых сообщает немного: «Шесть Аргамаковых владели населенными имениями в 1699 году и двое из них, Борис и Михайло Михайловичи, были стольниками Петра Великого. Михайло Аргамаков находился в последние годы царствования Петра Великого генерал-квартирмейстером и оберкригс-комиссаром»⁹. В «Русском биографическом словаре» сведения об этом роде, в том числе и о М. М. Аргамакове, отце А. М. Аргамакова, также немногочисленны¹⁰.

Первые сведения о дворянах Аргамаковых относятся к первой четверти XVI в.¹¹ Мужская ветвь, от которой произошел Алексей Михайлович, вероятнее всего, восходит к московскому дворянину Федору Алексеевичу Аргамакову, который упоминается в боярских книгах 1627 и 1629 гг.¹² Дед А. М. Аргамакова, Михаил Федорович, стряпчий, в 1655—1656 гг. был на литовской службе при царе Алексее Михайловиче, а в 1656 г. — в походе из Вильны «за великим государем до Москвы». В 1659 г. мы встречаем его уже на конотопской службе, в 1668—1669 гг. — на севской¹³.

У М. Ф. Аргамакова было два сына: Борис и Михаил. О Борисе нам известно, что он в чине стольника служил как царю Алексею Михайловичу, так и его сыну Петру I, но его деятельность не является предме-

том нашего исследования. Что же касается его брата, Михаила Михайловича Аргамакова, то он оставил в истории России весьма заметный след.

Самые ранние известия о службе М. М. Аргамакова относятся к 1679—1680 гг., когда он служил в Киеве¹⁴. В 1683 г. он был в «троицком походе» (т. е. сопровождал юного царя Петра в село Троицкое) и в походе 13 февраля 1685 г. (скорее всего, имеется в виду поездка царя в с. Коломенское или Преображенское)¹⁵.

6 декабря 1696 г. стольник М. М. Аргамаков посылается на службу в Киев товарищем боярина и воеводы П. И. Хованского¹⁶. К тому времени он владел вотчинами в Арзамасском уезде, в частности сельцом Кашкаровым и деревней Иваш¹⁷.

Весной 1698 г. П. И. Хованского обвинили в ряде служебных злоупотреблений, и М. М. Аргамакову был поручен сыск по этому делу¹⁸. Впрочем, следствие завершилось для князя вполне благополучно: он остался на месте киевского воеводы. В конце августа того же года, получив известие о смерти отца, Аргамаков просит отпустить его домой на похороны и для «управления людишек и крестьянишек... и всяких домовых нужд», но только в марте 1699 г. его отпустили в Москву, а на его место в товарищи Хованскому отправили стольника В. Б. Змеева¹⁹.

Начавшаяся в 1700 г. Северная война внесла свои поправки в судьбу многих русских служивых людей, в том числе и М. М. Аргамакова. 9 февраля 1702 г. по докладу Б. П. Шереметева он назначался полковником драгунского полка вместо И. Ржевского²⁰. В 1703 г. уже в чине генерал-квартирмейстера Аргамаков находился при отряде русских войск под Ямами, где занимался укреплением крепости после ее взятия по чертежам, переданным ему лично Петром I в Шлиссельбурге²¹. 15 марта 1711 г. в качестве обер-комиссара Михаил Михайлович вместе со старшим сыном Федором (род. в конце 80-х или в начале 90-х гг. XVII в.) был командирован в Польшу для розыска злоупотреблений в русской армии, главным образом связанных со сбором провианта²². А летом — осенью 1712 г. ему самому пришлось заняться «провиантским сбором»²³.

После вывода драгунских полков из Польши в Померанию Аргамаков возвращается в Москву (прибыл туда в июле 1713 г.), а затем, после полугодового отпуска, проведенного им в арзамасских деревнях, 15 января 1714 г. назначается обер-провиантмейстером Санкт-Петербурга²⁴. 5 мая 1714 г. его определили к новому месту — в Мундирную канцелярию на смену князю Я. И. Кольцову-Масальскому²⁵.

Дальнейшая судьба Михаила Михайловича нам неизвестна, но, поскольку с этого времени след его теряется, а в конце 1720 г. вдова его, Настасья Ермиловна Аргамакова, выходит замуж за графа Андрея Ар-

тамоновича Матвеева, можно предположить, что он скончался где-то между 1714 и 1720 гг.²⁶

2. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПОЛК И ГОДЫ УЧЕБЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Алексей Михайлович Аргамаков был рожден в 1711 г. от брака Михаила Михайловича с Настасьей Ермиловной (в заголовках документов приводится полное имя — Анастасия), девичью фамилию которой нам установить не удалось. Мы не располагаем документами относительно обучения его до начала службы в лейб-гвардии Преображенском полку, но по установленному в то время порядку все дворяне должны были представлять своих сыновей на смотр в Герольдмейстерскую контору Сената в семилетнем и двенадцатилетнем возрасте для определения их в учебу и в службу. Какой образовательный уровень был у нашего героя, сказать трудно, но скорее всего, что к двенадцати годам он умел читать и писать, знал грамматику и арифметику.

Его отчим, граф Андрей Артамонович Матвеев, известный дипломат петровского времени, помимо двух сыновей и трех дочерей от первых двух браков заботился и о своем пасынке Алексее, которого по исполнению двенадцати лет, в 1723 г., записал в лейб-гвардии Преображенский полк. Согласно списку чинов этого полка 1724 г. Алексей значится солдатом 10-й роты «во отлучении»²⁷. Только 2 марта 1725 г., по ордеру подполковника И. И. Бутурлина генерал-майору и лейб-гвардии майору А. И. Ушакову, Аргамакова записали «в комплект» в ту же роту²⁸. Нами найден также ордер И. И. Бутурлина А. И. Ушакову от 2 января 1725 г., в котором предписано зачислить солдатом денщика кн. А. Д. Меншикова Алексея Аргамакова (отчество не указано)²⁹. Возможно, речь идет о каком-то родственнике Алексея Михайловича, служившем с 1725 г. в 15-й, а затем в 6-й роте³⁰. Но если это наш герой, то отлучка его весьма логично объясняется пребыванием у светлейшего князя, подполковника преображенцев, по просьбе А. А. Матвеева³¹. 23 декабря 1725 г. Аргамаков получил чин капрала «от фузелеров»³², и в списках чинов Преображенского полка за 1726 г. он снова значится «за камплектом»³³, вероятно потому что в марте этого года по просьбе Матвеева и «предстательством» Меншикова³⁴ вместе со сводным братом Федором получил отпуск в московский дом, сначала до 1 февраля 1727 г., а затем до 1 марта³⁵.

Два цитируемых ниже приказа показывают, на что в первую очередь направлены были заботы полкового начальства. От 15 января 1726 г.: «...Данести Господам афицером, когда будут учит[ь] роты, тогда ундер афицеров и капралов освидетельствовали сами в учении Эр-

зерцици, також и в смене караулов, а ежели ундер афицеры и капралы не будут знать, то ответствоват[ь] будут тех рот афицеры». От 19 февраля того же года: «Донести Господам афицерам, чтоб у салдат руж[ь]е и амуниция была вся исправна и в квартирах стояли б смирно, хозяйивам обид не чинили и пьяные б салдаты по улицам не ходили, и крику и драки отнюд[ь] бы не было»³⁶.

Служа в полку, А. М. Аргамаков, как и многие гвардейцы его ранга, посылался в качестве нарочного. Так, 25 июля 1727 г. подполковник И. И. Дмитриев-Мамонов командирует его в Москву с письмом к генерал-губернатору И. Ф. Ромодановскому³⁷.

Нам пока не удалось определить время пожалования Алексея Михайловича в сержанты, но, по-видимому, это произошло между концом июля 1727 г. и 13 мая 1729 г., так как в этот день состоялся указ Петра II о производстве сержанта Аргамакова в прапорщики того же полка³⁸, в каковом чине он находился уже в 8 роте³⁹.

15 августа 1730 г. Аргамаков получает отпуск домой до 1 января 1731 г.⁴⁰ Возможно, именно с этого времени он принял решение посвятить себя гражданской службе и получить более подходящее для этого образование. По возвращении в полк спустя чуть больше месяца он подает на имя императрицы Анны Иоанновны прошение о выдаче ему паспорта для проезда за границу во Францию для изучения «потребных наук»⁴¹. Однако только 5 апреля он получает разрешение отправиться на учебу, продолжая числиться в полку до 9 декабря 1731 г.⁴² Известно, что по семейным делам он был в России еще 29 июля 1731 г., а затем, получив паспорт, отправился за границу⁴³. Тогда же, 29 июля, вышел именной указ об учреждении в Петербурге Кадетского корпуса, состоящего «из 200 человек шляхетских детей, от тринадцати до осмнадцати лет, как Российских, так и Эстляндских и Лифляндских провинций». В манифесте декларировалась широкая программа преподавания таких наук, как арифметика, геометрия, рисование, фортификация, артиллерия, иностранные языки, история, география, грамматика, риторика, юриспруденция, не говоря уже о верховой езде, фехтовании, танцах и музыке⁴⁴. Будь это учреждение основано на три или четыре года раньше, может быть, А. М. Аргамаков и поступил бы в него, но восемнадцатилетний рубеж был пройден, и выход был один: получить образование, хотя и очень дорогое, за границей.

Переписка Аргамакова с матерью за время пребывания его за границей едва ли сохранилась, но из более поздних документов становятся известны некоторые подробности его обучения. Он отправился на учебу не во Францию, как первоначально задумал, а в Женевскую академию, где учился, сообразуясь со средствами, математике, юриспруденции, хирургии, анатомии, и, по всей видимости, изучал французский язык⁴⁵.

После учебы он путешествовал по разным городам Европы, был в Германии, Англии, Италии, Франции и Голландии, посещал австрийский, французский и английский дворы. Свое проживание за границей он оплачивал из денег, которые регулярно переводила ему мать.

3. СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА

Еще до начала службы в Преображенском полку Аргамакову пришлось столкнуться с обременительными делами помещика и душевладельца, пусть только в качестве формального собственника имений. Так, после смерти отца, в ноябре 1720 г. от имени малолетнего Алексея царю Петру послали челобитную о выкупе у князя С. И. Путятина поместных и вотчинных земель в Арзамасском и Дмитровском уездах, переданных тому по поступному письму Федором Михайловичем Аргамаковым⁴⁶. В апреле 1721 г. Алексею была «отдана в ыск», т. е. передана в результате выигранного судебного дела, вероятно о взыскании долга, деревня Я. М. Прокудина Ужевка в Арзамасском уезде. Но в ходе переписи крестьян (мужского пола) деревни обнаружилось, что копии сказок, которые должен был подать предыдущий владелец, в самом имении не было, в переписной канцелярии Арзамасской провинции не нашлись и подлинники. Поэтому за «неподавание сказок» Нижегородская канцелярия от дел свидетельства душ мужского пола в 1725 г. наложила на Аргамакова штраф по 50 рублей за душу, т. е. более 6000 рублей за 100 с лишним душ⁴⁷. Ссылка его служителя Максима Ечевского на то, что в Камер-коллегии имеются сказки, поданные Прокудиным в 1717 г., оказалась достоверной: коллегия прислала в Нижний Новгород копию выписки с переписных книг 1717 г. по Арзамасскому уезду⁴⁸. Прежний штраф был сложен, но Аргамакову предписали дать сведения о крестьянах, отсутствующих против переписи 1717 г., дабы впоследствии штраф взять за них⁴⁹. Однако человеку Аргамакова Степану Грязеву навести справки об убывших крестьянах в самой Ужевке не удалось, т. к. местные жители новому помещику явились «противны и ослушны». Мало помогли и посылки в деревню команды из Арзамаса от майора И. П. Глебова⁵⁰. Таким образом, вероятно, довольно рано у Алексея Михайловича сложилось представление об управлении имениями как о деле хлопотном, а часто и убыточном.

Вернувшись в Россию примерно летом 1735 г., он просит императрицу определить его в службу, куда «угодно будет»⁵¹, но, видимо, почти сразу заболевает горячкой⁵². Из прошения его матери, Настасьи Ермиловны Матвеевой, от 12 апреля 1736 г. мы узнаем, что ее сын болен уже седьмой месяц, т. е. он заболел в начале октября 1735 г.⁵³ Такая дли-

тельная болезнь неблагоприятно сказалась на семейном бюджете. Дело в том, что при отъезде за границу А. М. Аргамаков дал своей матери поверенное письмо, по которому она имела право распоряжаться его имуществом: могла занимать деньги, закладывать или продавать его деревни, а вырученные средства переводить ему за границу на учебу и проживание. Однако это письмо действовало только в его отсутствие, но когда он вернулся в Россию, оно потеряло силу, и все, что касалось продажи или заклада деревень, А. М. Аргамаков должен был подписывать сам. К тому времени по одним закладным время уже было просрочено, а по другим наступило платить. Заимодавцы стали записывать заложенные деревни на себя, а занять деньги для их выкупа было не у кого, так как родного брата Федора к тому времени уже не было в живых, а остался только один его сын, Михаил Федорович Аргамаков, сержант Преображенского полка⁵⁴. Перед самым отъездом за границу А. М. Аргамаков дал ему «в награждение» три части из родового недвижимого имения в Дмитровском и Арзамасском уездах, которые достались ему после смерти его отца М. М. Аргамакова в 1720 г. Четвертая часть отошла его матери Настасье Ермиловне, и в марте 1732 г. она отдала ее «в награждение» своему внуку, Михаилу Федоровичу⁵⁵.

Расстроенное финансовое положение побудило родных Алексея Михайловича подать в Сенатскую контору две челобитные. В первой Настасья Ермиловна просила разрешить М. Ф. Аргамакову продавать и закладывать деревни ее сына и «всякие зделки чинит[ь]» для уплаты долгов⁵⁶. Челобитная же внука более прямолинейна. С его точки зрения, «беспамятство» дяди от горячки равносильно безумию, поскольку он ссылается на указ Петра I, предписывающий «безумных по свидетельству отдавать родственником и з д[е]р[е]внями в смотрение». Суть его просьбы и заключается в проведении освидетельствования и передаче ему под надзор самого родича со всеми именами⁵⁷.

На заседании Сенатской конторы решено было вызвать А. М. Аргамакова, дабы задавая вопросы «о всяком домовном состоянии» проверить, подпадает ли он под действие так называемого указа «о дураках», т. е. указа от 22 апреля 1722 г. В собрании ему зачитали челобитную его матери, и на вопрос: «может ли он о тех д[е]р[е]внях для окупу тех долгов продажу иметь и закладывать и зделки чинить сам», — Аргамаков поведал о болезни, лишившей его отчасти памяти, и о своем почти полном выздоровлении. Но сенаторов явно поставило в тупик, что он «деревень своих при себе содержать не желает, понеже от них никаких прибитков, кроме разорения, не признает и ис тех своих д[е]р[е]в[е]нь половину уступает показанному племяннику своему Михаилу Аргамакову и продажу и закладывание тем своим д[е]р[е]в[е]ням и всякия зделки чинить ему, племяннику своему, он верит». На вопрос: «ежели ему без

деревень своих быть, то чем может себя содержать и пропитание иметь?» — Алексей Михайлович дал ответ, здравый для разночинца, но легкомысленный для помещика, представителя старинного дворянского рода: его могут прокормить науки, которым он обучался в Женеве, — математика, юриспруденция, хирургия и анатомия. Особенно он склонен к врачебному ремеслу⁵⁸. Сенаторы, увидев, что Аргамакова едва ли есть причина признать «дураком», все же решили удостовериться, действительно ли он так сведущ в науках, как утверждает, и отправили к нему домой доктора А. В. Тейлса. После этого визита доктор пришел к заключению, что тот находился «в мелкоколичной болезни», но причину ее определить затруднился⁵⁹.

В результате Сенатская контора приняла довольно разумное решение отдать имения А. М. Аргамакова до полного его выздоровления в управление матери и племяннику, «дабы те... д[е]р[е]вни чрез такия ево несостоятельныя слова и поступки в раззорение и в последнее истощание, а закладом в просрочку и в перепродажу не пришли», но право перезакладывать и продавать имения и прикладывать к крепостям руки предоставлялось им совместно, а не одному Михаилу Федоровичу. Впрочем, осторожное московское собрание оставляло все дело на окончательное усмотрение Правительствующего Сената. А в качестве оперативной меры в Вотчинную коллегию и Юстиц-контору послали указы, разрешающие Н. Е. Матвеевой и М. Ф. Аргамакову продавать или перезакладывать деревни на сумму, не превышающую сумму долга⁶⁰.

Однако М. Ф. Аргамаков не объявил сумму долгов и, не получив от Вотчинной коллегии и Юстиц-конторы разрешения на продажу и заклад имений, продал самую лучшую вотчину Алексея Михайловича с. Никольское (Горки) с деревнями и пустошами в Дмитровском уезде с 400 душ крестьян за скромную цену в 4000 рублей майору Д. И. Янкову, уговорив на эту сделку и Настасью Ермиловну. Кроме того, он не сообщил в купчей на проданную деревню, пошли ли те деньги на уплату долгов⁶¹. Это обстоятельство в дальнейшем повлекло за собой целую цепь споров, которые уже в 1799 г. вели дети А. М. Аргамакова и внуки Д. Янкова⁶². В конце 1736 г. Алексей Михайлович подал новое прошение в Сенатскую контору, в котором объявил себя освободившимся от болезни и пришедшим «в прежнее свое совершенное состояние». Он обнаружил, что его деревни «заложены и... по просрочке записаны и перезаложены в другие руки против закладу вдвое на более суммую», в связи с чем просил позволения самому закладывать и продавать имения и выкупать деревни по закладным матери. Общее согласие матери (видимо в конце того же года) и племянника было получено, и по определению конторы Аргамаков снова вступил в полноправное владение своими вотчинами⁶³.

4. СЛУЖБА В МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ

После возвращения из-за границы и вплоть до 1741 г. Аргамаков, по его собственным словам, «за приключившеюся... болезнию жил свободно», т. е. нигде не служил.

В 1741 г. президент Коммерц-коллегии К. Л. Менгден по собственному усмотрению, не снабдив А. М. Аргамакова указом от коллегии, послал его на Путивльскую суконную фабрику Ивана Полуярославцева. Но 25 ноября того же года к власти пришла императрица Елизавета Петровна, Менгден был арестован по делу А. И. Остермана, Г. И. Головкина и других, а Аргамаков остался там без «определения и жалованья». Он подавал прошения в Сенат о его замене и в Коллегию иностранных дел — о зачислении на службу в это ведомство⁶⁴. Но принят туда он не был и до августа 1748 г. снова находился не у дел. За это время он успел жениться⁶⁵, имел двух сыновей — Петра 6 лет и Александра 1 года — и дочь Екатерину 4 лет, владел деревнями в Арзамаском уезде с 1600 душ мужского пола, проживал в собственном доме на Васильевском острове в 7-й линии⁶⁶.

Новый поворот в жизни Алексея Михайловича произошел шесть лет спустя, когда именованным указом Сенату от 2 августа 1748 г. его, уже в зрелом возрасте, пожаловали коллежским советником «в ранг сухопутного полковника», с предписанием определить «к делам, куда он способен будет», на вакантное место⁶⁷. 24 августа по представлению Герольдмейстерской конторы Сенат назначил А. М. Аргамакова в Мануфактур-коллегию на имевшуюся там вакансию⁶⁸, после чего тот был приведен к присяге: сначала на чин коллежского советника, затем при вступлении на должность в коллегии⁶⁹.

В то время Мануфактур-коллегия находилась в Москве, а ее контора в Санкт-Петербурге. На 18 мая 1749 г. в коллежском присутствии значились коллежские советники И. М. Одоевский и А. М. Аргамаков, коллежские ассессоры С. С. Межеников, И. А. Баранов и В. С. Егольский, секретарь Е. Навроцкой, канцелярист Л. Ненеев, протоколист С. Неронов, подканцелярист П. Ермилов и регистратор А. Юдин, а в Мануфактур-конторе — коллежский советник Б. Ф. Щербачев, коллежский ассессор М. Михайлов, а также секретарь и регистратор. Всего около 20 человек. Силами этих служащих и осуществлялся контроль за многочисленными фабриками и мануфактурами в России⁷⁰.

В обязанности Аргамакова входил контроль за соблюдением статей регламента Мануфактур-коллегии от 3 декабря 1723 г.: фабриканты и мануфактуристы при приглашении «добрых и искусных» мастеров должны были вменять им в обязанность обучать себе на смену русских учеников, им запрещалось принимать работников по подложным доку-

ментам, а при обнаружении таких случаев следовало сообщать об этом в магистрат. Он следил также за эффективностью работы фабрик и мануфактур, расширением номенклатуры производимых ими товаров и улучшением их качества, изучал представленные содержателями фабрик и мануфактур отчеты, и делал по ним соответствующие представления в Мануфактур-коллегию, наблюдая притом, чтобы на них не налагали никаких податей, кроме установленных. Таким образом, А. М. Аргамаков решал довольно обширный круг вопросов.

Первое из дошедших до нас известий по осуществлению надзора Аргамаковым за деятельностью фабрикантов было его доношение в Мануфактур-коллегию от 1 июня 1749 г. Суть его заключалась в следующем: 31 мая 1749 г. он хотел осмотреть полотняную фабрику И. А. Овошникова, видимо, как можно предположить из более поздних документов, по спорному делу между владельцем и женой его брата с детьми. Но когда он подъехал к дому (в Кожевнической слободе, в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы) и спросил находящихся там людей о хозяине, то ему сообщили, что тот в отлучке и его фабрика закрыта. Однако Аргамаков вошел в дом, где увидел самого хозяина. В ответ на требование показать фабрику Овошников повел себя дерзко и не только коллежского советника, но и «всю Коллегию весьма дерзновенными словами поносил». Алексей Михайлович предлагал коллегии вступить как за него, так и за самое себя, поскольку «такие примеры и поступки всегда могут производить худья следствии»⁷¹.

Так как фабрикант от явки в коллегию уклонялся, прячась от посыльных, в его дом направили канцеляриста Л. Ненеева, предписав взять необходимую команду солдат, а также сотских, пятидесятских, десятских и понятых на съездем дворе, и силой привести Овошникова в коллегию, а если того не застанут, то «взять из домашних ево лутших людей»⁷². Взяв в коллегии команду из 8 человек во главе с вахмистром, Ненеев в присутствии Аргамакова и двух понятых, живших напротив купцов, обыскал дом Овошникова, но содержателя не нашел, а захватил его людей: «иноземца Ягана Казмера» и двух женок. Для поимки хозяина в доме остались капрал с двумя солдатами. На следующий день капрал, придя в коллегию, рассказал, что Овошников явился в дом ночью, однако «взять себя в Коллегию не дался и угроживал по них стрелять писталетами»⁷³.

Правда, у Овошникова была своя версия событий, связанных с обыском его дома, которую он и изложил в челобитной, поданной в Сенат в том же месяце. Аргамаков, якобы под видом осмотра фабрики, приезжал к нему в дом, без всякой причины бранил его, угрожая «чинить ему всякие обиды», и, не удовлетворившись этим, прибыл на следующий день с конвоем в отсутствие Овошникова, заходил в покои, где он жи-

вет, а не в помещения фабрики, сломал замки дверей и шкафов, а конвой растащил деньги, алмазные украшения и другие вещи⁷⁴. Вследствие чего в Мануфактур-конторе было определено произвести между Аргамаковым и Овошниковым «суд по форме», а фабриканта обязали собрать на себя поручную запись⁷⁵. Алексей Михайлович тоже подавал прошение в Сенат, и оно вернулось из канцелярии генерал-рекетмейстера с резолюцией, запрещающей Аргамакову подавать жалобы на содержателя до решения дела⁷⁶. Через год Аргамаков просит Мануфактур-контору о сыске И. А. Овошникова и привлечении его к ответственности «по указом» за «бесчестье», ему нанесенное⁷⁷. И почти сразу следует прошение фабриканта, где он просит отменить предписание о сборе поручной записи, так как он располагает значительным капиталом, велеть Аргамакову ожидать решения по прошениям самого Овошникова, а также его матери, находящимся у генерал-рекетмейстерских дел, и отстранить от ведения данного дела правящего секретарскую должность в конторе коллегии-юнкера Якова Чирикова, от которого ожидает «к себе к посяшке немалую опасность», потому что тот проживает в доме Аргамакова⁷⁸.

Мануфактур-контора удовлетворила просьбу Овошникова в отношении Чирикова, притом предписала первому никуда не съезжать и являться ежедневно в конторе, а справясь в канцелярии генерал-рекетмейстера, выяснила, что на самом деле фабрикант «бил челом» в Сенате на всех присутствующих Мануфактур-коллегии, в том числе и на Аргамакова, «о неправом произведении и решени дел» с женой и дочерьми его брата Егора Овошникова⁷⁹. Выяснить, как развивалось это дело в дальнейшем, нам не позволили рамки статьи, но на справке от рекетмейстерских дел имеется помета: «1767 года Марта 2го дня в Мануфактур Конторе определено оное дело за нехождением челобитчика отдать для сохранения в архив»⁸⁰.

Жалобы Овошникова, возможно, и нанесли определенный ущерб репутации Аргамакова, но не помешали ему заниматься исполнением служебных обязанностей. 5 июня 1749 г. он осматривал московскую шелковую фабрику содержателя И. Садовникова⁸¹ и вынес суждение, что с 1726 г., когда была заведена фабрика, количество станов на ней не увеличилось, все 27 станов расположены в несоразмерно маленьком помещении и выпускают платки и ленты «худого мастерства», в большей степени предназначенные «для подлого народу»⁸². Столь строгая оценка деятельности фабрики связана с особым вниманием Мануфактур-коллегии к «недостойным и подложным фабрикам», заводимым для уклонения от «служб и постоев и протчих градских тягостей». После подачи доношения Аргамакова в Мануфактур-коллегии составили справку по материалам предыдущих осмотров фабрики с 1743 по

1748 г., приводя для сравнения данные по шелковым фабрикам других держателей и выписки из регламента Мануфактур-коллегии и указов, к ней относящихся⁸³. Была ли фабрика Садовникова снова отнесена к числу «достойных и к пользе государственной надобных» заведений, как в 1744 г., из дела не ясно.

В том же месяце А. М. Аргамаков произвел проверку полотняной фабрики держателя А. Семенова, находящейся в селе Клишине Зарайского уезда Московской губернии, где работало 60 человек крепостных крестьян, и еще 50 по паспортам и контрактам. На сей раз он благоприятно отозвался о фабрике и высказал мнение, что «она... может быть умножена, если ея держатель об ней одной стараться будет, а шелковую фабрику (заведение того же Семенова. — Д. К.), которая н[ы]не совсем без действия, оставить и продав материалы и станы, употребить д[е]нги на полотняную»⁸⁴. Мануфактур-коллегия, немедленно отреагировав на упоминание о бездействующей фабрике, приказала навести о ней справки и выписать из регламента, как велено поступать с «нерачительными» фабрикантами, но в дальнейшем окончательного решения, вероятно, и не последовало, поскольку определением Московского губернского департамента от 2 июля 1785 г. дело исключили из нерешенных и отдали в архив⁸⁵.

Когда в сентябре 1749 г. Сенат удовлетворил прошение коллежского советника Б. Ф. Щербачева, присутствовавшего в Мануфактур-канторе в Петербурге, об отпуске (до 1 января 1751 г.), возникла необходимость определить на его место одного из находившихся в Мануфактур-коллегии советников: кн. И. М. Одоевского или А. М. Аргамакова. По старшинству следовало отправить первого, но так как в коллегии в то время не было ни президента, ни вице-президента, то Одоевский остался как «президирующая персона», и к новому месту назначили Аргамакова. Но, как оказалось, он уже имел комиссию описи имений бригадира Алмазова⁸⁶. Поэтому коллегия сначала подала в Сенат доношение об увольнении Аргамакова от комиссии, а затем приказала последнему следовать в Петербург и «по прибытии в той Канторе служителей дела и денежную казну и что в ведомстве той Канторы состоит» принять «в свое смотрение». Резолюция Сената об увольнении его от комиссии состоялась 10 октября, указ самой комиссии — 30 октября⁸⁷, некоторое время ушло на хлопоты о выдаче Алексею Михайловичу жалованья на майскую треть и на сентябрь и октябрь. Только 27 ноября ему выдали из коллегии паспорт на проезд до Петербурга, однако он задержался в Москве, где 14 декабря получил новый сенатский указ об отсылке дел по комиссии в Сенат и Вотчинную коллегию. Таким образом, нехватка в Москве чиновников ранга коллежского советника и обычная процедура, связанная с переездом с одного места службы на другое, растянули

срок вступления Аргамакова «в правление дел» Мануфактур-конторы на несколько месяцев — до 18 января 1750 г.⁸⁸

Пребывание А. М. Аргамакова в новой должности не было продолжительным: уже 11 ноября 1750 г. он подает в Сенат прошение об отпуске на год «для необходимых нужд и оплаты долгов»⁸⁹. Решением Сената он был отпущен в дом с 1 января 1751 г. на один год⁹⁰, Немалую часть отпускного времени он собирался посвятить своей парусной и полотняной фабрике в с. Успенском Арзамасского уезда, заведенной в октябре 1749 г. с позволения Мануфактур-коллегии «собственным... ево коштом и мастеровыми и работными людьми для домового ево расхода». Коллегия разрешила также, «ежели от того ево домового расхода оставатца будет какие полотна, оные продавать... в России и к портам отпускать с платежем указных пошлин»⁹¹. С января она уже «действием началась», а в журнале решенных дел Герольдмейстерской конторы мы находим запись от 11 сентября 1750 г.: «дело по доношению Колежского Советника Алексея Михайлова с[ы]на Аргамакова служителя Петра Грязева о даче ему для провозу в дом Г[о]с[по]дина ево в Санктпетербурх с имеющейся Арзамаской в селе Успенском фабрики разных полотен пропуску»⁹². В данном случае, возможно, речь шла о поставке изделий «для домовых нужд». Но тот же Грязев, судя по более позднему прошению Аргамакова, возил полотна в Петербург и для продажи⁹³. 16 июля 1751 г. Аргамаков подает в Мануфактур-коллегию челобитную о разрешении рубить ему лес «на дело инструментов» для фабрики⁹⁴. По существовавшему тогда законодательству для этого необходимо было сначала заручиться согласием Адмиралтейской коллегии, в чьем ведомстве были леса. А та, в свою очередь, своими указами в Арзамасскую провинциальную канцелярию и к провинциальному вальдмейстеру давала соответствующее позволение. Но на деле получилось иначе: Мануфактур-коллегия, явно потворствуя своему чиновнику, одновременно послала указы в провинциальную канцелярию и вальдмейстеру, а также промеморию «во известие» в Адмиралтейство⁹⁵, откуда в ответ пришел выговор за нарушение указов⁹⁶.

Вернувшись из отпуска в Москву к прежнему месту службы, Аргамаков уже через три с лишним месяца подает прошение о новом отпуске на три месяца, так как имеет «в деревнях... крайние необходимые нужды»⁹⁷. 6 июля следует еще одно прошение о продлении отпуска до января следующего года, поскольку Алексей Михайлович «в такое малое время» свои дела «никоим образом исправить не мог»⁹⁸. Столь частые его отлучки, видимо, до некоторой степени запутали московских чиновников «от герольдмейстерских дел» и Сенатскую контору, ибо последняя в марте назначает Аргамакова в Следственную комиссию об ассессоре Соляной конторы Глушкове. Однако ведение о том в Сенат по

каким-то причинам было подписано лишь 31 мая, несмотря на то что 27 апреля пришло ведение из Петербурга об отпуске Аргамакова и в тот же день состоялось аналогичное определение Сенатской конторы⁹⁹.

Второй отпуск Алексея Михайловича не остался последним по счету: 15 ноября 1752 г. он просит Сенат уволить его от присутствия в коллегии на два года по болезни. К прошению он приложил аттестат о здоровье, выданный доктором Я. Ф. Монсеем¹⁰⁰. Согласно этому документу Аргамаков лечился у него «от обстерукцей, от гипохондри, цынготной, почечуйной и каменной болезней, от которых ему часто припатки случаются»¹⁰¹. 8 декабря прошение удовлетворили. Последним делом по Мануфактур-коллегии, которым ему пришлось заняться, было составление рапорта на партикулярное письмо киевского обер-коменданта И. И. Костюрина, приславшего мешок валашской овечьей шерсти для определения ее качества и возможности использования на суконных фабриках¹⁰².

Такое количество отпусков просто объяснить домашними заботами, в том числе хлопотами по содержанию фабрики, и пошатнувшимся здоровьем. Но, быть может, главная причина кроется в известном разочаровании службой в многократно упомянутом ведомстве, тогда как он, напомним, считал себя достойным Коллегии иностранных дел. От частых проверок деятельности различных фабрик, нередко расположенных далеко за пределами Москвы, и их содержателей Аргамаков был избавлен определением Сената от 29 июня 1754 г., когда на него возложили комиссию сочинения пунктов по Мастерской и Оружейной палате под эгидой Уложенной комиссии при Сенате. Но в Мануфактур-коллегии он продолжал числиться по день своей смерти.

5. КОМИССИЯ ПО МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ

Как известно, 11 марта 1754 г. сенатор П. И. Шувалов предложил «для совершенного пресечения продолжительности судов... разобрать указы в каждом присутственном месте», дабы создать законы более ясные и отвечающие потребностям и благополучию империи¹⁰³. По возвращении двора в Петербург и после ряда заседаний 29 июля 1754 г. при Сенате создавалась комиссия из 7 человек для сочинения «расположения» по делам, касающимся Юстиц- и Вотчинной коллегий, Судного и Сыскаго приказов. Кроме общей, в губерниях создавались губернские комиссии, а по отдельным ведомствам — частные, с назначением в них «особливых» персон. Чиновникам следовало собрать законодательные акты, касающиеся того или иного ведомства, и составить к ним «пункты», т. е. рассуждения по пунктам об усовершенствовании зако-

нодательства, из которых должны были сложиться инструкции, уставы или регламенты. В помощь чиновникам, возглавлявшим эти последние, выделялось «потребное» число канцелярских служителей из той коллегии, о которой «сочинять будут пункты» и находились они при тех же коллегиях «во особливых департаментах», подчиняясь только Сенату¹⁰⁴. Одну из таких комиссий — по Мастерской и Оружейной палате — возглавил коллежский советник А. М. Аргамаков. Указ Сената в Штатс-контору в Москве от 28 августа 1754 г. пояснял, что если выбранные для сочинения пунктов лица могут сочетать такую работу с основной службой, «то оным как в комиссиях определенных, так и в настоящих своих местах присутствовать», тех же, которые не в состоянии совмещать оба рода занятий, «таковых от настоящих мест отрешать на время», пока их работа в комиссии не будет завершена¹⁰⁵. Хотя Аргамаков в то время находился в двухгодичном отпуске по болезни, Сенатская контора все же сочла необходимым вызвать его из арзамасской вотчины, послав туда нарочного курьера¹⁰⁶. Возможно, Сенат снова выпустил из виду Алексея Михайловича в его постоянных передвижениях из Москвы в деревни и обратно.

Нам не известно, на каком основании Н. Г. Высоцкий утверждал, что Алексей Аргамаков был привлечен к работе в комиссии по представлению П. И. Шувалова¹⁰⁷. Если автор и располагал какими-то источниками, то ссылку на них не дал, следовательно, и нам трудно спорить с этим утверждением. Правда, не исключено, что оно восходит к С. М. Соловьеву, который писал о другом событии: «...Аргамаков был назначен также членом в комиссию об Уложении и ему поручено составить проект устройства Оружейной палаты. Он поспешил в начале же 1755 года представить этот проект, который делает ему честь и может объяснить, почему его назначили директором университета»¹⁰⁸. Но знаменитый историк увязал директорскую должность Аргамакова с рапортом в Сенат, посланным 6 февраля 1755 г., между тем как Алексей Михайлович получил ее 12 января 1755 г., т. е. на три недели раньше. Более ранние его рапорты и доклады Сенату слушались в те дни, когда П. И. Шувалов на заседаниях отсутствовал: 16 августа по указу императрицы он был уволен от сенатских дел, «кроме важных государственных»¹⁰⁹.

В начале октября Аргамаков приехал из Арзамасского уезда в Москву¹¹⁰, а 21 октября 1754 г. вступил в порученную ему должность¹¹¹. Через несколько дней он требует от Мастерской и Оружейной палаты не только специального помещения, несколько канцелярских служителей, письменных принадлежностей, дров и свечей, но и «точных копий» с указов и инструкций, реестра имеющихся в ней вещей, сведений о мастеровых людях, притом настаивая на осмотре архива, всех вещей и бумаг палаты в присутствии ее членов¹¹².

Как явствует из доклада Сенату, Алексей Михайлович надеялся найти в архиве документы, позволяющие ему сочинить свои предложения, «каким образом впредь наилучшее содержание и управление быть могло». Но оказалось, что архив не разобран, реестры по хранящимся там ценностям, а также сведения о поступлении их в палату отсутствуют, а наличные описи не позволяют сделать по ним общее представление о количестве этих вещей в каждой палате, т. е. в Мастерской и Оружейной, Казенной и Конюшенной. Аргамаков предлагает Сенату распорядиться, чтобы все вещи в палате описать «по сортам», т. е. отдельно «короны, скипетры, державы и диодемы», отдельно платье, отдельно оружие и т. д., а затем составить на каждую группу вещей опись, один экземпляр которой оставить «в казне», а другой послать в Сенат¹¹³. Однако спустя месяц «требуемые известия» от палаты не поступили. В первую очередь, не была составлена опись вещей с разделением на целые, порченные и совсем негодные, не произведена их оценка, не представлены именные указы по палате, основной причиной чему являлось беспорядочное хранение бумаг. Хотя Аргамаков отметил, что в Мастерской и Оружейной палате, вероятно не без влияния его предложения, «починиваются некоторые ентарные развалившиеся вещи, кабинеты, зеркала, шкатуль», делаются выписки из сенатских указов. Он снова просит у Сената указа о «прилежном вспоможении» ему со стороны палаты¹¹⁴.

Добившись от Сената издания желаемого указа¹¹⁵, Аргамаков, если верить его последующим рапортам, отнюдь не преодолел глухое сопротивление палаты и, не в последнюю очередь, главного судьи князя Ф. А. Щербатова¹¹⁶, по имени, впрочем, ни разу не названного.

27 декабря 1754 г. А. М. Аргамаков отбывает в Петербург, не уведомив об этом Мастерскую и Оружейную палату¹¹⁷. Причины столь срочного его отъезда в северную столицу были продиктованы двумя обстоятельствами: во-первых, как доносил сам Аргамаков, «для доклада Правительствующему Сенату по сочиненному по должности моей проекту», а во-вторых, что более важно, из-за письма камергера И. И. Шувалова, в котором содержалось требование срочно явиться в Петербург с соизволения императрицы Елизаветы Петровны¹¹⁸. Само письмо нами не найдено, а Аргамаков не конкретизирует его содержание, но, несомненно, вызов этот был связан с решением организационных вопросов по учреждению Московского университета.

Хотя Мастерская и Оружейная палата все же представила в середине января в Сенатскую контору требовавшийся от нее ответ¹¹⁹, он либо не удовлетворил Алексея Михайловича, либо вовсе не был доведен до его сведения из-за его отъезда, тем более что сенатский указ от 24 января 1755 г. напоминал ему «о скорейшем по силе прежде посланных

Указов сочинении по материи пунктов». Причину своей медлительности он видел в отсутствии «к сочинению по Мастерской и Оружейной Полате пунктов принадлежащего известия от канцелярии оной Полаты». «Опасаясь штрафа», он представляет Сенату «Генеральное мнение». В нем он предлагает создать своего рода музей — галерею для «освященных» и «куриозных» вещей, построив «нарочитое здание» для размещения экспонатов, составив и издав на русском и других иностранных языках каталог всех вещей с приложением исторической справки о каждой и зарисовки ее в виде абриса, чтобы они «не преданы были забвению». Необходимо также произвести освидетельствование «мастеровых людей» на их профессиональную принадлежность, выдержавших этот экзамен следует оставить в палате «с доволным жалованьем», а остальных уволить. Предусмотрена также особая команда во главе с офицером для охраны сокровищ палаты. В качестве меры, призванной пропагандировать историческое наследие империи, Аргамаков рассматривал регулярные, один раз в неделю, посещения всех любителей старины в сопровождении члена палаты. Причем последний, «будучи по нужде еженедельно входить должен, может видеть, что в непорядке лежит, и немедленно исправить»¹²⁰, т. е. заодно обеспечивалась сохранность вещей.

Сенат снова требует от Мастерской и Оружейной палаты прислать Аргамакову необходимые известия, разобрать хранящиеся вещи и составить им опись «со изъяснением, какая вещь в себе изображает по нумерам», рассмотреть предложение о мастеровых людях, дать справку, есть ли в ведомстве палаты «приличные» для расположения вещей покой и, если предстоит отстроить новое здание, составить с привлечением архитектора план и смету¹²¹.

Князь Щербатов, получив этот указ, обязался во всем помогать Аргамакову для сочинения им «по той Полате пунктов известей»¹²², но рапорт палаты от 20 апреля 1755 г. за его подписью оспаривает первенство сочинителя пунктов в наведении здесь порядка: «А до вышеписанного одного Советника Аргамакова мнения имеющихся в той Мастерской и Оружейной Полате вещи, посуда и прочее лежат по своим местам в дворцовых апартаментах порознь, а имянно в полатах: в 1-й Регалли и короновальное платье; во 2-й посуда золотая и серебряная; в 3-й ризницы и утвари верховых соборов и церквей; в 4-й оружейная казна и уборы военные; в 5-й конюшенные разные уборы; и то все лежит в прежних полатах... и всему тому положенному в обстоятельных описях со изъяснением, какая вещь в себе изображает по нумерам, при приемах описывается имянно». Относительно же создания галереи и строительства для этого отдельного здания не без скрытого раздражения замечено: «из оных полат Галерею где сделать приличнее и способность места дать,

может к разсуждению призвать Архитектора Князя Ухтомского и учинить с ним конференцию... а где и какия покои к тому расположению нарочно, по мнению Советника Аргамакова, зделать, Мастерская и Оружейная Палата удобного места и ево, Аргамакова, мнения еще не обретают»¹²³. К тому же в рапорте утверждается, что все необходимые известия для сочинения пунктов представлены ему еще 16 декабря 1754 г.

Алексей Михайлович смог изложить свое мнение о месте строительства отдельного здания только по возвращении в Москву и окончания празднований по случаю открытия университета, а именно 10 мая 1755 г., объявив, что удобнее всего построить галерею на Ивановской площади, позади колокольни, у Спасских ворот. По сенатскому указу архитектору князю Д. В. Ухтомскому было предписано сочинить два варианта плана и фасада. По первому — галерею следовало строить, используя покои Судейской и Подьяческой палат, а по второму — там, где указал Аргамаков. Кроме того, требовалось составить смету строительства. В августе того же года Ухтомский представил план и фасад, а также смету на сумму около пятнадцати тысяч рублей. Однако, по мнению архитектора, для строительства галереи предстояло разобрать Судейскую и Подьяческую палаты и сделать заново по плану, а оставшиеся после разборки пригодные материалы употребить на новое строение¹²⁴. Аргамаков этим удовлетворился и, по всей видимости, счел, что данный проект и сочиненное им в феврале «генеральное мнение» вполне заменяют пресловутые «по материям пункты»¹²⁵. А директорский пост в университете и покровительство И. И. Шувалова заставили комиссию в Сенате отказаться от мысли получить эти пункты в скором времени¹²⁶. Согласно «ведомости, учиненной в комиссии новосочиняемого Уложения» 1761 г., ни от Аргамакова, ни от Мастерской и Оружейной палаты «пункты с указами» так и не были присланы, и лишь 20 августа 1758 г. (спустя более чем год) из Сената объявили о смерти Алексея Михайловича. Те же проволочки происходили и во многих других отраслевых комиссиях: из 35 комиссий пункты с указами или без них прислали 16¹²⁷.

6. ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Еще в июле 1754 г. императрица Елизавета Петровна одобрила проект И. И. Шувалова об учреждении в Москве университета и гимназий, конфирмация которого была отложена по ряду причин организационного характера. Для этих целей был передан бывший аптекарский дом у Воскресенских ворот на Красной площади¹²⁸. Ремонт и перепланировка

здания завершились к концу декабря¹²⁹, и с этого момента перед камергером Шуваловым встала задача комплектования администрации и преподавательского состава университета. Как уже было упомянуто выше, он именем императрицы вызывает Аргамакова в Петербург. Алексей Михайлович прибывает туда «для конференции» 30 декабря¹³⁰, чуть позднее, 8 или 9 января — старший доктор Московского генерального госпиталя и директор госпитальной школы Л. Л. Блюментрост¹³¹. 12 января 1755 г. императрица утвердила доклад Сената с приложенными проектом и штатом Московского университета. Той же резолюцией кураторами назначались Шувалов и Блюментрост, а директором — Аргамаков¹³².

На содержание университета и гимназий Штатс-контора должна была ежегодно выдавать до 15 тысяч рублей, а «на первой случай для покупки книг и протчаго» одновременно выделялось 5 тысяч¹³³. Именно на Аргамакова легло непосредственное руководство университетом и бремя расходования средств на конкретные его нужды. По всей видимости, он вместе с И. И. Шуваловым составил первый штат университета и гимназий, который был приложен к «Проекту о учреждении Московскаго Университета». Здесь еще нет конкретных фамилий, но уже определено жалование директору и 10 университетским профессорам, а также ректору и учителям гимназии, студентам и гимназистам¹³⁴.

Между тем, сначала болезнь, а затем и кончина Л. Л. Блюментроста, последовавшая 27 марта 1755 г.¹³⁵, внесла свои коррективы в распределение обязанностей в период подготовки к открытию Московского университета: часть функций второго куратора перешла к А. М. Аргамакову.

Существенную роль в организации Московского университета сыграла Академия наук¹³⁶. Именно из ее стен по просьбе И. И. Шувалова и рекомендации асессора академической Канцелярии Г. Н. Теплова 8 февраля 1755 г. были отправлены в университет магистры Н. Н. Поповский, Ф. Я. Яремский и А. А. Барсов¹³⁷.

От имени И. И. Шувалова 16 марта 1755 г. Аргамаков присутствовал на заседании Конференции Академии наук, где доложил собравшимся, «что для пользы вышеупомянутого университета необходимо учредить библиотеку, на которую Императрица четыре тысячи рублей всемилостивейше выдать изволила», и предложил собранию обсудить вопрос о первоочередных книгах. В результате Конференция приняла решение составить каталог книг, «который новосозданной библиотеке служил бы как бы основой», для чего распределила подготовку перечня между академиками в соответствии с преподаваемыми ими предметами. Так, профессор Ф. Г. Штрубе-де-Пирмонт должен был составить список книг по юриспруденции, профессор А. Каау-Бургаве — по медицине и естественной истории, профессор И. А. Браун — по философии, физике

и математике, а также по истории этих наук, профессор Н. И. Попов — по астрономии и физической географии, профессор Я. Я. Штелин — по гражданской и военной архитектуре, скульптуре, живописи и другим искусствам, риторике и поэтике, профессор И. Э. Фишер — по античным (греческим и латинским) авторам и древностям, профессор В. К. Третьяковский — по лексикографии (словари) и грамматике, библиотечарь И. К. Тауберт — по истории литературы, профессор Г. Ф. Миллер — по истории гражданской и церковной, хронологии, генеалогии, географии и о путешествиях¹³⁸.

На следующем заседании Конференции 20 марта стало известно, что все академики составили списки книг по своим специальностям, из которых следовало сформировать общий каталог и передать его Аргамакову. Тогда же директор университета сообщил собранию, что Московский университет нуждается в приобретении инструментов и приборов «для исследования и изъяснения опытами явлений природы», на что императрицей выделена тысяча рублей. Большинство академиков решило, что эту комиссию лучше всего возложить на лейденского профессора, иностранного почетного члена Петербургской Академии наук Питера ван Мушенбрука, который, однако, захотел продать свою собственную коллекцию приборов за 20 тысяч голландских флоринов, причем целиком, а не отдельные приборы и инструменты, необходимые для университета. Но это предложение не получило одобрения куратора Шувалова, не пожелавшего выйти за пределы выделенной суммы¹³⁹. Отказ от приобретения всей коллекции, на наш взгляд, был обусловлен не столько ее чрезмерной стоимостью, сколько стоявшими перед руководством университета более важными задачами: необходимо было купить еще одно здание, основать типографию, библиотеку, укомплектовать университет магистрами и профессорами, гимназию — учителями и учениками, а также нанять для их проживания отдельный дом и многое другое. Весьма кстати пришлились здесь пожертвованные в начале февраля того же года известным горнопромышленником и меценатом Н. А. Демидовым 7 тысяч рублей и третья часть богатейшего кабинета минералов и «куриозных вещей» немецкого химика и металлурга И. Ф. Генкеля¹⁴⁰. Вслед за тем, в конце марта или в начале апреля, его братья, П. А. и Г. А. Демидовы, также подарили университету 6 тыс. рублей¹⁴¹.

Помимо самого университета набирались учителя и в дворянскую и разночинскую гимназии. Здесь мы встречаем следующие имена: учитель французского языка Ланж, преподаватель истории и географии Ф. де Лабом, учитель рисования К. Г. Михельсон, учитель французского языка и мифологии Т.-А.-Л. Дюбуле, преподаватель немецкого языка И. Ф. Литке. Практически одновременно проходил набор студентов и учеников. Пригласить слушателей, уже подготовленных для понимания

профессорских лекций, было непросто. В этот период, кроме налаженной формы обучения в семинариях, практически отсутствовали учебные заведения, откуда можно было бы принять в университет. Именно семинарии, студенты которых хорошо знали язык науки той эпохи — латынь, явились питательной средой для только что созданного заведения. Более того, проверенная годами практика приглашения их, например, для Академического университета, Коллегии иностранных дел и других учреждений, неоднократно оправдала себя.

В апреле 1755 г. куратор Шувалов затребовал от Синода «некоторое число учеников, которых бы в Латинском языке и в знании Классических Авторов имели искусство, чтоб тем скоряе приступить к наукам можно было». В качестве источника набора он назвал семинарии в Новгороде, в Троице-Сергиевой Лавре, в Александро-Невском и Заиконоспасском монастырях. Синоду также предстояло определить в университет одного ученого священника «для наставления в законе и толковании Катехисиса»¹⁴².

До инаугурации университета оставалось чуть больше двух недель, и Шувалов счел необходимым, чтобы Аргамаков лично сообщил членам Синода о важности принятия неотложных мер по комплектованию университета первыми студентами. Запись в журнале Синода от 10 апреля 1755 г. сообщает нам об этом следующие подробности: «...А при слушании того доношения онаго Университета Директор Коллежской Советник Алексей Аргамаков на спрос доносил словесно: 1-е. Что де тот Университет имеет быть в Москве в Китае против Казанского собора, где была прежде сего аптека. 2-е. Хотя де о числе учеников, колико оных н[ы]не на первой случай в том Университете быть потребно, точно положить и не можно, а остается оное на разсмотрении С[вя]тейшаго Синода, однако за доволное признается до тридцати или хотя и до дватцати ч[ел]л[о]в[е]к. 3. Как де кошт, на подъем их принадлежащей, так и содержание их с жалованьем будет от того Университета неоскудное, также де и д[у]ховной персоне, кто для истолкования Катехисиса определитца, жалован[ь]е имеет быть доволное. Причем разсуждаемо было, что того жалован[ь]я не менее дву сот рублей оной д[у]ховной персоне определить потребно; а что касается до квартиры, то оную приличнее определить в каковом либо поблизости м[о]н[а]ст[ы]ре; и потом приказано из состоявагося о учреждении того Университета Указа подлежащее, также и о находящихся в Епаршеских Семинариях реторических Студентах, сколко их где находится, из последних ведомостей выписав, предложить к докладу»¹⁴³.

На основании составленной ведомости Синод 3 мая принял решение отослать в университет 30 студентов из числа обучавшихся риторике и философии, «жития и состояния добраго и к наукам понятных и

способных... и из непосвященных в стихари»¹⁴⁴. Мы приводим фактический список студентов по учебным заведениям, расположив их по датам отправки.

Московская Славяно-греко-латинская академия: Семен Герасимов (С. Г. Зыбелин), Петр Дмитриев (П. Д. Вениаминов), Данила Яковлев (Д. Я. Ястребов), Петр Семенов, Василий Алексеев (В. А. Троепольский), Иван Алексеев (И. А. Алексеев) (22 мая)¹⁴⁵;

Крутицкая семинария: Иван Ильин сын Гостунской («явился собою» до 23 мая, позднее утверждено Московской синодальной канторой), Илларион Мусатов (23 мая)¹⁴⁶;

Новгородская семинария: Вукол Федотов, Илья Семенов, Иван Иванов сын Артемьев (25 мая)¹⁴⁷;

Псковская семинария: Тимофей Андреев сын Заборов, Симеон Никитин сын Зубов (30 мая)¹⁴⁸;

Нижегородская семинария: Федор Иванов, Сергей Федоров (9 июня); дополнительно отправлены Сергей Малиновский (22 июля) и Илларион Садовской (22 сентября)¹⁴⁹;

семинария при Троице-Сергиевой Лавре: Аввакум Рудаков, Даниил Палимосовский, Иван Федоров, Федор Пушкин, Иван Тихомиров, Дмитрий Аничков (3 июля); дополнительно присланы два студента — Матвей Елисеев и Панкратий Полонский (1755 г., месяц и число неизвестны)¹⁵⁰;

Харьковская семинария: Иван Флиоринский, Дмитрий Захаржевский (19 июля), Григорий Буланецкий, Федор Левицкий (24 октября на место первых двух, т. к. выяснилось что те отправлены в университет по принуждению)¹⁵¹;

Смоленская семинария: Иван Матвеев сын Радкевич, Георгий Алексеев сын Лызлов (отправлены 28 июля)¹⁵²;

Тверская семинария: Иван Андреевич Третьяков (1755 г., месяц и число неизвестны);

Киево-Могилянская академия: Георгий Булатницкий, Антон Романович Любинский и Николай Николаевич Бантыш-Каменский (1755 г., месяц и число неизвестны).

Вологодская семинария не смогла прислать ни одного из трех требовавшихся от нее студентов, поскольку в школе риторики и философии не оказалось никого «из не посвященных в стихари»¹⁵³. Всего к осени в Московский университет поступило 33 студента, в том числе 30 на казенное содержание и 3 — «своекоштных». Именно они явились первыми слушателями лекций по математике и философии (об этом ниже).

В мае же месяце Аргамаков просил Синод и Московскую синодальную кантору отпустить для преподавания латинского языка чтеца Мос-

ковской типографии С. Ворошнина и слушателей школы богословия Московской славяно-греко-латинской академии Я. Иванова и Г. Герасимова¹⁵⁴.

Для преподавания Закона Божьего и толкования Катехизиса, в ответ на вышеупомянутое доношение Шувалова, Синод 3 мая направил наместника Радовицкого монастыря Рязанской епархии иеромонаха Симона, «жития честнаго и Богословское учение окончавшего»¹⁵⁵. Прибыв в Москву 9 июня и прожив там на своем содержании почти два месяца, он испросил 3 августа у Синода освобождения его от такого «послушания» за слабостью здоровья¹⁵⁶. Причины отказа Симона от должности, очевидно, кроются в недостаточности университетского жалованья — 100 рублей в год на содержание и на квартиру, каковой вопрос и встал на заседании конторы Синода 18 сентября, когда в присутствии директора Аргамакова рассматривался вопрос о назначении другого священнослужителя. Только после того как Аргамаков пообещал прибавить из университетской суммы еще 50 рублей, выделить священнику «для квартирования особливый подлесток подле самой церкви два покая» и выдавать казенные дрова, нашлась другая кандидатура: иеромонах Ефрем, уволенный из Нижегородской епархии в Москву для излечения болезни и просивший определить его в монастырь, изъявил желания поступить в университет на предложенных условиях¹⁵⁷.

Вместе с куратором Шуваловым Аргамаков занимался определением жалованья преподавательскому составу, студентам и гимназистам. В начале февраля 1755 г. было составлено «Росписание жалованья на гимназии»¹⁵⁸. Вероятно, такой же документ существовал и в отношении университета. Однако на 10 апреля сумма на содержание университета и гимназий еще не была получена. В связи с этим университет напомнил Штатс-конторе об императорском указе выдать 15 тысяч рублей. Хотя в ответ последовал соответствующий указ из петербургской Штатс-конторы в московскую «за малоимением в Московской рентере денежной казны» только 15 мая, т. е. после инаугурации, отпущено было 7 тысяч рублей, а остальные 8 тысяч — 4 июня¹⁵⁹. Аргамаков прибыл из Петербурга в Москву 17 апреля, и за 9 дней до открытия университета необходимо было проверить состояние университетского здания после ремонта, организовать программу торжеств, отпечатать приглашения и разослать их¹⁶⁰, в общем, сделать все необходимое, чтобы праздничные мероприятия прошли с подобающим размахом. Для этих целей, видимо, и была использована часть демидовских денег. В этом свете пассаж из речи магистра философии и свободных наук И. Ф. Литке «Науки составляют подлинное счастье», произнесенную 26 апреля 1755 г., следует рассматривать не только как дань риторике или лесть начальству: «Впрочем, я надеюсь, милостивые государи, что вы присоединитесь

ко мне, чтобы поблагодарить нашего директора господина Аргамакова за ту точность, с какой он выполнил все замыслы нашего куратора, и за ту заботу, с которой он за столь короткий срок и с таким успехом завершил все приготовления, которые требовали, как это представляется, гораздо большего времени. Все те, равно как и я, кто имеет честь находиться под его началом, бесконечно обязаны ему. Если небеса удовлетворяют наши желания, что его руководство будет долгим и по-прежнему благополучным, и он беспрестанно будет пользоваться всеми благами, которые можно по справедливости пожелать тем, кто их так же достоин, как и он»¹⁶¹.

Открытие университета состоялось 26 апреля 1755 г. и было приурочено И. И. Шуваловым к дате коронации императрицы Елизаветы Петровны отмечавшейся ежегодно 25 апреля. Как официальные, так и частные периодические издания откликнулись на это знаменательное событие в культурной жизни России¹⁶². Однако в этот день был открыт не сам университет, а только гимназии при нем: одна — для дворян, другая — для разночинцев. Конректором обеих гимназий не ранее 8 февраля 1755 г. был назначен Н. Н. Поповский. Сначала он выполнял ректорские обязанности, а затем, после того как 10 мая 1756 г. его произвели в профессора красноречия, стал полноправным ректором.

После завершения торжеств по открытию университета Алексею Михайловичу необходимо было решать различные вопросы, связанные с административно-хозяйственной и собственно учебной деятельностью. Так, 1 мая 1755 г. он просил у Сенатской конторы определить в университет служителей «для принятия охранения казны, управления и исполнения письменных дел»: из Московского гарнизона майора Л. Воинова, поручиков И. Ларионова, И. Кохона, унтер-офицеров К. Прыткова, К. Говоркова, Ф. Жолобова, М. Полева, а также в дополнение к ранее определенным в университет обер- и унтер-офицерам, капралу и 8 рядовым прислать 1 унтер-офицера, 2 капралов, 1 писаря, 1 фельшера, 1 барабанщика, 20 гренадеров, 22 мушкетера¹⁶³. Из всех запрашиваемых чинов только майор Л. Воинов и сержант Ф. Жолобов не были отправлены в университет: первый, бывший камер-паж, находился ранее под следствием в Тайной канцелярии¹⁶⁴, а второй — из-за незаменимости его в Военной конторе «для правления по Московскому гарнизону письменных дел». Вместо них обещали прислать других кандидатов¹⁶⁵. Спустя два месяца директор просит увеличить караул еще на 12 солдат — для охраны дома «княгини Бакаровой» (т. е. княгини А. Г. Грузинской, вдовы грузинского царевича Бакара Вахтанговича), где жили учителя и ученики и лежали казенные вещи, а также строительные материалы от разобранный австерии. Эту просьбу Сенатская контора удовлетворила в полной мере¹⁶⁶.

Крайне небольшое число дошедших до нас ордеров Шувалова директору и доношений, рапортов и других документов, исходивших от последнего, за 1755 — начало 1757 г. позволяют, тем не менее, говорить, что руководство со стороны Аргамакова осуществлялось в соответствии с проектом и штатом университета, тогда как функции куратора, помимо закрепленного за ним представительства верховной власти и права апробации распоряжений директора, никак не регламентировались. Первенство в принятии наиболее существенных решений, особенно касающихся дополнительных расходов, установления цен на университетские издания, создания новых служб, приема преподавателей, безусловно, оставалось за Шуваловым. Приведенные ниже примеры дают возможность очертить круг вопросов, которых касались его ордера.

Через полмесяца после инаугурации университета И. И. Шувалов вдруг предписал А. М. Аргамакову запросить в Герольдмейстерской конторе сведения на учеников, дабы установить, все ли из них правильно пользуются дворянским званием и тем самым пресечь возможность смещения с разночинцами¹⁶⁷. Одновременно приняты были меры против излишнего расходования университетских средств: дворяне, записанные в службу, во время своего отпуска могли посещать занятия, но запрещалось «числить их в записных на жалованье»¹⁶⁸. До создания гимназического Регламента Шувалов направил в университет инструкцию, в первую очередь касавшуюся порядка приема учеников в дворянскую и разночинскую гимназии, установлению квот для записных на жалованье и для иностранцев, первоочередных предметов для преподавания, наблюдения за поведением учеников, их экзаменования, хранения денежной казны и учета расходов¹⁶⁹. Осенью он велит установить жалованье в 40 рублей студентам, слушающим лекции по математике и философии, и одобряет решение Аргамакова поощрять их кафтанами и другими вещами, требуя распространить такую форму награды на «бедных и прилежных»¹⁷⁰. В апреле следующего года он регламентирует содержание газеты «Московские ведомости», издаваемой при университете, и устанавливает ей продажную цену в 4 рубля¹⁷¹. В награждении студентов и учеников медалями директору также не давалась полная свобода: студентам и ученикам верхних классов из дворян следовало раздавать золотые медали, а разночинцам — серебряные. Не оставлена была без внимания даже формулировка надписи на медали¹⁷². И, конечно, пристальное внимание куратора было уделено организации торжеств в дни важнейших государственных праздников, таких как тезоименитство императрицы или годовщины ее коронации. Единственный сохранившийся ордер на эту тему дает представление, сколь подробно Шувалов расписывал церемонию праздника¹⁷³.

Ранее сообщалось, что Аргамаков в числе испрошенных от Сенатской конторы служителей назвал и фельдшера. Не исключено, что тогда

же, в мае 1755 г., он представлял Шувалову о необходимости завести при университете лазарет и аптеку. Куратор распорядился сделать маленький лазарет, а на аптеку согласия не дал из-за организационных и финансовых трудностей¹⁷⁴. Сомнительно, что лазарет открыли тем же летом, поскольку многие преподаватели и учащиеся до покупки университетом в октябре — ноябре 1755 г. дома кн. П. И. Репнина на Моховой улице жили в нанятом Шуваловым на той же улице доме кн. А. Г. Грузинской¹⁷⁵. Вероятно, здесь отвели на первое время отдельную палату для осмотра больных командированным Военной конторой фельдшером. 22 декабря куратор утвердил пребывание при университете лекаря А. И. Татаринова для «прилежного смотрения» за студентами¹⁷⁶. Неделями ранее он направил учителя итальянского и греческого языков Н. Н. Папафило, приказав набрать для него новый класс¹⁷⁷. В июле 1756 г. Шувалов требует принять в университет танцмейстера¹⁷⁸.

Переписка с различными ведомствами по исполнению распоряжений Шувалова, а также рутинная административная работа ложилась на А. М. Аргамакова. Вероятно, в университете ощущалась нехватка учебников по многим дисциплинам, но в первую очередь директор обеспокоился практически полным отсутствием латинских грамматик и «российских Библий». Первых ему требовалось в общей сложности 150 экземпляров, вторых — 2 (для библиотеки и для обучения). После подачи в Московскую синодальную контору нескольких доношений грамматика были отпущены из Московской типографии по цене 51 копейка с четвертью за штуку, а лишних Библий не оказалось, поэтому университету рекомендовали обратиться в Синод в Петербурге¹⁷⁹.

Реально занятия студентов начались, видимо, только после первых летних «ваканций», установленных «Проектом о учреждении Московского Университета» с 10 июня по 1 июля. К началу июля прибыло 15 студентов-семинаристов, вступительную речь Н. Н. Поповского к курсу философии можно датировать примерно июлем — августом¹⁸⁰ и, скорее всего, тогда же А. А. Барсов начал читать лекции по математике. Ордер Шувалова от 9 октября, упомянутый выше, официально закрепляет факт укомплектованности университета (реально состоявшего из одного из трех заявленных факультетов — философского) студентами. Они, возможно, как и записные ученики гимназии, первые три месяца не получали жалованья, но столовались за казенный счет и снабжались необходимыми вещами (хотя «Проектом» такой испытательный срок не был предусмотрен).

К лету 1755 г. в отремонтированном доме у Воскресенских ворот, в котором находился Московский университет, обнаружили многие недостатки: в неисправном состоянии были крыша, печи, печные трубы, замки, что побудило Аргамакова требовать от архитектора кн. Д. В. Ух-

томского передать университету дом по описи, приложив копию контракта с подрядчиком¹⁸¹. Сенатская контора приказала архитектору немедленно осмотреть строение и заставить подрядчика купца Л. Дубровского, производившего ремонтные работы, устранить неисправности¹⁸². Но, несмотря на спешные меры, проблему с помещениями в какой-то мере смогла разрядить только покупка репнинского дома в ноябре 1755 г.¹⁸³

Протекавшая крыша и печной угар, тем не менее, не помешали университету 6 сентября провести торжественное собрание, посвященное дню тезоименитства императрицы¹⁸⁴. В этот день речи произнесли сам А. М. Аргамаков¹⁸⁵, магистр философии Ф. Я. Яремский, магистр философии и свободных наук И. Ф. Литке, преподаватель французского языка, истории и географии Ф. де Лабом и ассессор университетской канцелярии М. И. Веревкин¹⁸⁶.

Немало хлопот доставило директору заведение университетской типографии. Начало ей было положено письмом И. И. Шувалова к гр. К. Г. Разумовскому от 13 сентября 1755 г., в котором выражена просьба сделать «на первой случай» два станка для русской печати со всеми к ним принадлежностями, а также направить из Академии одного наборщика и двух учеников. По распоряжению президента Академии наук было решено изготовить два стана и необходимое количество литер, определить их стоимость и назначить кандидатов (наборщика, учеников, тередорщиков и батырщика) для отправки в Москву. Определение штата новой типографии и надзор за изготовлением новых литер были поручены корректору и переводчику А. С. Барсову, а выбирать работников должен был мастер-наборщик И. Ф. Розе. Отбор был очень тщательным, и некоторые кандидатуры были отклонены или «по неспособности», или «по молодым летам», при этом выбраны были только русские. Почти одновременно И. И. Шувалов послал в Академию для обучения уже набранных в Москве мастеров. Станы с литерами были изготовлены к началу февраля 1756 г.¹⁸⁷

Теперь, по существовавшим в то время законам, требовалось получить «привилегию» от Сената. 4 марта 1756 г. И. И. Шувалов и А. М. Аргамаков подали в Сенат доношение — единственное из сохранившихся, подписанное ими обоими, — о «прерогативах» на печатание и продажу сочинений и переводов университетских авторов. Согласие на содержание типографии и книжной лавки получено было в тот же день¹⁸⁸. Официальное открытие типографии и книжной лавки в доме на Моховой улице было приурочено к 26 апреля. Первыми образцами печатной продукции стали: «Приглашение всех любителей наук» на публичное собрание 26 апреля 1756 г., «Изображение аллегорическое... представленное иллюминациею», ода и речь Н. Н. Поповского и первый

номер газеты «Московские ведомости»¹⁸⁹. Для этого номера канцелярия университета просила у Синодальной конторы сообщить сведения, кто будет присутствовать из архиереев и других священнослужителей в «высокорожественные дни» и говорить в соборах проповеди¹⁹⁰. В этот же день в публичном собрании лучшие студенты и ученики из дворян и разночинцев впервые были награждены 16 золотыми и 34 серебряными медалями, высланными накануне Шуваловым¹⁹¹. Среди них мы встречаем Дениса Фонвизина, Дмитрия Аничкова, князя Михаила Львова, Григория Потемкина, Якова Булгакова, сына Аргамакова — Петра¹⁹².

Ранее уже упоминалось о личном участии А. М. Аргамакова в основании университетской библиотеки. К сожалению, нам пока не удалось обнаружить свидетельств того, через какие книготорговые конторы и в какой срок происходила закупка книг. Но с первых дней открытия университета публике стало известно о существовании здесь библиотеки¹⁹³. Возможно, за то время, пока директор находился в Петербурге, ему все же удалось скомплектовать основные фонды и отправить их в Москву. В первый год своего существования библиотека продолжала расширяться. И. И. Шувалов ордерами от 20 и 30 мая 1756 г. напоминал, чтобы библиотеку «всячески стараться приводить и содержать в порядке», а также открывать для «любящих учение» в определенное время¹⁹⁴. Лишь 3 июля это распоряжение куратора было исполнено, и библиотека Московского университета открыла свои двери для «любителей Наук и охотников до чтения книг»¹⁹⁵.

В 1756 г. в университет стали приезжать магистры и профессора, выписанные из-за границы. Так, 11 июня приехали из Тюбингенского университета профессор философии И. Г. Фромман, доктор философии И. М. Шаден, ставший ректором университетской гимназии, а также учитель фехтования Рожбо, 28 сентября — магистр И. П. Оттенталь и профессор права Ф. Г. Дильтей¹⁹⁶. Последнего рекомендовал Шувалову академик Г. Ф. Миллер, полагаясь, в свою очередь, на лестную характеристику, данную тому известным географом и доктором богословия А. Ф. Бюшингом. Кроме того, 30 июля магистр Академии наук А. А. Константинов получил разрешение президента Разумовского перейти на службу в Московский университет, где с 20 августа стал преподавать риторику, русский и латинский языки в дворянской гимназии университета¹⁹⁷. Не прекращалась работа по размещению преподавателей и снабжению их всем необходимым, составлению учебных планов и т. д.

С появлением достаточного числа профессоров по приказанию директора 16 октября 1756 г. состоялось первое заседание университетской Конференции, или Ученого совета, в составе: председателя А. М. Аргамакова и профессоров Н. Н. Поповского, Ф. Г. Дильтея и И. Г. Фроммана. На нем постановили решать вопросы, касающиеся рас-

писания публичных лекций, общих нужд университета и гимназии¹⁹⁸. Конференция собиралась два раза в неделю, что на первоначальном этапе было вполне оправдано, хотя п. 7 «Проекта» предусматривалось только одно заседание.

Присутствие в одной корпорации ученых и чиновников различной национальности и темперамента, с разными социальным статусом и амбициями неизбежно порождало конфликты. На заседании Ученого совета от 16 ноября разбирались жалобы ректора гимназии И. М. Шаде на ассессора университетской канцелярии М. И. Веревкина в связи с претензиями последнего на главенство в гимназических делах. Дело отдали на суд И. И. Шувалова, который и разрешил спор в пользу Шаде¹⁹⁹. Вследствие чего Конференция постановила, «что в спорных вопросах по академической части судьей является высокочтимый г. директор, что г. ассессоры отнюдь не должны вмешиваться в дела университета и не должны брать на себя смелости ничего предписывать, ибо по гимназии отдает распоряжения г. ректор всегда согласно с указаниями Ученого совета»²⁰⁰.

Между самим директором и вновь прибывшими профессорами тоже иногда возникало взаимонепонимание. Ф. Г. Дильтей, проживавший некоторое время без всякой платы в доме Аргамакова, решил приступить к лекциям 21 октября, для чего необходимо было опубликовать программу. Но директор воспрепятствовал ему в том, заявив, что «никто не смеет печатать что-либо без именного разрешения Его Превосходительства господина куратора и, следовательно, необходимо отослать программу Его Превосходительству господину куратору, чтобы получить разрешение напечатать ее»²⁰¹. Алексей Михайлович, видимо, решил перестраховаться: по смыслу вышеупомянутого ордера куратора от 15 апреля право давать разрешение на печатание в типографии оставалось за директором. Программа вышла в свет только к 31 октября и явилась первым изданием типографии Московского университета, напечатанным латинским шрифтом²⁰². Тем же письмом Дильтей просил Миллера выхлопотать для него должность инспектора гимназии.

Упомянув Дильтея, мы не можем не затронуть взаимоотношения Г. Ф. Миллера и А. М. Аргамакова. Из всей их переписки до нас дошла только одна часть — 3 письма директора, подтверждающие уже сложившееся в историографии мнение о деятельном участии академика в становлении Московского университета. В частности он рекомендует в качестве учеников дворянской гимназии двух сыновей госпожи Тарбеевой, которых Аргамаков собирался записать на казенное содержание. Разумеется, не его вина, что впоследствии двое братьев оказались не очень прилежными гимназистами и не посещали занятий²⁰³. Поклоны общим знакомым, обмен подарками, сетование на здоровье, выражение

соболезнований²⁰⁴ позволяют отнести начало их знакомства к более раннему, нежели март 1755 г., сроку. Если учесть то доверие, которое И. И. Шувалов питал к академику, можно не без оснований включить его в число лиц, предположительно рекомендовавших Аргамакова на место директора.

16 декабря 1756 г. в гимназиях Московского университета состоялся экзамен, а затем были произнесены публичная речь ректора И. М. Шадена «О средстве каким образом наукам обучать и обучаться» и рассуждения учеников, среди которых был и Петр Аргамаков²⁰⁵, а на следующий день было публичное собрание в университете посвященное дню рождения императрицы Елизаветы Петровны, а также диспуты и речи студентов²⁰⁶.

К организации этих мероприятий, А. М. Аргамаков, несомненно, имел отношение, но участвовать в них он не смог, поскольку накануне ордера Шувалова был вызван в Петербург «за нужнейшими Университетскими делами» и выехал из Москвы 15 декабря на 29 дней²⁰⁷. Какие вопросы университетской жизни решали куратор и директор — можно лишь догадываться. Учеба после каникул начиналась 6 января 1757 г., и Аргамаков должен был вернуться в Москву 12 января, но, вероятно по разрешению куратора, продлил свое пребывание в северной столице, т. к. необходимо было просить в Сенате об имении в Дмитровском уезде²⁰⁸. Здесь Аргамаков заболел, а 25 января 1757 г. скончался²⁰⁹. Отметить заслуги бывшего директора перед университетским сообществом, очевидно по общему решению членов конференции и Канцелярии, было поручено профессору Н. Н. Поповскому, который на публичном собрании 6 марта 1757 г. произнес о нем похвальное слово²¹⁰.

Уже к моменту инаугурации университета имущественные и денежные дела Алексея Михайловича находились не в лучшем состоянии. В мае 1755 г. он испросил у Мануфактур-коллегии разрешение закрыть свою полотняную фабрику в с. Успенском и распродать товары, инструменты и материалы, ссылаясь на обремененность делами в Московском университете и в Комиссии по Мастерской и Оружейной палате²¹¹. На тот же год приходится несколько продаж крепостных и дворовых людей из того же села²¹². В январе следующего года он вместе с матерью занимает 4400 руб. у барона Н. Г. Строганова под заклад упомянутого села и д. Крутец²¹³, в феврале следует новый заем — на 3000 руб. у подполковника И. А. Киселева под заклад с. Хозино в том же уезде²¹⁴. Имелся еще долг Московской банковской конторе в 6940 руб. Общая сумма долгов составляла 8940 руб. казенных и 10625 руб. частных. Срок платежей по всем займам приходился на 1757 г. Средства, как мы увидим далее, шли не только на собственные нужды семьи, но и на университет. Думается, характерна для аргамаковской «экономии» картин-

ка, приведенная профессором Дильтеем в письме Миллеру. Он сетует, что хотя и жил бесплатно в доме директора, но «на обустройство хозяйства... потратил около 40 рублей, поскольку там вовсе не было печки, у дверей отсутствовали запоры и так далее и тому подобное»²¹⁵. Около сентября 1756 г. умирает Настасья Ермиловна, и Аргамаков делает последнюю попытку хоть как-то поправить дела: просит в Вотчинной коллегии записать за ним пустошь Никоново в Дмитровском уезде, проданную его матери кондуктором И. Ф. Дуровым еще в 1721 г.²¹⁶, а в январе 1757 г. перед самой кончиной, воспользовавшись поездкой в Петербург, пытается вернуть вотчину с Горки в Дмитровском уезде, проданное еще в 1736 г. матерью и племянником²¹⁷.

Однако не менее печальным и затрагивающим честь семейства Аргамакова явилось отсутствие в университетской казне денег, что дало повод говорить о должностных злоупотреблениях. 20 марта 1757 г. ассессор М. И. Веревкин сообщил И. И. Шувалову: «Сколько в приходе было в имп. Московском университете 755 и 756 годов при покойном директоре г. Аргамакове, по том по смерти его в наличности ничего не осталось, а куда оные, на что и когда употреблены, о том вашему превосходительству в коротком времени отрепортовать никаким образом не можно»²¹⁸. Речь шла и о 21 тысяче рублей, подаренной братьями Демидовыми в феврале — апреле 1755 и в первых числах декабря 1756 г.²¹⁹

Назначенный 21 октября 1762 г. куратором университета В. Е. Адодуров обвинил А. М. Аргамакова в растрате казенных средств, уточнив что «на покойном директоре Аргамакове по ордеру две тысячи рублей», из которых «ничего неуплачено и пон[ы]не, и вскоре получить оных не надежно, да и отданы были в долг беззаконно»²²⁰. Шувалов пытался защитить честь покойного директора. Годом ранее он доносил Сенату, что «по смерти бывшего... Директора Господина Аргамакова... в Университете яснаго следа росходам тех годов не отискано; однако ж нет в том сумнения, чтоб оная сумма каким нибуд[ь] неправым образом расточена была; но изо всех обстоятельств оказывается, что помянутой покойной Директор Господин Аргамаков и из своего движимаго и недвижимаго имения от одной ревности и любви к учащимся, на университетское содержание употреблял; неисправность же во оных щетах, как видно, произошла в разсуждении новоучрежденнаго места, что ни порядок канцелярских, ни расходов по форме вести еще было не можно»²²¹. А в ответ на обвинения Адодурова заметил: «...Могу и то представить, что сей усердной к службе, токмо непорядочной в щотах и экономических делах человек, много своего в Университет отдал и что многим известно»²²².

Долги бывшего директора касались не только его наследников — старшего сына Петра (род. в 1742 г.), а также малолетних его братьев

Александра (род. в 1747 г.), Алексея (род. в 175? г.), Михаила (род. в 175? г.) и сестер Екатерины (род. в 1744 г.), Натальи (род. в 1749 г.) и Варвары (род. в 1754 г.) — но и репутации университета. В этой ситуации Шувалов добивается от императрицы «всемилодивейшаго повеления», направленного на защиту интересов наследников Аргамакова: заложенные имения после просрочки не записывались за заимодавцами, а по закладным и вексям из доходов, получаемых от деревень, выплачивались проценты; на погашение долгов из Московской банковской конторы дополнительно выдавались 3060 руб.; от Сената назначался опекун, подчинявшийся университету, который осуществлял «смотрение» за имениями наследников и уплату долгов «по препорции»²²³.

В марте того же года опекуном был назначен коллежский ассессор Иван Ермолаевич Каменев²²⁴. Но он не лучшим образом справлялся со своими обязанностями. Так, в 1758 г. он смог заплатить в Банковую контору лишь проценты на сумму 78 руб.²²⁵, а в августе 1760 г. прекратил платить даже их²²⁶. В октябре 1761 г. он умер, после чего открылись растраты казенных денег его женой²²⁷. Только в июле 1762 г. на его место определили ассессора Камер-коллегии Алексея Протодияконова²²⁸. В мае 1764 г. он просил освободить его от исправления должности, и его заменил коллежский ассессор Семен Жегулин²²⁹. В течение последующих девяти лет С. О. Жегулин оплатил все казенные и партикулярные долги: казенные, в Банковую контору, на сумму 8660 руб. с процентами и пошлинами в 2236 руб. и частные на сумму 94 руб. 74 коп. (основную часть «партикулярных» долгов покрыли ранее). Всего за 15 лет было выплачено казенных долгов 10 тыс. руб. с процентами и пошлинами в 5727 руб. 65 коп.²³⁰ и частных 5785 руб. 75 коп., уничтожено и не велено взыскивать долгов на сумму 6675 руб.²³¹

Покойный А. М. Аргамаков помимо долгов оставил после себя и запутанную историю с так называемым отпуском на волю своих дворовых людей. В отечественной литературе это явление освещалось как «акт освобождения», свидетельствующий о «прогрессивности его общественных взглядов»²³².

Мы уже рассказывали, как 24 апреля 1736 г. в присутствии Сенатской конторы Аргамаков, едва оправившийся от тяжелой болезни, высказал желание освободиться от своих деревень, т. к., по его мнению, от них «приходят немалые убытки», утверждая, что его прокормят изученные науки. Можно ли при этом говорить о приобретенных им в Женеве демократических взглядах, или здесь имеет место проявление завышенной самооценки, своего рода праздности, связанной с нежеланием заниматься вотчинным хозяйством? Пример, свидетельствующий о первом, есть: 15 мая 1756 г. он отпускает на волю своего крепостного мальчика Гаврилу Журавлева, 10 лет отроду, и определяет его в разно-

чинскую гимназию на казенное содержание²³³. Но 19 августа того же года он отдает в университетскую службу своих крепостных дворовых людей, а именно: Алексея Грязева (род. в 1718 г.) с женой и детьми, Тимофея и Алексея (род. в 1741 г.) Грязевых, Степана Бутылина (род. в 1694 г.) с женою, Дмитрия Жильцова, Якова Огурешникова (род. в 1737 г.), Прокофия Бабеньшева (род. в 1729 г.). На всех этих людей Алексей Михайлович дает отпускное письмо (точно не указывается, одно на всех или на каждого в отдельности), в котором сообщалось, «что отданы они в Университетскую службу и ему, Аргамакову, до оных ево людей дела нет и детям и наследникам ево не вступаться»²³⁴. Тимофей и Алексей Грязевы служили тафельдекерами «при столах казеннаго содержания учеников дворян и разночинцов», другой Алексей Грязев — сначала «купчиной» (т. е. лицом, занимавшимся закупками), а потом тафельдекером, Степан Бутылин, Дмитрий Жильцов, Прокофий Бабеньшев и Яков Огурешников — поварами, Бутылин и Огурешников затем служили сторожами, из них последнего под конец произвели в лакеи «при столах пансионеров». Один из братьев Грязевых, Алексей, находился при университете до марта 1761 г., а затем с паспортом от директора И. И. Мелиссино отправился в Петербург, где поступил на службу к куратору И. И. Шувалову. При отъезде за границу Шувалов отдал распоряжение (ордер от 28 февраля 1763 г.), «ежели... при Университете должности пристойной ему не сыщется, то... дать оному Грязеву пашпорт для приискания службы, где он пожелает». Что, впрочем, осталось без всякого решения. Тимофей Грязев в марте 1757 г. был отпущен на волю университетом. С. Бутылин служил до ноября 1762 г., а «с того времени за непорядочные ево поступки и за старостию и дряхлостию выключен»²³⁵. Что касается Д. Жильцова, то его по ордеру куратора Ф. П. Веселовского директору И. И. Мелиссино от 19 января 1761 г. «за непорядочные... поступки и пьянство» отдали наследнику, Петру Аргамакову, с распиской²³⁶. Остальные служители продолжали числиться при университете, в том числе и дети старшего Алексея Грязева. Один из них, Михаил, служил писчиком при университетской типографии, а другой, Николай, обучался в разночинской гимназии латинскому и французскому языкам и арифметике. Но 25 апреля и 26 мая 1764 г. состоялись именной и сенатский указы о продлении срока подачи ревизских сказок до 1 сентября, и канцелярия университета в лице В. Е. Адодурова, М. М. Хераскова и С. О. Жегулина решила, что всем отпущенным Аргамаковым людям, кроме гимназиста Николая Грязева, «при Университете быть не надлежит, потому что оные находились при Университете не для наук, но при разных исправлениях в услугах... ныне ж ни услуг ни должностей не исправляют и никаким наукам не обучались и по нынешним их летам к тому и не способны». К сожалению, подлинная отпускная до нас не дошла, не найдена и записная книга от-

пускным дворовых людей за август 1756 г. Но сомнения вызвала не законность формы отпускной, а несоответствие ее содержания п. 26 «Проекта о учреждении Московского Университета». В нем оговаривалась выдача увольнительного письма крепостному, способному к наукам, причем помещик обязался все время обучения содержать молодого человека, а отпускная хранилась в университете и выдавалась на руки бывшему крепостному вместе с аттестатом. Если студент или гимназист уличался в «худых поступках», его исключали из университета и отдавали вместе с отпускной помещику²³⁷. Проектом не было предусмотрено, «чтоб отпущенных по отпускным в Университет из положенных в подушной оклад господских людей принимать и Университету укреплять и таковым в услугах Университетских и без платежа подушного оклада свободным быть»²³⁸. Университет направил в Сенат доношение, где предлагал отдать всех бывших дворовых, в том числе и Алексея и Тимофея Грязевых, отпущенных на волю «не на указном основании», детям Аргамакова, обязав их подпиской, «чтоб оные люди в силу Указов к положению в подушной оклад где надлежит объявлены были со всем их семейством без утайки»²³⁹. Инициатором такого предложения, вполне вероятно, явился Жегулин, энергично взявшийся за выплату долгов Аргамакова и обнаруживший, что все отпущенные на волю положены в подушный оклад в с. Успенском и за них продолжают платить подати остальные крестьяне. Сенат утвердил решение Московского университета²⁴⁰. Как видим, «отпускная» Аргамакова вошла в правовой конфликт с действовавшим законодательством, поскольку не представляла дворовым волю, а прикрепляла их к учреждению, вопреки мнению Н. А. Пенчко. Фраза «Отдан в Московский университет вечно во служение», собственно, и стоит в ревизской сказке по с. Успенскому напротив имен «вольнотпущенных»²⁴¹. Если такой вельможа, как И. И. Шувалов, и мог себе позволить не следовать букве закона, то университетские чиновники в Москве, непосредственно связанные с решением повседневных проблем, из соображений экономии имели право рассудить иначе, пусть и вопреки просвещенческому гуманизму.

* * *

В приложении мы публикуем документы, всесторонне освещающие служебную деятельность А. М. Аргамакова и его имущественное положение. Тексты, ранее изданные, заново сверены с оригиналами. Подготовка текстов осуществлена по правилам, принятым в сборнике «Россия в XVIII столетии». Кириллические цифры в датах документа № 55 заменены арабскими. Специально оставленные в документах пропуски чисел обозначены многоточием.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 23 // *Соловьев С. М.* Сочинения в 18 кн. М., 1993. Кн. 12. С. 192, 262—263; *Он же.* Указ. соч. Т. 25 // Там же. М., 1994. Кн. 13. С. 183—184; *Снегирев И. М.* Действия Московского университета в первом периоде его существования // *Ученые записки императорского Московского университета.* 1834. Ч. 4. № 11. С. 334—336; *Шевырев С. П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 3, 16, 26—28, 33, 46, 73, 75, 77, 577—578.

² *Высоцкий Н. Г.* Из истории Оружейной палаты. М., 1916. С. 6—9.

³ *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. М., 1953. С. 56, 66, 74—75, 95—99, 109, 127—130; *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. С. 137, 147, 151—154, 167, 185.

⁴ *Пенчко Н. А.* Физический кабинет в XVIII веке // *Иван Филиппович Усагин.* М., 1959. С. 155; *Она же.* Библиотека Московского университета с основания до 1812 года. М., 1969. С. 20—21, 23—24, 34, 153.

⁵ *Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века.* / Подг. к печати Н. А. Пенчко. М., 1960. Т. 1: 1756—1764. С. 335—336.

⁶ *Малицкий Г. Л.* К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 558; *Михайлов А. И.* Архитектор Ухтомский и его школа. М., 1954. С. 175—178, 355; *Захаров Н. Н.* Из истории Государственных музеев Московского Кремля // Московский Кремль. Музеи. Материалы и исследования. М., 1973. Т. 1. С. 9—33. Странным является тот факт, что в относительно недавней диссертации М. К. Павлович по истории Оружейной палаты XVIII в. совершенно отсутствует имя Аргамакова. См.: *Павлович М. К.* Оружейная палата XVIII в. — учреждение, мастерская, музей. Диссертация на соискание уч. ст. кандидата исторических наук (07.00.02). Московский государственный историко-архивный институт. М., 1991.

⁷ *Кулакова И. П.* Университетское пространство // Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия / Под ред. В. В. Пономаревой и Л. Б. Хорошиловой. М., 1997. С. 113, 150; *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. Изд. 2-е, доп. М., 2000. С. 89, 91, 129; *Андреев А. Ю.* Лекции по истории Московского университета. 1755—1855. М., 2001. С. 57, 63.

⁸ *Ректоры Московского университета: Биографический словарь* / Сост. В. В. Ремарчук. М., 1996. С. 7—9. (Московский университет на пороге третьего тысячелетия. Вып. 11). Здесь, в частности, сообщается, что «сестра директора университета была замужем за царевичем Георгием». Однако никаких достоверных источников существования родной либо двоюродной сестры Алексея Михайловича до сих пор не отыскано. Авторы приписывают А. М. Аргамакову сестру, видимо следуя за биографом А. Н. Радищева А. Лосским, который говорит, что родители отправили молодого Радищева «в Москву к родному дяде по матери, Михаилу Федоровичу Аргамакову, весьма просвещенному человеку,

имевшему связи с Московским университетом, где его родной брат (так! — Д. К.) был куратором (так! — Д. К.)». См.: РБС. СПб., 1910. Т.: Притвиц—Рейс. С. 382.

⁹ Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 244.

¹⁰ С-в Д. Аргамаковы // РБС. Репринтное издание. М., 1992. Т.: Алексинский—Бестужев-Рюмин. С. 273.

¹¹ Там же (упомянут Василий Аргамаков). В списке русских пленных за 1519 г. значится Андрей Аргамаков. — Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 160.

¹² Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции, с обозначением деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853. С. 11. Наша неуверенность в том, что Ф. А. Аргамаков был прадедом А. М. Аргамакова связана с тем, что в это время (т. е. в 1629 г.) кроме него был еще один Аргамаков, Федор Иванович, патриарший стольник. Для более точного определения степени родства необходимо подробно изучить их имущественные отношения, проследить переход вотчин по наследству, что лежит за рамками данной статьи.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Кн. 5. Л. 212 об.; Кн. 6. Л. 282 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Кн. 7. Л. 369.

¹⁵ Там же. Кн. 10. Л. 209; Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 159; Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Л., 1940. Т. 1. С. 50.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1448. Л. 113. См. отписку П. И. Хованского в Приказ Малой России о приезде М. М. Аргамакова от 11 марта 1697 г. — РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1487. Л. 9.

¹⁷ См. челобитную М. М. Аргамакова Петру I от 23 августа 1697 г. об отсрочке размежевания его вотчин с поместьями и вотчинами кн. М. Г. Ромодановского на время киевской службы. — РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 1448. Л. 137—137 об.

¹⁸ Указная грамота Приказа Малой России М. М. Аргамакову от 24 марта 1698 г. — Там же. Оп. 13. Д. 2039. Л. 9—12. Хованский взял из казны для себя 500 и выдал стольнику Ивану Скрипицыну 100 рублей, покупал вино для кружечного двора по чрезмерно высокой цене, использовал казенный лес себе «на хоромное строение», бесконтрольно выдавал хлеб из житниц.

¹⁹ См.: челобитная М. М. Аргамакова царю Петру I от 31 августа 1698 г., выписка в Приказе Малой России от 11 февраля 1699 г. и память Разрядного приказа в Приказ Малой России от 10 марта 1699 г. — Там же. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 1448. Л. 148—150, 152.

²⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 13, 15.

²¹ Там же. СПб., 1889. Т. 2. С. 564—565. См. также инструкцию Петра Б. П. Шереметеву об укреплении Ям от 5 июня 1703 г. — Там же. С. 176—177.

²² Там же. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 502; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1, 1711. Д. 33. Л. 4, 7 об., 9. См. также указ Петра I М. М. Аргамакову от 20 мая 1711 г. — Письма и бумаги. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 240—241.

²³ Там же. М., 1977. Т. 12. Вып. 2. С. 17—18, 30, 74, 98—99, 112, 296, 301—302, 318, 347, 349, 379; РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 29. Л. 450—451 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 35. Л. 7.

²⁵ Там же. Кн. 35. Л. 53.

²⁶ См. письмо А. А. Матвеева кн. А. Д. Меншикову от 17 сентября 1720 г. из Москвы: «При сем не мог я минут, не донесши Вашей Светлости по моей обязательной должности, что я для соблюдения дому своего здесь помолвил жениться на вдове Михайловской жене Аргамакова, усмотря ее честное состояние, и к домостроительству ум ее мне прибыточен». — Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 752. Л. 55 об.

²⁷ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 92. Л. 19.

²⁸ Там же. Д. 102. Л. 79.

²⁹ Там же. Л. 55. Этот Аргамаков прибыл к Бутурлину 30 декабря 1724 г.

³⁰ Там же. Д. 100. Л. 66 об.; Д. 146. Л. 2 об. В 6 роте в чине сержанта (с 1728 г.).

³¹ Ср. с сообщением, что пажы Меншикова числились сержантами гвардии. — *Бантыш-Каменский Д. М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Репринтное издание. М., 1991. Ч. 1—2. С. 85.

³² РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 125. Л. 84 об.

³³ Там же. Д. 111. Л. 49 об.; Д. 121. Л. 12, 24 об.

³⁴ В письмах князю Матвеев неизменно называет его «милостивый» или «высокосклоннейший патрон». — См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 752.

³⁵ См. документы № 1 и 2.

³⁶ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 115. Л. 8, 21 об.

³⁷ Вот текст этого указа: «Ехать тебе в Москву с письмом, которое с тобою н[ы]не посылается; а приехав в Москву, подать тебе оное Тайному Действительному Советнику Генералу Губернатору и Ковалеру Кн[я]зю Ивану Федоровичю Рамодановскому, и что от него на оное посланное с тобою письмо будет определения, о том чрез почту суды писать и самому до Указу быть вам в Москве». — Там же. Д. 124. Л. 86.

³⁸ Документ № 3.

³⁹ См.: «Список штаб, обер и унтер офицеров и других чинов по алфавиту» 1731 г. — Там же. Д. 164. Л. 1.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1080. Л. 14, 16 об.

⁴¹ Документ № 4.

⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1080. Л. 18 об.

⁴³ См. прошение М. Ф. Аргамакова Вотчинной коллегии от 19 апреля 1732 г. — Там же. Ф. 1209. Дела старых лет. Дмитров. Кн. 15097. Л. 457—457 об.

⁴⁴ ПСЗ. Т. 8. № 5811. С. 519.

⁴⁵ См.: документы № 5, 59.

⁴⁶ См.: РГАДА. Ф. 1209. Дела старых лет. Дмитров. Кн. 15085. Л. 615—620 об. 622—625 об., а также документ № 55. По приговору Канцелярии вотчинных дел Путятину предписали отдать означенные земли А. М. Аргамакову как близкому родственнику за выкуп в 300 рублей, т. е. за сумму, равную долгу брата Федора.

⁴⁷ Документ № 56.

⁴⁸ Промемория Камер-коллегии в Нижегородскую канцелярию от дел свидетельства душ мужского пола от 15 января 1726 г. — Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 76. Д. 34229. Л. 5.

⁴⁹ Там же. Л. 9—9 об.

⁵⁰ Там же. Л. 14—14 об., 18.

⁵¹ Документ № 5. В сказке Аргамакова, данной в Герольдмейстерской конторе 1 сентября 1748 г., датой возвращения назван 1734 г. (см. документ № 7). Скорее всего, это ошибка памяти: там же начало службы в Преображенском полку он относит к 1722, а не к 1723 г.

⁵² «Горячка — общее воспаление крови в человеке или животном; жар, частое дыхание и бой сердца; огневница, febris acuta, synocha. У нас неясно различают слова *горячка* и *лихорадка*, обычно *лихорадкой* зовут не большую горячку, а более перемежную, а *горячкой* — длительную и опасную, нпр. нервную, желчную, гнилую». — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1: А—З. С. 385.

⁵³ Документ № 57.

⁵⁴ Этот Аргамаков известен тем, что пострадал в регентство Бирона за агитацию в пользу принцессы Анны Леопольдовны и принца Антона Ульриха. — См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 21 // *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 11. С. 13—20.

⁵⁵ Прошение М. Ф. Аргамакова в Вотчинную коллегия от 19 апреля 1732 г. — РГАДА. Ф. 1209. Оп. 736. Дела старых лет. Дмитров. Кн. 15097. Л. 457—457 об.

⁵⁶ Документ № 57.

⁵⁷ Документ № 58.

⁵⁸ Документ № 59.

⁵⁹ РГАДА. Оп. 738. Дела молодых лет. Дмитров. Кн. 15119. Л. 275—275 об.

⁶⁰ Документ № 59.

⁶¹ Документ № 66.

⁶² РГАДА. Ф. 1395. Оп. 1. Д. 205. Л. 12—14 об.

⁶³ Определение Сенатской конторы от 11 февраля 1737 г. — Там же. Д. 77. Л. 1—4 об.

⁶⁴ Документ № 6. Прошение А. М. Аргамакова Коллегии иностранных дел от 29 ноября 1742 г. Резолюция коллегии в деле отсутствует. Прошение в Сенат, обнаружить которое нам не удалось, подавалось, вероятно, в конце 1741 г.

⁶⁵ Жена Ирина Яковлевна, дочь Якова Саввича Васильева, подпрапорщика Московского драгунского эскадрона. См.: РГАДА. Ф. 400. Оп. 3. Ч. 4. Д. 6204.

⁶⁶ Документ № 7.

⁶⁷ Вот текст именного указа, воспроизведенный здесь по копии: «Всем[и]л[о]стивейше пожаловали Мы бывшего наперед сего лейбгвардии нашей в Преображенском полку Прапорщика Алексея Аргамакова в Коллежския Советники, которым чином определит[ь] ево по разсмотрению нашего Сената к делам, куда он способен будет, и повелеваем нашему Сенату учинить по сему нашему указу». — РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 340. Л. 2.

⁶⁸ Там же. Л. 105—106.

⁶⁹ Первое клятвенное обещание принесено 13 сентября на Васильевском острове в церкви Воскресения Христова. Приводил к присяге иерей Алексей Афанасьев. Второе — 30 сентября «в новопостроющейся каменной Благовещенской церкви». Приводил к присяге протопресвитер Яков Тихонов. — Там же. Л. 4, 107.

⁷⁰ См. известие Мануфактур-коллегии Герольдмейстерской конторе от 18 мая 1749 г. — Там же. Д. 310. Л. 35.

⁷¹ Документ № 8.

⁷² Инструкция Мануфактур-коллегии канцеляристу Л. Ненееву от 1 июня 1749 г. — РГАДА. Ф. 277. Оп. 4. Д. 454. Л. 3—3 об. Характерно заключение инструкции: «Будучи в том доме, обид и налог никому не чинить и ко взяткам не касатца под опасением неотменного по указам штрафа».

⁷³ Рапорт канцеляриста Л. Ненеева Мануфактур-коллегии от 8 июня 1749 г. — Там же. Л. 4—5.

⁷⁴ Пересказ в прошении А. М. Аргамакова Мануфактур-конторе от 2 июля 1750 г. — Документ № 11.

⁷⁵ Определение Мануфактур-конторы от 2 июля 1750 г. — РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 783. Л. 2.

⁷⁶ Документ № 12.

⁷⁷ Документ № 11.

⁷⁸ Документ № 12.

⁷⁹ См. определение Мануфактур-конторы от 5 июля 1750 г. и справку канцелярии генерал-рекетмейстера, не ранее 23 июля 1750 г. — Там же. Л. 5—5 об., 6 об.

⁸⁰ Там же. Л. 6 об.

⁸¹ Заведена 26 февраля 1726 г. тяглецами д. Малые Лужники Иваном Панфиловым, Иваном Дудоровым и Иваном Садовниковым «собственным своим коштом» для изготовления лент, платков и портупей. — Там же. Оп. 7. Д. 363. Л. 2.

⁸² Документ № 9.

⁸³ РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 363. Л. 2—5 об.

⁸⁴ Документ № 10.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 352. Л. 2—2 об.

⁸⁶ Алмазов Иван Семенович (1679—1745), стольник царицы Прасковьи Федоровны (1692 г.), бригадир. — Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 32. В 1744 г. подал челобитную императрице о протекции над именьями после его кончины. 22 октября 1745 г., после смерти Алмазова (умер бездетным), Сенатская контора во исполнение именного указа велела присутствовавшему в Ревизион-коллегии полковнику Д. Сабурову описать в Москве все движимое и недвижимое имение бригадира, а также взять известия о недвижимости у вдовы Алмазова Анны и в Вотчинной коллегии и представить опись в Сенатскую контору. Делалось то «не для лишения законных его (Алмазова. — Д. К.) наследников, но для сущей справедливости» (РГАДА, Ф. 248. Оп. 113. Д. 1570. Л. 6—7 об.).

⁸⁷ Там же. Л. 59.

⁸⁸ Дата прибытия Аргамакова в Мануфактур-контору сообщена в рапорте этого ведомства Мануфактур-коллегии того же числа. — РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 47. Л. 6.

⁸⁹ Документ № 13. Аргамаков ссылаясь на то, что не был в отпуске «с начала вступления в Манифактур Коллегию», а также на именной указ от 17 мая 1744 г., разрешавший отпускать в годовые отпуска треть флотских и штатских чинов «изо всякого места» (ПСЗ. Т. 12. № 8943. С. 113—114).

⁹⁰ Вот текст определения 14 ноября 1750 г. об отпуске А. М. Аргамакова: «...Приказали: оного Аргамакова по прошению ево для ево нужд отпустить в дом с 1 числа Генваря будущего 751 году и дать пашпорт, а по прошествии года явитца к присудствию в Манифактур Коллегии, а на место ево, Аргамакова, к присудствию в Санкт Питербурх в Манифактур Кантору выслать члена из Манифактур Коллегии, и о том куда надлежит послать Указы, а в Сенатскую Кантору сообщить ведение». — РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 367. Л. 669 об.

⁹¹ Документ № 62.

⁹² РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 427. Л. 157.

⁹³ Прошение А. М. Аргамакова Мануфактур-коллегии о выдаче паспорта С. Грязеву на проезд от Москвы до Санкт-Петербурга от 1 марта 1753 г. — Там же. Ф. 277. Оп. 8. Д. 25. Л. 1.

⁹⁴ Документ № 60.

⁹⁵ Запись в журнале Мануфактур-коллегии от 16 июля 1751 г.: «...В Арзамаскую Правинциальную Канцелярию, також и ко обретающемуся в той правинции Валтмейстеру послать Указы, по которым велеть оному Господину Советнику Аргамакову потребное число для зделания фабричных инструментов лесу... рубить не запрещать, о чем и в Адмиралтейскую Колегию во известие послать промеморию». — РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 1011. Л. 2 об.—3.

⁹⁶ См. промеморию Адмиралтейской коллегии Мануфактур-коллегии от 23 сентября 1751 г. — Там же. Л. 6—6 об.

⁹⁷ См. прошение А. М. Аргамакова Сенату от 13 апреля 1752 г. — Там же. Ф. 286. Оп. 1. Д. 392. Л. 896—896 об. Определение Сената об отпуске — от 15 апреля, ведение в Сенатскую контору — от 20 апреля. — Там же. Л. 898—899.

⁹⁸ Прошение А. М. Аргамакова Сенату от 6 июля 1752 г. — Там же. Л. 900. Определение Сената об отсрочке — от 4 августа. — Там же. Л. 902.

⁹⁹ См. ведение Сенатской конторы Сенату от 31 мая 1752 г. и последующую переписку, связанную с поисками виновников «напрасной переписки и непорядков». — Там же. Л. 905—909 об.

¹⁰⁰ Документы № 14, 15.

¹⁰¹ Обструкция — затвердение, завал в черевах (животе). — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2: И—О. С. 622. Гипохондриа, или ипохондриа, — низшая степень меланхолии, расположение к задумчивости и мрачным мыслям; хандра; болезненное, угнетенное состояние; болезнь, сопровождающаяся болями, судорогами; — *Даль В. И.* Указ соч.. М., 1978. Т. 1: А—З. С. 351; Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1997. Вып. 9: (Из—Каста). С. 110. Цыготная болезнь, цынга — худосочная болезнь, или порча и разложение крови. — *Даль В. И.* Указ соч. М., 1980. Т. 4: Р—V. С. 575.

Почечуйная болезнь, почечуй — геморрой; общая при нашем роде жизни (более мужская) болезнь, от застоя крови в проходной кишке. — Там же. М., 1980. Т. 3: П. С. 370.

¹⁰² См. рапорт А. М. Аргамакова Мануфактур-коллегии от 17 ноября 1753 г. — РГАДА. Ф. 277. Оп. 8. Д. 4. Л. 2. В тот же день по решению коллегии присланная шерсть была отдана на суконные фабрики с предписанием «освидетельствовать доброту той шерсти и в Ко[ллегию] репортоват[ь]». — Там же. Л. 3.

¹⁰³ *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 23 // *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 12. С. 189—190.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2902. Л. 450—455 об. (подлинный протокол); ПСЗ. Т. 14. № 10283. С. 201—204 (указ от 24 августа на основании определения); *Латкин В. Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII ст.: Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. 81—86.

¹⁰⁵ См. экстракт, составленный Штатс-конторой, о службе и жалованье А. М. Аргамакова. — Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 4711. Л. 563.

¹⁰⁶ См. определение Сенатской конторы от 24 сентября 1754 г. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 96. Д. 7637. Л. 219—220 об.

¹⁰⁷ *Высоцкий Н. Г.* Указ. соч. С. 6.

¹⁰⁸ *Соловьев С. М.* Указ. соч. // *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1993. Кн. 12. С. 262.

¹⁰⁹ См. запись объявления П. И. Шуваловым в Сенате именного указа и протокол Сената от 18 августа 1754 г. — РГАДА. Оп. 39. Д. 2903. Л. 441, 442. Доклад Аргамакова от 27 октября (о нем ниже), к примеру, слушан в Сенате 29 ноября, когда протоколом зафиксировано отсутствие Шувалова. — Там же. Д. 2906. Л. 331, 332—332 об.

¹¹⁰ Определение Сенатской конторы от 14 октября предписывает «Советника Аргамакова в Сенатскую Кантору призвать и, чтоб он означенное порученное ему по Мастерской и Оружейной Полате дело исправлял с крайним попечением, о том ему учиненное в Сенатской Канторе Сентября 19 дня сего году определение об[ъ]явит[ь] и в скорейшем оногo окончании в силу того жo определения понуждение чинит[ь]». — РГАДА. Ф. 248. Оп. 96. Д. 7637. Л. 368 — 368 об.

¹¹¹ Документ № 16.

¹¹² Документ № 17.

¹¹³ Документ № 18.

¹¹⁴ Документ № 19.

¹¹⁵ По определению Сената от 29 ноября 1754 г. палате снова велено разобрать все хранящиеся там дела и вещи, по которым составить «исправные резстры и описи», а присутствующие члены палаты обязывались представить объяснения; контроль за наведением порядка возлагался на Сенатскую контору. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2846. Л. 553—553 об.; *Высоцкий Н. Г.* Указ. соч. С. 7.

¹¹⁶ Щербатов Федор Андреевич (1688—1762), князь, 23 марта 1753 г. назначен главным судьей в Мастерскую и Оружейную палату, с 13 мая 1754 г. тайный советник. См. о нем: *Долгоруков П. В.* Указ. соч. СПб., 1854. Ч. 1. С. 112; *Баранов П.* Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век. СПб., 1875. Т. 2. С. 330, 540; Т. 3.

С. 59, 265, 290; *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 44; *Артамонова И.* Щербатов I, князь Федор Андреевич // РБС. СПб., 1912. Т.: Шапов—Юшневский. С. 129.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2846. Л. 569. В справке Штатс-конторы по Мастерской и Оружейной палате от 7 июня 1755 г. сообщалось: «А сего 755 году Генваря 10 дня по приказу оной Полаты Г[о]с[по]д[и]н присутствующих послан был к нему, Г[о]с[по]дину Аргамакову, в дом той же полаты копист Андрей Оловеников, которой, возвратясь, скаскою показал, что де он в дом к нему, Аргамакову, ходил, чтоб он явился в Мастерскую и Оружейную Полату и в доме ево, Г[о]с[по]дина Аргамакова, живущие служители об[ъ]явили, что де он от[ъ]ехал в Санкт Питер Бурх прошлого 754 году Декабря 27 числа». — Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 4960. Л. 3.

¹¹⁸ Документ № 35.

¹¹⁹ *Высоцкий Н. Г.* Указ. соч. С. 7.

¹²⁰ Документ № 20.

¹²¹ Определение Сената от 6 февраля 1755 г. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2846. Л. 562—562 об.

¹²² Рапорт Ф. А. Щербатова Сенату от 29 марта 1755 г. — Там же. Л. 565.

¹²³ Там же. Л. 569 об.

¹²⁴ *Высоцкий Н. Г.* Указ. соч. С. 8—9.

¹²⁵ К слову сказать, жалованье Аргамакова с 21 октября 1754 г. по 1 мая 1755 г., т. е. за время работы в комиссии, составило скромную сумму в 156 рублей 55 копеек. Таким образом, по законодательству он продолжал получать всего один оклад по высшему своему рангу — коллежского советника, что равнялось четверти жалованья армейского полковника. Исключение сделали для периода с 27 декабря 1754 г. по 14 апреля 1755 г., когда часть времени он находился в дороге от Москвы до Петербурга и обратно: ему выдали половинное жалованье полковника. — РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Д. 4711. Л. 5 об.—6; Д. 4960. Л. 11 об. О втором жалованье из университетской суммы, законность которого вскоре вызвала сомнения, речь пойдет ниже. На заседаниях 4 и 11 августа 1754 г. сенаторы рассматривали вопрос «о прибавке тем присутствующим, кои при оном сочинении будут, сверх окладного их жалованья на то время, сколько при сочинении пробудут», но всего лишь постановили об этом «иметь разсуждение впредь». — Там же. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2903. Л. 359 об. Похоже, что больше к данной проблеме уже не возвращались.

¹²⁶ Насколько нам удалось проследить, в последний раз о пунктах речь шла в определении Сенатской конторы от 7 июня 1755 г., когда от Аргамакова потребовали сообщить, получены им или нет от Оружейной палаты «надлежащие известия». — РГАДА. Ф. 248. Оп. 96. Д. 7640. Л. 202—204а об.

¹²⁷ *Латкин В. Н.* Указ. соч. С. 96, 530—539.

¹²⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 85. Л. 382; *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 143.

¹²⁹ См. рапорт генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого Сенату от 22 декабря 1754 г. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 79. Кн. 6414. Л. 405.

¹³⁰ Документ № 34.

¹³¹ Указ Сенатской конторы Ямской конторе о выдаче Блюментросту подвод и подорожной состоялся 4 января 1755 г. — РГАДА. Ф. 290. Оп. 1. Кн. 18. Л. 36—36 об.

¹³² РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 86. Л. 3—14 об. Приведены к присяге 13 января в Сретенской церкви придворным священником Василием Барановым. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2875. Л. 34—34 об.

¹³³ Там же. Л. 32—32 об.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 20 об. *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. С. 165, 189. Жалованье Аргамакову в университете считали начиная с 1 января 1755 г. — РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Д. 4711. Л. 7.

¹³⁵ Санктпетербургские ведомости. 1755. № 30. 14 апреля. Позднее, летом 1756 г., Аргамаков принимал непосредственное участие в удовлетворении требований кредиторов покойного куратора, которые в Москве могли обратиться к нему, а в Санкт-Петербурге к Н. А. Корфу. См.: Московские ведомости. 1756. № 15. 14 июня; № 16. 18 июня; № 17. 21 июня; № 18. 25 июня; № 19. 28 июня.

¹³⁶ См.: *Градова Б. А., Костышин Д. Н.* Роль Академии наук в организации Московского университета // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции 28 июня — 4 июля 1999 г. СПб., 1999. Т. 2. С. 117—125.

¹³⁷ Письмо И. И. Шувалова К. Г. Разумовскому от 6 февраля 1755 г. — ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 196. Л. 132; письмо К. Г. Разумовского И. И. Шувалову от 8 февраля 1755 г. — Там же. Л. 133—133 об.; *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1878. Вып. 4. С. 478—479; *Градова Б. А., Костышин Д. Н.* Указ. соч. С. 120.

¹³⁸ Документ № 21; Летопись Российской Академии наук. СПб., 2000. Т. 1: 1724—1803. С. 426.

¹³⁹ Документ № 22; *Пенчко Н. А.* Физический кабинет. С. 155—158. Впрочем, в более позднем документе за 1767 г. мы встречаем некоторые инструменты, попавшие в университет от Мушенбрука.

¹⁴⁰ Санктпетербургские ведомости. 1755. № 21. 14 марта. Кабинет был приобретен еще отцом Н. А. Демидова Акинфием Никитичем.

¹⁴¹ Там же. № 29. 1755 апреля 11.

¹⁴² Доношение И. И. Шувалова Синоду от 10 апреля 1755 г. — РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 150. Л. 1.

¹⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 150. Л. 2—2 об.; *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 167.

¹⁴⁴ Там же. Л. 6 об. Высылаемым семинаристам выдавались подводы и дорожные деньги из доходов епархий, с условием возвращения их университетом.

¹⁴⁵ Доношение ректора академии архимандрита Иоасафа Московской синодальной конторе от 22 мая 1755 г. — РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 12—12 об.

¹⁴⁶ Доношение епископа Сарского и Подонского Иллариона Московской синодальной конторе от 23 мая 1755 г. — Там же. Л. 13—13 об. Гостунского экзаменовал лично Аргамаков.

¹⁴⁷ Доношение Новгородской духовной консистории Синоду от 25 мая 1755 г. — РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 150. Л. 23—23 об.

¹⁴⁸ Рапорт Псковской духовной консистории Московской синодальной конторе от 31 мая 1755 г. — РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 32—32 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 31—31 об. (доношение епископа Нижегородского и Алатырского Феофана Московской синодальной конторе от 9 июня 1755 г.); Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 204. Л. 5 об.

¹⁵⁰ Рапорт наместника Лавры иеромонаха Кирилла Синоду от 5 июля 1755 г. — РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 150. Л. 34; РГАДА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 204. Л. 6; *Смирнов С.* История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С. 501.

¹⁵¹ Доношения Белгородской духовной консистории Московской синодальной конторе от 19 июля и 24 октября 1755 г. — РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 37, 59.

¹⁵² Доношения Смоленской духовной консистории Московской синодальной конторе от 7 июня и 28 июля 1755 г. — Там же. Л. 28, 40—40 об.

¹⁵³ Рапорт епископа Вологодского и Белозерского Серапиона Синоду от 14 июня 1755 г. — РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 150. Л. 30—30 об.

¹⁵⁴ Документы № 26, 27, 29.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 150. Л. 6 об.

¹⁵⁶ См.: доношение иеромонаха Симона Синоду от 3 августа 1755 г. (Там же. Л. 35—35 об.); ведение Синода Московской синодальной конторе от 1 сентября 1755 г. (Там же. Л. 37).

¹⁵⁷ Определение Московской синодальной конторы от 22 сентября 1755 г. — РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 49—50.

Ефрем Георгиевич, иеромонах, преподаватель катехизиса в дворянской и разночинской гимназиях Московского университета, серб по национальности, родом из Славонии. В феврале 1751 г. выехал в Россию, в Псковскую епархию, а оттуда прибыл в Московскую синодальную контору. Определен в семинарию Свято-Троицкой Сергиевой Лавры учителем славяно-латинского языка. С 4 июня 1753 г. по 27 августа 1755 г. находился в доме преосвященного Феофана, епископа Нижегородского и Алатырского, и служил экзаменатором. 16 октября 1755 г. приведен к присяге в новой должности. Уволен из университета по слабости здоровья определением Синода 17 июня 1758 г.

¹⁵⁸ НБ МГУ. Рук. 205. Шифр. 5Те343 (копия); РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 21 (не полностью); *Страхов П. И.* Краткая история академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете: Репринтное издание. М., 2000. С. 6—7 (без указания суммы жалованья); *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. С. 164, 189, 256 (в тексте пропущено: «По российской школе 1-й и 1—2 классов учителя могут быть из Студентов», а также сумма жалованья учителя Лабомы); *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 289—290 (в итоговой сумме допущена опечатка, написано «9048» вместо «4890», пропущена последняя фраза: «На подлинном подписано тако: Куратор Иван Шувалов»).

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Д. 4950. Л. 1, 4, 5, 6—6 об., 9.

¹⁶⁰ Печатание программы Аргамаков организовал в Московской синодальной типографии. См. его доношение конторе Синода от 19 апреля 1755 г. (документ № 23). 20 апреля все 300 экземпляров программы были готовы и переданы под расписку магистру А. А. Барсову. — РГАДА. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 2823. Л. 2—3.

¹⁶¹ *Le Caméléon Littéraire.* SPb., 1755. Т. 2. № 19. 11 Mai. P. 459—475 (ОРК БРАН. СПб. № 12342.0/981. Т. 1—2).

¹⁶² См.: Санктпетербургские ведомости. 1755. № 39. 16 мая; Le Caméléon Littéraire. P. 436—439. Из последнего приведем отрывок письма к издателю «Хамелеона», показывающий, какой груз ответственности должен был лечь на директора университета, дабы торжества произвели желаемое впечатление на русскую и иноземную публику. Имя автора данного известия не раскрывается, но, на наш взгляд, им был магистр философии и свободных наук Литке. Достаточно сравнить следующий текст с его речью, опубликованной в том же номере. Если это так, то письмо вполне ложится в русло пропагандистского освещения просветительной политики императрицы Елизаветы, а заодно является своеобразной рекламой заслуг самого директора.

«...Милостивый государь!

Будучи литератором, вы, несомненно, заинтересованы в развитии наук. Именно по этой самой причине я пользуюсь первой же представившейся мне возможностью рассказать вам вкратце обо всем, что происходило при открытии гимназии. Я могу вас заверить, что очень трудно уразуметь, как за практически одну неделю наш господин директор сумел подготовить этот праздник, тем более если учесть, что наступило время говения, когда очень сложно управиться с работниками. Весьма удивительно, что были выполнены работы, которые, как представляется, потребовали бы несколько месяцев, чтобы принять тот вид, какой предстал перед нашим взором.

Собрание было необычайно многолюдным, и я без преувеличения могу сказать, что там присутствовали три-четыре тысячи человек. После молебна в церкви Казанской Божией Матери, куда все отправились вместе с учащимися, чтобы испросить милости Всемогущего, все вернулись, соблюдая порядок, в большой зал Университета, где были произнесены четыре приветственных речи, а именно: речь господина Барсова на русском языке, речь господина Поповского на латыни, речь господина Литке на немецком языке и речь господина Лабомы на французском языке. После того как речи были произнесены, подали разного рода напитки и закуски. Ничего не пожалели для угощения приглашенных, и каждый присутствующий мог выразить удовлетворение от того, как господин директор принимает гостей на этом празднике. Вечером около шести часов те, кто не остались на ужин, вернулись в здание Университета. Вновь подали напитки и закуски, причем они были такие же обильные, как и утром. Стояло несколько прекрасно сервированных столов; целый день, не замолкая ни на минуту, играла музыка. Все разошлись лишь после того, как полюбовались очень красивой иллюминацией, увенчавшей праздник. Эта иллюминация была основана на аллегориях и была посвящена основанию этого нового заведения, наделенного присущими ему обязанностями. Там можно было увидеть все науки и искусства на своего рода Парнасе. Они спешили собраться вместе у подножья Триумфальной пирамиды, увенчанной славным вензелем Ее Императорского Величества нашей Августейшей Государыни, что подчеркивало особую протекцию, которую Она оказывала искусствам и наукам, но главным образом ту протекцию, которую она любезно соизволила оказать при учреждении Университета. Ниже находился студент, который пытался подняться на вершину горы, чтобы посвятить Минерве плоды своего труда, что олицетворяло благородное состязательство, которое должно вдохновлять в учебе и, кроме того, показывать, что обра-

зование ума было бы слабым преимуществом, если бы тем же самым умом не руководила мудрость. Внизу пирамиды виднелся вензель достойного гражданина, чьим заботам и усердию Отечество обязано драгоценным преимуществом, последствиями которого оно будет пользоваться. Заведение, основанное в столь счастливый час, не может не иметь блистательного будущего, особенно тогда, когда тот, кто стоит во главе его, только и радует о славе монарха и о благополучии подданных...» (перевод с французского языка О. Е. Ивановой).

¹⁶³ Документ № 24.

¹⁶⁴ Воинов Лев Стефанович, серб по происхождению, дважды проходил по делам Тайной канцелярии: в 1743 г., в качестве доносителя на поляка Андрея Добровецкого в непристойных словах, и в 1746 г., когда сам был осужден и послан в Казанский гарнизон за неосторожно высказанное недовольство положением камер-пажа. См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 873, 1163. Правомерна постановка вопроса: требуя прикомандировать Воинова к университету, Аргамаков исходил из опыта личного знакомства с ним или доверился чьей-либо рекомендации?

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 7971. Л. 69 об.—70.

¹⁶⁶ Там же. Л. 73—74 об.

¹⁶⁷ Ср.: п. 39 «Проекта». — ПСЗ. Т. 14. № 10346. С. 293.

¹⁶⁸ Документ № 28.

¹⁶⁹ Документ № 25.

¹⁷⁰ Документ № 37.

¹⁷¹ Документ № 48.

¹⁷² Документ № 49.

¹⁷³ Документ № 47.

¹⁷⁴ Документ № 30.

¹⁷⁵ Костышин Д. Н., Рычаловский Е. Е. Лейпцигские ученые в Московском университете и их письма академику Г. Ф. Миллеру в 1757—1762 гг. // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. 1999. М., 2000. С. 40.

¹⁷⁶ Документ № 45. Татаринов Андреян Иванович, родился ок. 1732 г. в Москве. С 1745 г. обучался при Московском генеральном госпитале медицины-хирургической науке на своем содержании. В 1748 г. произведен в подлекари при том же госпитале. 21 сентября 1752 г. после публичного экзамена удостоен звания лекаря. 27 марта 1753 г. признан лекарем Московского генерального госпиталя с правом «в Москве и в протчих Российской империи местах практику хирургическую управлять». В 1755 г. «при начатии Университета» он подает доношение первому лейб-медику П. З. Кондоиди об определении его в Московский университет лекарем, на что и получает разрешение. 29 апреля 1763 г. произведен Медицинской канцелярией в штаб-лекари. В 1769 г. получил в Геттингенском университете диплом доктора медицины, опубликовав там свою диссертацию. 7 декабря 1775 г. признан Медицинской коллегией доктором медицины. С 1776 г. помощник директора экономической канцелярии Медицинской коллегии, с 30 мая 1779 г. надворный советник и директор экономической канцелярии Медицинской коллегии. В 1771 г. лечил больных во время эпидемии чумы в Москве. См. о нем: РГАДА. Ф. 16. Д. 322. Ч. 3. Л. 246—

277 об.; Ф. 346. Оп. 1. Ч. 4. Кн. 284. Л. 756—762; Кн. 293. Л. 664—669 об.; *Змеев Л. Ф.* Русские врачи писатели. СПб., 1886. Вып. 2. С. 127; *Чистович Я.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. CCCV; Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т.: Суворова—Ткачев. С. 320—321; *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. М., 2000. С. 147—149, 151.

¹⁷⁷ Документ № 44.

¹⁷⁸ Ордер И. И. Шувалова А. М. Аргамакову от 1 июля 1756 г. — РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 70 об.; Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Ч. 1. С. 708.

¹⁷⁹ См.: доношения А. М. Аргамакова Московской синодальной конторе от 5 июня, 10 октября и 15 ноября 1755 г. — Документы № 32, 38, 41; определения Московской синодальной конторы от 7 июня и 17 ноября 1755 г. — РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 24—24 об., 57; рапорт Московской типографской конторы Московской синодальной конторе от 14 июня 1755 г. — Там же. Л. 27; указ Московской синодальной конторы Московскому университету от 16 октября 1755 г. — Там же. Д. 526. Л. 2.

¹⁸⁰ Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском Университете гимназии ректором Николаем Поповским // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755 г. Август. С. 167—176.

¹⁸¹ Документ № 31.

¹⁸² См.: определение Сенатской конторы от 2 июня 1755 г. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 96. Кн. 7640. Л. 512—514 об.; доношение кн. Д. В. Ухтомского Сенатской конторе от 9 июня 1755 г. — Там же. Оп. 100. Кн. 7962. Л. 295—296.

¹⁸³ Документ № 40.

¹⁸⁴ См. описание участника торжества. — *Le Caméléon Littéraire*. SPb., 1755. Т. 4. № 39. 5 Octobre. P. 906—910 (ОРК БРАН. СПб. № 12342.0/981. Т. 1—2). Автором мог быть все тот же И. Ф. Литке, упомянутый, правда, здесь в третьем лице.

«...Милостивый государь и друг!

Если бы вы вчера были в Москве и явились бы свидетелем того, как Университет отмечал день тезоименитства Ее Императорского Величества нашей августейшей государыни, то вы бы, как и все, восхитились тем порядком, который поддерживала многолюдная толпа, и тем хорошим вкусом, с каким был украшен зал, где состоялись торжества. Этот праздник был отмечен ко всеобщему удовлетворению. Знатные жители города, которые были на него приглашены, прибыли в здание Университета между девятью и десятью часами утра. Поскольку большой зал оказался почти заполненным, то для всех школяров не нашлось места и пришлось выбирать самых прилежных, чтобы допустить их туда. Остальные остались в соседних комнатах. В десять часов звуки фанфар и литавр возвестили об открытии церемонии, после чего господин директор произнес прекрасную речь на русском языке. Затем выступили господин Яремский на латыни, господин Литке на немецком языке, господин Лабом на французском языке, а в заключении господин ассессор Вережкин произнес речь на русском языке. В течение всего заседания все присутствующие свидетельствовали свое

удовлетворение, которое выражалось во внимании и в тишине, царивших в зале на протяжении всей церемонии. Господин директор предпринял меры, чтобы избежать столпотворения и тем самым шума, который обычно сопутствует ему.

После того как речи были произнесены, все члены Университета и школяры под предводительством господина директора и господина ассессора отправились в церковь Казанской Божией Матери. Там, после того как каждый обратился к небесам с просьбой хранить Ее Императорское Величество и ее славное царствование, все исполнили гимн «Тебя Бога хвалим», а затем вернулись в Университет в том же самом порядке, что и вначале. Потом все разошлись, а члены Университета были приглашены на ужин господином директором, который предоставил им право в свою очередь пригласить тех из своих классов, кем они были более всего довольны.

Вечером около шести часов все вновь собрались, а некоторые из знатных жителей снова пришли в Университет, чтобы послушать концерт в исполнении лучших ведущих музыкантов, которых только возможно найти здесь. Концерт продолжался примерно до десяти часов, и все это время была пусть небольшая, но превосходная иллюминация.

Вершина изображала славу, которая в одной руке держала ружейную гильзу с вензелем Ее Императорского Величества, откуда исходили лучи, простирающиеся прямо в сторону фигуры, которая изображала Университет. В другой руке слава держала боевую трубу, чтобы возвещать о славных деяниях, совершенных в царствование Ее Величества. Внизу находился алтарь, на котором Университет, изображенный в виде женщины, приносил благодарственное жертвоприношение государыне и указывал пальцем на надпись, сделанную ниже на русском языке, но аналогичную латинским словам *Tuum Tibi* («Твое тебе». — Д. К.). Рядом располагались принадлежности наук и вензель Его Превосходительства милостивейшего государя куратора.

По этому случаю господин директор предоставил недвусмысленное доказательство своего усердия во имя Отечества и особенно своего внимания ко всему тому, что может способствовать славе Университета. Имею честь быть и прочая» (перевод О. Е. Ивановой).

¹⁸⁵ Документ № 36.

¹⁸⁶ НИОР РГБ. Ф. 41. Картон № 165. Ед. хр. № 8. Л. 15 об.—17.

¹⁸⁷ Костышин Д. Н. Неопубликованные документы по истории создания типографии Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1997. № 6. С. 93—94, 102—103.

¹⁸⁸ Документ № 46. В это время Аргамаков находился в Петербурге.

¹⁸⁹ Московские ведомости. 1756. № 1. 26 апреля. Прибавление. См. объявление об учреждении университетской книжной лавки и издании «Московских ведомостей». — Московские ведомости. 1756. № 2. 30 апреля.

¹⁹⁰ Документ № 50. Синодальная контора возложила данную обязанность на ключарей большого Успенского, Благовещенского и Архангельского соборов. — РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 11. 1755 г. Д. 238. Л. 2—2 об. В дальнейшем такие известия присылались постоянно.

¹⁹¹ См. примечание 167. Судя по числу награжденных, можно высказать предположение, что золотыми медалями были награждены все 8 студентов и

лучшие 8 учеников дворянской гимназии, а другие 28 учеников дворянской и 6 учеников разночинской гимназии — серебряными.

¹⁹² Вот полный список награжденных медалями: студенты Матвей Елисеев, Аввакум Рудаков, Данила Палимосовской, Семен Герасимов, Петр Дмитриев, Данила Яковлев, Дмитрий Аничков, Иван Федоров; благородные ученики Петр Безобразов, Дмитрий Камынин, Дмитрий Бабарыкин, Гаврила Жеребцов, Борис Салтыков, Иван Ченцов, Александр Карин, Иван Жеребцов, князь Василий Хованский, Петр Жеребцов, Александр Павлов, Андрей Рахманов, Яков Булгаков, Георгий Агарев, Алексей Маслов, Петр Толбузин, князь Леон Грузинский, Василий Каховский, князь Иван Тюфякин, Петр Киселев, князь Яков Долгорукий, князь Михаил Львов, Григорий Потемкин, Климент Украинцов, Александр Левашов, Иван Спиридов, Федор Колычов, Василий Елагин, Александр Шереметев, Денис Фонвизин, граф Михаил Головин, Алексей Горчаков, Андрей Леванидов, Петр Аргамаков, князь Иван Прозоровский, Степан Дамажиров; ученики из разночинцев Сергей Мыльников, Матвей Барсов, Евграф Аронов, Илья Федоров, Иван Федоров, Андриан Ильин. — Московские ведомости. 1756. № 1. 26 апреля. Прибавление.

¹⁹³ Санктпетербургские ведомости. 1755. № 34. 28 апреля; № 37. 9 мая; Пенчко Н. А. Библиотека Московского университета. С. 25.

¹⁹⁴ Сборник материалов. С. 708.

¹⁹⁵ Московские ведомости. 1756. № 21. 5 июля; № 22. 9 июля; № 23. 12 июля. Публику в библиотеку пускали каждую среду и субботу с 2 до 5 часов пополудни.

¹⁹⁶ Там же. № 14. 11 июня; № 46. 1 октября; РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. 1767 г. Д. 14. Л. 13; Сборник материалов. С. 683.

¹⁹⁷ ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 467. Л. 195—195 об.

¹⁹⁸ Документы и материалы. С. 27.

¹⁹⁹ Документ № 54.

²⁰⁰ Документы и материалы. С. 33.

²⁰¹ Письмо Ф. Г. Дильтея Г. Ф. Миллеру от 19 октября 1756 г. — РГАДА. Ф. 199. П. 546. Ч. 2. Д. 15. Л. 4—5. Перевод О. И. Ивановой.

²⁰² Письмо Г. Ф. Миллера А. Ф. Бюшингу от 14 декабря 1756 г. — *Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Rußland und Deutschland im 18. Jahrhundert. Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller 1751 bis 1783 / Hrsg. Hoffmann P., Osipov V. I. S. 83.*

²⁰³ Документы № 33, 39.

²⁰⁴ В письме от 30 сентября 1756 г. (документ № 53) Аргамаков благодарит Миллера за участие в понесенной им потере. Вероятно, здесь имеется в виду кончина матери Аргамакова, графини Настасьи Ермиловны Матвеевой.

²⁰⁵ См. отдельное издание, опубликованное 14 декабря 1756 г.: Императорской Московской Университет к рассуждениям в Благородной Гимназии быть имеющим и к слушанию речи Господина Шадена Гимназии Ректора в Университетской Авдитории сего 16 декабря всех любителей Наук почтенно просит. Программа обещала, что П. Аргамаков, завершая рассуждения учеников латинского класса, «содержать будет желания наши и благодарение».

²⁰⁶ Московские ведомости. 1756. № 69. 20 декабря. Прибавление.

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Д. 6019. Л. 4.

²⁰⁸ См. примечание 60.

²⁰⁹ Похоронен был Аргамаков на Старом Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры, но могила его до настоящего времени не сохранилась. В «Азбучном указателе имен русских деятелей для “Русского биографического словаря”» (М., 2003. Ч. 2. С. 550) указано, что А. М. Аргамаков скончался 22 января 1757 г. Но мы располагаем прошением сына, П. А. Аргамакова, от 7 октября 1757 г. (РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Д. 6019. Л. 1) и аттестатом, подписанным около 27 октября того же года от университета И. Е. Каменевым и от Мануфактур-коллегии И. Полонским (Там же. Л. 2), где ясно обозначена дата 25 января. Вероятно, составитель указателя буквально понял выражение «погребен 25 января» в отношении Аргамакова из «Петербургского Некрополя» (*Николай Михайлович, вел. кн. Петербургский Некрополь*. СПб., 1912. Т. 1: (А—Г). С. 89), которое заимствовано из труда А. Павлова «Описание Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, с хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах Лаврских» (СПб., 1842. С. 93). Зная именную указ от 28 января 1704 г. о погребении мертвых тел «в третий день» (ПСЗ. Т. 4. № 1964. С. 243.), составитель просто вычел из 25 три дня. Но у Павлова все даты окончания жизненного пути покоящихся в Лавре обозначены как даты погребения.

²¹⁰ См.: Московские ведомости. 1757. № 20. 11 марта; Документы и материалы. Т. 1. С. 39, 304-305; *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. С. 98. Содержание речи и ее местонахождение в настоящее время неизвестны.

²¹¹ Документ № 61.

²¹² Документ № 63; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 124. Л. 437—488 (ре-визская сказка по с. Успенскому на 1763 г.).

²¹³ Документ № 64.

²¹⁴ Документ № 65.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 199. П. 546. Ч. 2. Д. 15. Л. 4—5. Перевод О. Е. Ивановой.

²¹⁶ Там же. Ф. 1209. Оп. 738. Дела молодых лет. Дмитров. Кн. 15119. Л. 304—306.

²¹⁷ Документ № 66.

²¹⁸ Документы и материалы. С. 42.

²¹⁹ См. рапорт асессора П. В. Хованского куратору Шувалову от 3 апреля 1757 г. — Там же. С. 45. См. также рапорт нового директора И. И. Мелиссино Шувалову от 26 мая того же года. — Там же. С. 53.

²²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 40. Ч. 1. Кн. 2944. Л. 200 об.

²²¹ Доношение И. И. Шувалова Сенату от 11 августа 1761 г. — Там же. Л. 134—134 об.; См. также: *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. С. 98.

²²² Доношение И. И. Шувалова Сенату от 20 декабря 1762 г. — Там же. Л. 218 об.

²²³ Именной указ Сенату, объявленный дежурным генерал-адъютантом А. Б. Бутурлиным, от 25 февраля 1757 г. — РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 89. Л. 3—3 об.

²²⁴ Ведение Сената Сенатской конторе от 15 марта 1757 г. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 100. Кн. 7995. Л. 13.

²²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 100. Кн. 8010. Л. 246—247 об.

²²⁶ Там же. Кн. 7995. Л. 15—15 об., 17. Правда, по сообщению его племянника, Якова Каменева, доходы с деревень собирались; они шли на выплату долгов и содержание детей Аргамакова.

²²⁷ Там же. Л. 26 об.

²²⁸ Определение Сенатской канторы от 19 июля 1762 г. — Там же. Л. 30. Приступил к обязанностям только с 31 августа, а до того «смотрение» имел бывший служитель Аргамакова Степан Грязев.

²²⁹ Там же. Кн. 5565. Л. 6—6 об., 8. Назначен университетской канцелярией.

²³⁰ 2000 руб., взятые из университета, именным указом от 18 февраля 1763 г. взыскивать не велено. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 5565. Л. 84.

²³¹ Рапорт Московского университета Сенату от 22 марта 1772 г. — Там же. Л. 81—81 об. См. также справку Сената от 30 апреля 1772 г. (Там же. Л. 82—85 об.) и определение Сената в связи с выплатой всех долгов Аргамакова от 27 июля 1772 г. (Там же. Л. 86—87 об.). Дочерям Аргамакова с 1769 г. передали третью часть доходов с деревень на сумму 1639 руб. 41 коп.

²³² *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. С. 97; *Документы и материалы*. С. 192, 326, 348—349; *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 152—153.

²³³ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Л. 13; *Документы и материалы*. Т. 1. С. 349. Через 6 лет его производят в студенты, а в 1767 г. в числе лучших студентов он был определен в Комиссию для составления проекта Нового Уложения.

²³⁴ Доношение канцелярии Московского университета пятому департаменту Сената от 31 августа 1764 г. — РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 5565. Л. 14.

²³⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 5565. Л. 14—14 об. По росписи чинов университета 1760 г. Алексей Грязев получал 36 руб. в год, его брат Тимофей — очевидно, ту же сумму, второй Алексей Грязев — также 36 руб., Бутылин, Жильцов, Бабеньшев и Огурешников в качестве служителей получали по 24 руб., как сторожа Бутылин и Огурешников получали по 20 руб., а за должность лакея последнему увеличили жалованье до 24 руб. — РГАДА. Ф. 199. П. 150. Ч. 6. Д. 18. Л. 2 об.

²³⁶ *Документы и материалы*. С. 192.

²³⁷ ПСЗ. Т. 14. № 10346. С. 292.

²³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 5565. Л. 16.

²³⁹ Там же. Л. 15 об.—16.

²⁴⁰ Определение Сената от 31 августа 1764 г. — Там же. Л. 17—17 об. См. также рапорт канцелярии Московского университета Сенату о действительном исполнении указа от 9 ноября 1764 г. — Там же. Л. 20.

²⁴¹ Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 124. Л. 446 об., 455, 457 об., 461 об., 462. В сказке не значится Прокофий Бабеньшев.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ О СЛУЖБЕ В ПРЕОБРАЖЕНСКОМ ПОЛКУ

1.

1726 г. НОЯБРЯ 25. УКАЗ ПОДПОЛКОВНИКА
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА И. И. БУТУРЛИНА
КАПРАЛУ А. М. АРГАМАКОВУ ОБ ОТПУСКЕ ДОМОЙ

/л. 28/ Указ Лейб Гвардии Преображенскаго Нашева Полку Капралу
Алексею Аргамакову.

По прошению Твоему отпущен ты от С[анкт] Петер бурха в дом
твой для исправления нужд, а в полк велено явитца будущева 727 году
Февраля в 1 де[нь]; а н[ы]не писал ко мне из Суздаля от[е]ц твой, Тай-
ной Действительной Советник Граф Андрей Артемонович Матвеев и
просил меня, штоб тебе отсрочить на м[е]с[я]ц, и по тому ево проше-
нию отсрочено тебе. А в полк явился, где он будет, предбудущева 727 го-
ду Марта в 1 де[нь] канешно. А будет ты на тот срок в полк не явися, и
за то написан будешь в салдаты.

Иван Бутурлин

1726 Ноября 25 де[нь]
на Москве

*РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 112. Л. 28. Подлинник.
Внизу листа помета По сему Указу явился [к пока]заному сроку.*

2.

1727 г. ФЕВРАЛЯ 15. ПИСЬМО ГР. А. А. МАТВЕЕВА
КН. А. Д. МЕНШИКОВУ

/л. 82/ Светлейший Кн[я]зь Александр Данилович,
Г[о]с[у]д[а]рь мой М[и]л[о]стивый
и высокосклоннейший патрон.

По указу Ея Императорскаго Величества Всем[и]л[о]стивейшей
Г[о]с[у]д[а]р[ы]ни Нашей, а по м[и]л[о]стивому предстательству Вашей
Светлости из Преображенскаго полку лейб Гвардии сын мой и пасынок
из Санктпитебургга отпущены в Москву быть при мне с прошлаго Мар-
та м[е]с[я]ца 1726^{10]} году будущаго Марта по первое число сего 1727^{10]}

Приложение

году. На которой срок оне объявляя, будут себе высокую честь иметь сие покорное мое письмо Вашей Светлости всенижайше подать.

Я, ведая Вашей Светлости м[и]л[о]стивейшаго Г[о]с[у]д[а]ря моего и высокосклоннаго Патрона всегда к себе и ко всей моей малой фамилии великую и превосходную м[и]л[о]сть, того ради, якобы персонально упадчи к ногам Вашей Светлости, по отчелубной моей к ним повинности н[ы]не слезно Вашу Светлость с достодолжным моим респектом прошу, чтобы как я при сем удаленном отсудствии моем, так и оне, дети мои, там при сиром и беззаступном одиночестве своем в тех ваших, м[и]л[о]стивейшаго Г[о]с[у]д[а]ря моего, всегдашних /л. 82 об./ и неот[ъ]емлемых высоких м[и]л[о]стех, якобы от всемилосердаго им от[т]ца, содержаны без меня были и при случае впред[ь] перемены в рангах перед сверстники своими м[и]л[о]стивым Вашей Светлости к ним призрением обойдены и оставлены не были, ибо я во всем том всенижайшем моем прошении Вашей Светлости уже по всему свету на всехвалную ко всем нам, сирым и безпомощным, м[и]л[о]сть верное мое всегда имею надеяние и притом с глубочайшим моим респектом во вся дни жизни моей безотступно пребываю всегда

Вашей Светлости

Всенижайшим и вседолжнейшим
слугою верным.
Граф А. Матвеов

Из города Ярославля
Февраля в 15 де[н]ь 1727го году

*РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 752. Л. 82—82 об. Подлинник.
Со слова Всенижайшим до слова Матвеов — автограф.
На л. 82 вверху ниже фразы Светлейший... Данилович
пометы № 354. Подано Марта 1 дня 1727 году. Записат[ь].*

3.

1729 Г. МАЯ 13. ЗАПИСЬ ИМЕННОГО УКАЗА
ИМП. ПЕТРА II О ПОЖАЛОВАНИИ СЕРЖАНТА
А. М. АРГАМАКОВА В ПРАПОРЩИКИ

/л. 57/ 1729го году Маия в 13 д[е]нь Его Императорского Величества от обор Камер гера и ковалера и лейб Гвардии Преображенского полку капитана кн[я]зя Долгорукова присланной Лейб Гвардии Преображенского полку Ад[ъ]ютант Семен Ресин объявил, что Его Императорское Величество имянным своим Указом всем[и]л[о]стивейше изволил пожаловать Лейб Гвардии Преображенского полку сержанта Алексея Миха[й]лова с[ы]на Аргамакова во оной же полк в прапор-

щики. Того ради сей Его Императорского Величества Указ в полковой Канцелярии записат[ь] в кн[и]гу и о том в полку об[ъ]явить. Кн[я]зь В. Долгоруков

*РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 142. Л. 57. Подлинник.
Вверху листа пометы: слева № 1304, справа № 46.*

ДОКУМЕНТЫ ОБ УЧЕБЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ И ПОПЫТКАХ УСТРОЙСТВА НА СЛУЖБУ

4.

1731 г. ФЕВРАЛЯ 6. ПРОШЕНИЕ ПРАПОРЩИКА
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА А. М. АРГАМАКОВА
ИМП. АННЕ ИОАННОВНЕ О ПОЗВОЛЕНИИ ВЫЕХАТЬ ЗА ГРАНИЦУ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАУК

/л. 170/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]-
р[ы]ня Императрица Анна Иоанновна, Самодержица Всероссийская.

Крайнее желание имею учиться потребных наук, а наипаче охотно желаю иметь знание разных чужестранных народов обхождения, ведая, что таким образом угоднее быть могу в службе Вашего Императорского Величества. А понеже то удобнее и свободнее могу приобрести в окрестных Г[о]с[у]д[а]рствах,

Всеподданнейше прошу Вашего Императорского Величества, да повелит Державство Ваше позволить мне, рабу Вашему, от[ъ]ехать на несколько лет в чужие края, а сначала во Францию, и о выпуске моем из Вашего Величества Империи м[и]л[о]стивейший указать дать мне паспорт. Вашего Императорского Величества всенижайший поданнейши раб Алексей Аргамаков

6^{г[о]} Февраля 1731^{г[о]}

*РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1084. Л. 170. Подлинник.
Со слова Вашего до даты — автограф.
Вверху листа слева помета № 10.*

5.

1735 г. АВГУСТА 25. ПРОШЕНИЕ ПРАПОРЩИКА
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА А. М. АРГАМАКОВА
ИМП. АННЕ ИОАННОВНЕ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЕГО К СЛУЖБЕ

/л. 93/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]-
р[ы]ня Императрица Анна Иоанновна, Самодержица Всероссийская.

По всем[и]л[о]стивейшему позволению Вашего Императорского Величества отпущен был я в 730^м году в чужия края и был во Академи Женевской, где обучался по моей возможности, потом видел разные Дворы: Цесарской, Француской и Аглицкой, также быв в Германии, Англии, Итали, Франции и Голанди на своем собственном коште, и в н[ы]нешнем 1735^м году назад в Россию возвратился и теперь нахожус[ь] выключен из гвардии, где служил с 723^{г[о]} году в салдатах и Ундер Афицером, а Прапорщиком с 1729^{г[о]} году, и пон[ы]не никуда не определен. Имея ревность по рабской моей должности служить Вашему Императорскому Величеству,

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Императрица, прошу В[а]шего Императорского Величества, да повелит Державство В[а]ше меня определить, как Вашему Императорскому Величеству угодно будет, ибо во определенной должности до последнего издыхания служить поддуся со всякою ревностию и прилежанием^а.

Вашего Императорского Величества нижайший раб лейб гвардии Преображенского полку Прапорщик Алексей Михайлов с[ы]н Аргамаков. Августа ...^{г[о]} Дня 1735^{г[о]} году.

К сему прошению
Гвардии Прапорщик
Алексей Аргамаков руку приложил

РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1141. Л. 93. Подлинник.

Со слов К сему до слова приложил — автограф.

Внизу листа пометы: слева № 750.

Подана Августа 25 д[ня] 1735, справа 57, 85 (зачеркнуто), 57.

---

^а при- исправлено из пре-.

6.

1742 Г. НОЯБРЯ 29. ПРОШЕНИЕ ПРАПОРЩИКА
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА А. М. АРГАМАКОВА
КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЕГО В СЛУЖБУ

/л. 2/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня
Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская, Г[о]-
с[у]д[а]р[ы]ня всемилостивейшая

Бьет челом гвардии Прапорщик Алексей Аргамаков, а в чем мое
прошение тому следуют пункты:

1.

Еще во время Блаженных и вечно достойных памяти родителя ва-
шего Императорского Величества Его Величества Г[о]с[у]д[а]ря Импе-
ратора Петра Великого по имянному Его Императорского Величества
указу я, всенижайший, пожалован в службу в гвардию Преображенской
полк, в котором уже и прапорщиком в 729ом году действительно при
полку находился. К сему прошению

2.

В 730ом году по желанию моему уволен был в чужие края и, будучи
в Женевской академии, как языком, так и другим приличным наукам по
моей силе и возможности обучался. Потом во Франции, Англии и Гер-
мании чрез несколько времени на своем собственном /л. 2 об./ коште
был. По возвращении же из чужих краев за приключившеюся мне бо-
лезнию жил свободно. Г в а р д и и П р а п о р щ и к

3.

В прошлом же 741^м году бывшей Президент Барон Менгден послал
меня на Путивльскую фабрику бывшую Полуярославцова без всякого
сенацкаго коллежского указу и тамо без определения и жалованья оста-
вил. Чего ради я, нижа[й]ший, в Правителствующем Сенате о смене мой-
ей и определении меня в Иностранную Коллегию подал прошение.
А л е к с е й А р г а м а к о в

И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом
повелено было сие мое всенижа[й]шее прошение в Г[о]с[у]д[а]рствен-
ную Коллегию Иностранных дел принять и по природному Вашего Им-
ператорского Величества ко всем верным подданным матернему мило-
сердию во оной Коллегии определить меня к делам, х каким Вашего Им-
ператорского Величества высочайшее соизволение будет. р у к у

/л. 3/ Всемилоостивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня, прошу Вашего Импера-
торского Величества о сем моем прошении решение учинить. Ноября

29 дня 1742 году. К поданию надлежит в Г[о]с[у]д[а]рственно[й] Коллегии Иностранных дел. Прошение писал служитель[ь] ево Иван Федоров. Приложил

*АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. 1742 г. Д. 1663. Л. 2—3.
Подлинник. Слова, напечатанные
разреженным шрифтом, — автограф.*

ДОКУМЕНТЫ О СЛУЖБЕ А. М. АРГАМАКОВА
В МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ

7.

1748 Г. СЕНТЯБРЯ, [НЕ ПОЗДНЕЕ 1].
СКАЗКА КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА А. М. АРГАМАКОВА
В ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЕ

/л. 3/ 1748^[10] года Сентября ... дня по Указу Ея Императорскаго Величества Правительствующаго Сената в Герольдмейстерской Канторе Коллежской Советник Алексей Михайлов сын Аргамаков сказал: дед ево Михайла Федоров сын Аргамаков служил столником по древнему обыкновению по наряду в разных походах с своими сверьстниками. А отец ево Михайла был Обер Крикс Камисаром и присудствовал в Мундирной Экспедиции и в давних годех^а умре. А он, Алексей, в службу вступил лейб гвардии в Преображенской полк по указу Блаженныя и вечно достойныя памяти Г[о]с[у]д[а]ря Императора Петра Великого в 722^М году и был до 730^[10] года при полку. Где, уже будучи прапорщиком, в том 730^М году уволен по ево желанию в чужия край для обучения языков и наук и, возвратясь оттуду в 734^М году в Санктпетербург, был не у дел; а сего 1748 года по имянному Ея Императорскаго Величества Указу пожалован Коллежским Советником. Отроду ему тритцать семь лет, детей мужеска полу двоя: сын Петр шти лет /л. 3 об./ да Александр году; д[е]р[е]вни в Арзамаском уезде он имеет, в которых по переписи мужеска полу тысяча шесть сот душ; жителство здесь имеет, на Васильевском острове в седмой линии в своем доме. И в сей скаске сказал сущую правду по присяжно[й] должности, а ежели что ложно или утаил, и за то учинить с ним по Указом. К сей скаске Коллежской Советник Алексей Аргамаков руку приложил

*РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 340. Л. 3—3 об. Подлинник.
Дата принимается — не позднее 1 сентября 1748 г.,
т. е. даты ведения Сената Сенатской канторе.*

---

^а Вставлено в строку позднее.

8.

1749 г. июня 1. ДОНОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ О ПРИВЛЕЧЕНИИ
К ОТВЕТУ ПО ЗАКОНАМ СОДЕРЖАТЕЛЯ ПОЛОТНЯНОЙ ФАБРИКИ
И. А. ОВОШНИКОВА ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ЕГО И КОЛЛЕГИИ

/л. 1/ Государственной Манифактур Колегии оной же Колегии от
Советника Аргамакова

Доношение.

Минувшаго Маия 31го числа полотняную фабрику Ивана Овошника
кова когда я осматривать хотел, под[ъ]ехав кь его дому, сказано мне от
его людей, бутто бы хозяина не было дома и фабрика стоит без него за-
печатана. Токмо, ведая я ево состояние, не поверил и възъехал на двор
и, вошед в полаты, говорил ему, чтоб он мне фабрику показал, которая
состоит в моей Экспедиции. Он не токмо мне грубости чрез вычайныя
оказывать начал, но и всю Колегию весма дерзновенными словами по-
носил. Таковыя примеры и поступки всегда могут производить худыя
следствии, естли Г[о]с[у]д[а]рственная Манифактур Колегия не собла-
говолит вступитца образом пристойным и ревностным в мое, а паче в
собственное свое защищение по силе Законов и Указов Ея Император-
ского Величества. Алексей Аргамаков

Июня 1го дня

1749 году

РГАДА. Ф. 277. Оп. 4. Д. 454. Л. 1. Подлинник.

На листе пометы: вверху № 863. Подано Июня 2 дня 1749 году.

*Записав, доложить, слева на полях № 19 (зачеркнуто), ниже № 89
(зачеркнуто), между подписью и датой № 12814 (исправлено из 12813).*

Слушано Июня 2 дня 1749 году. Внизу посредине зачеркнуто № 21.

На левом поле части скреп Секре-, К отдаче в архив крепил Регис-

9.

1749 г. июня 14. ДОНОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ ОБ ОСМОТРЕ ИМ
ШЕЛКОВОЙ ФАБРИКИ СОДЕРЖАТЕЛЯ И. А. САДОВНИКОВА

/л.1/ Г[о]с[у]д[а]рственной Манифактур Колегии оной же Коллегии
Советника Аргамакова

Доношение.

Состоящая в Экспедиции моей шелковая Ивана Садовникова фаб-
рика, которая заведена в 726^м году, сего Июня 5го числа мною осмат-

ривана, а по осмотру явилась: шелку хотя по числу ево станов и есть, токмо чрез такое долгое время оная весма в небольшем размножении, и производитца работа: платки на пяти, ленты на дватцати двух, итого на дватцати семи станах, но и те стоят в великой тесноте, и товары делаются самого худого мастерства и, сверх того, болше для подлого народу. Алексей Аргамаков

Июня ...^{1[о]} дня
1749 году

РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 363. Л. 1. Подлинник. На листе пометы: вверху № 936. Подано Июня 14 дня 1749 году. Записав, справясь с прежними осмотрами, не было л[ь] о размножении подтверждено, и, выписав из указов, доложить, внизу Слушано Июня 14 числа 1749 году. На левом поле части скреп К отсылке, К от-

10.

1749 г. июня 16. ДОНОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ ОБ ОСМОТРЕ ИМ
ПОЛОТНЯНОЙ ФАБРИКИ СОДЕРЖАТЕЛЯ А. СЕМЕНОВА

/л. 1/ Г[о]с[у]д[а]рственной Мануфактур Коллегии оной Коллегии
Советника Аргамакова

Доношение.

Полотняная фабрика Андрея Семенова, которая состоит в Зарайском уезде в купленном ево селе Клишине, сего Июня 10^{1[о]} дня мною осматриваны, а по осмотру на оной явилось: в двенатцати светлицах работа полотен производца — каламиношные на дватцати четырех, ревендушные на четырнатцати, фламские на двух, парусные на тритцати пяти, итого на семидесят пяти станах. Да вновь приуготовлено к деланию полотен же станов, которые еще не в действии: каламиношных десять, парусных одиннатцат[ь], итого дватцать один. В светлице делают столярною работою фабричные инструменты, в светлице на трех сновальнях снуют разные основы и притом разматывают пряжу, под сараем в шести котлах железных варят суровую пряжу, подле оног двор с сараями и столбами для сушения пряжи, изба, в которой зимою сушат пряжу, анбар большой, в котором зделан роль для катания полотен, подле оног светлица, в которой кладутца лощеные полотна, в анбаре кладутца зделанные полотна, которых налицо сто шестьдесят восемь кусков, под тем анбаром погреб, где зола лежит, в четырех анбарах пряжи суровой и беленой разных сортов з две тысячи пуд, пенки трепаной сто девяносто три пуда, пакли толченой дватцать пуд, в анбаре чешут и треплют паклю на осми щетях, /л. 1 об./ в анбаре зделана толчея для

толчения пенки о семи пестах; при работах людей ис купленных ево крестьян шестьдесят, да по пашпортом и по контрактом пятьдесят ч[е]л[о]в[е]к, и по видимому она фабрика может быть умножена, естли ея содержатель об ней одной старается будет, а шелковую фабрику, которая н[ы]не совсем без действия, оставить и, продав материалы и станы, употребить д[е]нги на полотняную. Алексей Аргамаков

Июня ...¹⁰ дня

1749 году

РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 352. Л. 1. Подлинник. На листе пометы: сверху № 948. Подано Июня 16 1749 году. Записав, предложить к докладу. № 1093, на левом поле № 62. На л. 1 об. внизу помета Слушано Июня 16 числа 1749 года. На левом поле части скреп К отсылке крепил ар-, ниже К отдаче крепил-

11.

1750 г. июля 2. ЧЕЛОБИТНАЯ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ О СЫСКЕ
СОДЕРЖАТЕЛЯ ПОЛОТНЯНОЙ ФАБРИКИ И. А. ОВОШНИКОВА
И НАКАЗАНИИ ЕГО ЗА БЕСЧЕСТЬЕ

/л. 1/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская, Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Всем[и]л[о]стивейшая.

Бьет челом Мануфактур Колегии Советник Алексей Михайлов с[ы]н Аргамаков Московской полотняной фабрики на содержателя Ивана Овошникова, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

Прошлого 1749^м году Июня ... дня поданным в Правительствующий Сенат означенной Овошников челобитьем между прочим показал, яко бы я, нижайший, под видом осмотра имеющейся в Кожевниках ево полотняной фабрики приезжал в дом ево, Овошникова, в 7^м часу за полдни и ево без всякой притчины бранил и угроживал чинить ему всякие обиды и, неудовольствуяс[ь] тем, на другой день в дом ево без него паки приезжал со многим оной Колегии канвоем и бывшия вь его покоях, где он, Овошников, жителство имеет, а не в фабричных, сыскивая ево, разломал у кладовых полат и у шкафов и у протчаго замки и другия многия чинил обиды, и якобы притом показанным канвоем растаскано д[е]н[е]г ево, також алмазных вещей и протчаго немалое число, которое он, Овошников, показал ложно и тем меня обесчестил напрасно. А н[ы]не он, Овошников, обретаецца в Санкт Петербурхе. К сему прошению

/л. 1 об./ И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было означенного фабрикана Овошникова сыскать и в бесчестье моем учинить по Указом. Алексей Аргамаков

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем челобитье решение учинит[ь]. Июля ... дня 1750^{г[о]} году. К поданию надлежит Г[о]с[у]д[а]рственной Манифактур Коллегии в Кантору. Челобитную писал оной же Канторы щетчик Аврам Исаков. руку приложил

*РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 783. Л. 1—1 об. Подлинник.
Слова, напечатанные разреженным шрифтом, — автограф.
На л. 1 пометы: вверху № 440. Подана Июля 2^{г[о]} дня 1750 году.
Записав, предложит[ь], № 11972. № 18 (исправлено из 19),
ниже зачеркнуто пр[о]шение? № 2. На л. 1 об. внизу помета
Докладывано 2^{г[о]} Июля 1750^{г[о]} году. На левом поле л. 1
части скреп в дол-, к отдаче в архив крепил Регис-*

12.

1750 Г. ИЮЛЯ 5. ПРОШЕНИЕ СОДЕРЖАТЕЛЯ
ПОЛОТНЯНОЙ ФАБРИКИ И. А. ОВОШНИКОВА О НЕПРОИЗВОДСТВЕ
В МАНУФАКТУР-КОНТОРЕ СУДА ПО ЧЕЛОБИТЬЮ КОЛЛЕЖСКОГО
СОВЕТНИКА А. М. АРГАМАКОВА

/л. 3/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская, Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Всем[и]л[о]стивейшая.

Бьет челом Московской полотняной фабрики содержатель Иван Андреев с[ы]н Овошников, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

Г[о]с[у]д[а]рственной Манифактур Коллегии в Канторе имеется на меня поданное сего Июля 2 дня оной же Коллегии Г[о]с[п]о[д]и[н]а Советника Алексея Михайловича Аргамакова челобитье якобы без всякие притчины в бесчести ево приездом в дом ко мне и в бранении меня и о протчем поданным от меня в Правительствующем Сенате в прошлом 749^м году челобитьем, по которому во оной Канторе определено между нами произвести суд по форме, и принуждают меня к суду собрать поручную запись. Чего ради о собрании по мне поручной записи салдату и перечень дан. К сему

А понеже как означенному Советнику Аргамакову в том на меня бит челом, так и мне против того ево челобитья в ответе быть и поручной записи по мне збирать не подлежит, для того что о том деле имеется у меня

в Правительствующем Сенате дело, а сверх того от меня /л. 3 об./ и от матери моей, вдовы Феклы Ивановны Овошниковой, и у Генерал прокурорских дел прошения ж поданы, по которым рассмотрения и решения еще не учинено, а он, Г[о]с[по]д[и]н Аргамаков, о том в прошлом 749^м году на меня и в Правительствующем Сенате бил челом, и то ево челобитье в действие не произведено, а по определению от Генерал рекетмейстерских дел отдано ему, Г[о]с[по]д[и]ну Аргамакову, с написанием обратно и ему, Аргамакову, до решения того дела на меня бит челом не велено, чего ради ему и ожидать надлежало. А он, Аргамаков, того у Генерал рекетмейстерских дел определения и об отдаче ему с надписью того челобитья умолчал и во оной Канторе не об[ъ]явил, да хотя б в прозбе ему на меня, означенного, и запрещения не было, но и тогда в силу о форме суда Указу о собрании по мне поручной записи принуждать не следовало, ибо я капиталу у себя имею доволное число, о чем в Г[о]с[у]д[а]рственной Манифактур Коллегии небезизвестно и в Санкт Питербурской таможене явно. п р о ш е н и ю

И дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества Указом повелено было сие мое прошение Г[о]с[у]д[а]рственной Манифактур Коллегии в Канторе принять и за об[ъ]явленным у Генерал рекетмейстерских дел определением и за поданными у Генерал прокурорских дел челобитьями по тому ево, Аргамакова, челобитью суда не производить и по данному из оной Канторы салдату перечню поручной записи по мне не требовать же и тот перечень[ъ] у салдата отобрат[ъ]. А в силу того определения определит[ъ] /л. 4/ ожидать ему по поданным моим и материи моей у Генерал прокурорских дел прошениям решения дела и о тех прошениях у Генерал прокурорских дел с надписью челобитья обо всем справитца, а по имеющимся моим во оной Канторе делам той Канторы правящему секретарскую должность Коллегии Юнкеру Якову Чирикову произвождения не имет[ъ], ибо я имею от него в произвождении дел к себе к посяшке немалую опасность, потому что он жителство имеет общее в доме у показанного Г[о]с[по]д[и]на Советника Аргамакова.
Иван Авошников

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня, прошу Вашего Императорскаго Величества о сем моем прошении решение учинить. Июля ... дня 1750 году. К поданию надлежит Г[о]с[у]д[а]рственной Манифактур Коллегии в Кантору. Прошение писал Санкт Питербурской Губернской Канцелярии копейист Афонасей Пономарев. руку приложил

РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 783. Л. 3—4. Подлинник.

Слова, напечатанные разреженным шрифтом, — автограф.

На л. 3 вверху пометы 460 №. 1750 году Июля 5 дня. Записав, взять к делу и предложит[ъ]. По л. 3, 4 части скреп: на левом поле -сти- Секретаря, на правом Михай- ла-

13.

1750 г. НОЯБРЯ 14. ПРОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ С ПРОСЬБОЙ
О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЕМУ ОТПУСКА НА ОДИН ГОД

/л. 666/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]-
р[ы]ня Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская,
Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Всем[и]л[о]стивейшая.

Бьет челом Манифактур Колегии Советник Алексей Михайлов
с[ы]н Аргамаков, а о чем, тому следуют пункты.

1.

По имянному Вашего Императорского Величества Указу велено ис-
присудствующих в Колегиях членов по желанию отпускать в дома тре-
тью часть. К сему

2.

А я, низайший, с начала вступления своего в Манифактур Колегию
в отпуск не был, а в деревнях моих имею немалыя нужды и разныя де-
ла, а во оной Колегии н[ы]не в присудствии членов довольно число, а
имянно: Вице Президент и два Советника, Ассесоров три, да в Канторе
один, итого семь ч[е]л[о]в[е]к. про ш е н и ю

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом
повелено /л. 666 об./ было меня, низайшаго, для моих необходимых
нужд и оплаты долгов отпустить в деревни мои на год. А л е к с е й А р -
г а м а к о в

Всемилоствейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня, прошу Вашего Император-
ского Величества о сем моем прошении решение учинить. Ноября ...
дня 1750 году. К поданию надлежит в Правительствующий Сенат. Про-
шение писал оной же Колегии Канторы копист Семен Исаков. руку
п р и л о ж и л

*РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 367. Л. 666—666 об. Подлинник.
Слова, напечатанные разреженным шрифтом, — автограф.
На л. 666 пометы: вверху № 843. Ноября 14¹⁰ 1750¹⁰. Записав,
выписать. № 74^н, слева на полях Решено Ноября 14¹⁰ дня
1750¹⁰ году, на л. 666 об. внизу помета Докладывано
14 Ноября 1750. На левом поле л. 666 часть скрепы Секре-*

14.

1753 г. НОЯБРЯ 15. ПРОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЕ
ОБ УВОЛЬНЕНИИ ЕГО ОТ ПРИСУТСТВИЯ
В МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ ПО БОЛЕЗНИ

/л. 934/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]-
р[ы]ня Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская,
Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Всем[и]л[о]стивейшая.

Бьет челом Манифактур Коллегии Советник Алексей Михайлов
с[ы]н Аргамаков, а о чем, тому следуют пункты:

1.

В прошлом 1752^м году находился я, низжайший, для моих нужд в
доме в отпуску сего 1753го году по Генварь м[е]с[я]ц. А с того Генваря
нахожусь в присудствии в Манифактур Колегии. К с е м у

2.

А понеже я от давного времени имею многия болезни, которыя
н[ы]не так умножились, что и присудствовать во оной Колегии более не
в состоянии, о которых болезнях от ползующаго меня доктора прилагаю
при сем атестат. про ш е н и ю

И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества Указом
повелено было сие мое прошение Правителствующаго Сената в Ге-
рольдмейстерскую Кантору принять и об отпуске меня для излечения
болезней в дом мой на два года представить Правителствующему Сена-
ту. Алексей Аргамаков

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня, прошу Вашего Импера-
торского Величества о сем моем прошении решение учинит[ь]. 1753го
году Ноября ...^{го} дня. К поданию надлежит Правителствующаго Сената
в Геролдмейстерской Канторе. Прошение писал ево, Алексея Михайло-
вича, служител[ь] Иван Журавлев. руку приложил

*РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 405. Л. 934. Подлинник.
Слова, напечатанные разреженным шрифтом, — автограф.
На листе пометы: вверху слева № 1693, в центре № 77, на
левом поле вверху Решено Декабря 8 дня 1753 году, внизу
Записана Ноября 15 дня. На левом поле часть скрепы Се-. На
л. 934 об. пометы: вверху № 288, внизу Слушано 15го Ноября
и определено, учиня экстракт, доложить.*

15.

1753 г. НОЯБРЯ [15]. АТТЕСТАТ ДОКТОРА Я. Ф. МОНСЕЯ
О БОЛЕЗНЯХ А. М. АРГАМАКОВА

/л. 935/ Аттестат

Я, нижеподписавшейся доктор Моунзеу, дал сей аттестат Манифактур Коллеги Г[о]с[по]д[и]ну Советнику Аргамакову в том, что я ево от находящихся в нем болезней долгое время ползовал, а имянно: от обстерукцей, от гипохондри, цынготной, почечюной и каменной болезней, от которых ему часто тяжкие припатки случаются; и понеже оные болезни в нем застарелые, то от них и весьма опасные следстви произойти могут, ежели помянутой Г[о]с[по]д[и]н Советник покойнова лечения иметь не будет. Чего ради, по моему мнению, надлежит ему для ползования тех ево болезней необходимо дать доволное время. Москва Ноября дня ... 1753 году.

Ja[cob] Mounsey

*РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 405. Л. 935. Подлинник.
На левом поле продолжение скрепы кре-*

ДОКУМЕНТЫ О СЛУЖБЕ В КОМИССИИ
ПО МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ

16.

1754 г. ОКТЯБРЯ 24. ДОНОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА СЕНАТУ О ВСТУПЛЕНИИ В ПОРУЧЕННУЮ
ЕМУ КОМИССИЮ И ПОДАЧЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ

/л. 557/ В Правительствующий Сенат

По Мастерской и Оружейной Полате от Колежскаго Советника
Алексея Аргамакова

Нижайшее доношение.

В силу Ея Императорскаго Величества Указа в порученную мне Коммисию 21^[о] дня Октября вступил. А сего числа в оную Полату подал предложение, с котораго при сем прилагаю точную копию, и каждой м[е]с[я]ц что делатся будет и каким образом, ясно со всеми обстоятельствами уведомлять Правительствующи Сенат должен. Октября 24^[о] дня 1754^[о] году.

Алексей Аргамаков

*РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2846. Л. 557. Подлинник.
На листе пометы: вверху № 2142. 1754^[10] году
Октября 30^[10] дня. Записав, доложить, внизу
Докладывано Декабря 22^[10] дня 1754^[10] году.*

17.

1754 Г. ОКТЯБРЯ 24. ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ
О ВЫДЕЛЕНИИ ЕМУ ОТДЕЛЬНОГО МЕСТА И ПРИКАЗНЫХ ЛЮДЕЙ,
О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ КОПИЙ ЗАКОНОВ ПО ПАЛАТЕ, РЕЕСТРА
НАЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ И ИЗВЕСТИЙ О МАСТЕРОВЫХ ЛЮДЯХ

/л. 558/ В Мастерскую и Оружейную Палату
от Советника Алексея Аргамакова

Предложение.

1.

Во исполнение Ея Императорскаго Величества Указа для сочинения пунктов, что касается материи по Мастерской и Оружейной Палате, потребно сперва, дабы соблаговолила мне отвести особое приличное место и снабдить достойными приказными людми, а имянно: одним канцеляристом, двумя копиистами, одним сторожем и двумя салдатами для разсылки, когда востребует нужда; также истребоват[ь] от Штатс Канторы в силу Ея Императорскаго Величества Указа на бумагу, чернила, сургучь, свечи и дрова.

2.

Какия основании были прежде, Указы или инструкции, исполнение по оным какое воспоследовало, сообщит[ь] точныя копии, так же и об Архиве.

3.

Наличным вещам реэстр с разделением древних и новых вещей целых и попорченных или совсем уже негодных, естли найдется, сколко чего имянно со всеми обстоятелствами.

4.

Мастеровыя люди, которыя есть, какия оне и сколко, /л. 558 об./ где, у какова дела и на каком жалованье, и все вышеписанныя известии да соблаговолит сообщить в самой скорости за скрепою, и притом как Архиву, Указы и всякия писмы и вещи в присутствии членов меня осмотреть допустить, дабы на том основании мне утвердится возможно было, а ежели что ко известию неможно будет показать со всем ясным об-

Приложение

стоятельством, то по малой мере означить резоны, отчего те препятствии, понеже без таковых необходимо нужных известиев невозможно вступить в разсуждение, еще меньше того сочинить план и пункты к представлению на опробацию Правительствующему Сенату. Октября 24го дня 1754го году.

*РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2846. Л. 558—558 об. Копия.
Вверху листа справа помета Копия.*

18.

1754 г. ОКТЯБРЯ 27. ДОКЛАД КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА СЕНАТУ С ПРОСЬБОЙ ИЗДАТЬ УКАЗ
МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ О СОСТАВЛЕНИИ ОБЩЕЙ
ОПИСИ С РАСПОЛОЖЕНИЕМ ХРАНЯЩИХСЯ ТАМ ВЕЩЕЙ ПО СОРТАМ

/л. 554/ Правительствующему Сенату

По Мастерской и Оружейной Коммиссии от Советника Алексея Ар-
гамакова

Доклад.

1.

По вступлении моем уповал я найтти в Архиве основание со всеми обстоятельствами ко известию, которое б могло служить в сочинении пунктов, каким образом впредь наилучшее содержание и управление быть могло, что касается Мастерской Казенной и Оружейной Полаты, но она Архива по большой части не разобрана и реэстру не имеет, оказалос[ь], что всякими ненужными бумагами наполнена, да и те по большой части повреждены так, что и надежды не остается к получению гисторических древних уведомлений, откуда какая вещь и в какое время при каких обстоятельствах вошла.

2.

Все описи, сколько их видел, с великим порядком написаны, и ежели по них новую опис[ь] делать всем вещам, то долгое время надобно перебирать вещи все, пока одна найдется, да и по разным /л. 554 об./ Полатам, а именно: по Мастерской и Оружейной, Казенной и Конюшенной, и оттого-то по несколку лет отдача с рук на руки происходила, как еще и теперь многия вещи не приняты.

3.

Не угодно ль будет Правительствующему Сенату повелеть общую опис[ь] зделать по всем Палатам, что теперь есть налицо, генерално и расположить оныя вещи по сортам: сперва короны, скипетры, державы

и диодемы собрать в едино место, потом богатя алмазные и золотыя вещи с камнями, в каком бы деле они ^ани были^а вещи курioзные, что до мастерства касается, и старинных работ серебро из всех Палат к единому месту, плат[ь]е с протчими материями тленными, а потом оружейныя вещи, и положить все то в покоях, которыя теперь заняты, ноилутчим образом и в порядке, как возможно, что все сие в незамедлительном времени учинено быть может; и оную опис[ь], списав вдвое, одну оставить в казне, а другую, точную, взнести в Правительствующий Сенат, а что найдется совсем /л. 555/ поврежденных вещей, те в таком состоянии не трогать и после, зделав особливую опис[ь], доложить.

4.

Что касается до сочинения пунктов о учреждении и содержании Мастерской и Оружейной Палаты, оное по обстоятельствам известиев сочинять буду вперед[ь], а сей доклад того ради болше разсудил поднести Правительствующему Сенату, дабы многия препядствия наперед убавить, и чтоб стол[ь] полезныя намерении и попечении Правительствующаго Сената по представлению Сенатора и Ковалера Его Сиятельства Графа Петра Ивановича Шувалова могли наискоряе притти к желанному окончанию. Октября 27 дня 1754 году.

У подлинного подписано тако:

Алексей Аргамаков

РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2846. Л. 554—555. Копия.

На л. 554 вверху пометы: слева № 2440^н, справа Копия.

Внизу л. 555 помета В Сенате слушано 29 Ноября 1754 году.

Части скреп: по л. 554, 555 на левом поле и ниже основного текста Григорей- Васильев, по л. 554, 554 об., 555 внизу справа и с подлинным док- ладом- читал- Колегии Юнкер Егор Нароватов.

19.

1754 г. НОЯБРЯ 28. РАПОРТ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА СЕНАТУ О ХОДЕ ИСПОЛНЕНИЯ
ЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТОЙ

/л. 556/ По Комисии Мастерской и Оружейной Полате от Советника Аргамакова в Правительствующий Сенат всенижайшей репорт.

Минувшаго Октября мною репортовано о вступлении в Комисию и с предложения копия сообщена, какова подана присутствующим Чле-

---

^{а—а} В тексте ни ни были.

Приложение

нам, в том же м[е]с[я]це по конференции и опробации Членов 27 числа послан доклад.

Н[ы]не всенижайше репортуя, что я по сие время никаких извести-ев требуемых не получал, а между тем починиваются некоторые ен-тарныя развалившися вещи, кабинеты, зеркала, шкатулы.

Всех годов точно принадлежащая по Мастерской Полате Правител-ствующаго Сената указы выписываются же.

А о имянных Указах по здешнему месту известие требовано, также и о сумме вообще, на сколько всех вещей находится по оценке и сколько не оценено, толко медленность происходит по большой части оттого, что бумаги и дела помешены и в надлежащем порядке из давных лет положены и хранены не бывали; отчего затруднение бывают немалыя. Все то от соизволения Правительствующаго Сената зависит повелеть Указом мне делать прилежное споможение, а я крайнее старание по должности моей имею и сочинять буду пункты, скол[ь] скоро все потре[б]ные известии сообщены будут. Алексей Аргамаков

в должности Канцеляриста Андрей Оловеников

Ноября 28 дня

1754 году

РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2846. Л. 556. Подлинник.

*На листе вверху пометы № 2484. 4 Декабря 1754 году.
Записав, сообща с прежними, написать в реэстр к докладу.*

20.

[1755 г. ФЕВРАЛЯ 6]. РАПОРТ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
И ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА
СЕНАТУ О ПОЛУЧЕНИИ УКАЗА, С ЖАЛОБОЙ НА КАНЦЕЛЯРИЮ
МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ И С ИЗЛОЖЕНИЕМ
ГЕНЕРАЛЬНОГО МНЕНИЯ О ПОРЯДКЕ СОДЕРЖАНИЯ ВЕЩЕЙ В ПАЛАТЕ

/л. 559/ В Правительствующий Сенат от Колежского Советника и
Московского Университета Директора Аргамакова

репорт о получении Указа и о исполнении.

Ея Императорского Величества Указ ис Правительствующаго Сената
минувшаго Генваря от 24 числа под № 162^м о скорейшем по силе пре-
жде посланных Указов сочинении по материям пунктов я получил.

И на оной Ея Императорского Величества Указ Правительствующе-
му Сенату сим доношу, что я к сочинению по Мастерской и Оружейной
Полате пунктов принадлежащаго известия от канцелярии оной Полаты
многократно требовал, токмо не получил, о чем и Правительствующему
Сенату по поданным от меня репортам известно, а н[ы]не мне по неис-

правному в той Мастерской и Оружейной Полате дел содержанию того известия вскоре иметь никаким образом не надежно. Того ради, чтоб в том порученном мне деле далного замедления не происходило и опасаясь штрафа по н[ы]нешнему /л. 559 об./ той Мастерской и Оружейной Полаты состоянию, приемлю смелость Правительствующему Сенату поднести при сем всепокорнейшее мое Генеральное мнение, которое ниже сего следует.

1.

Освященные вещи, каковы есть короны, скипетры, державы Царския и Императорския регалии, необходимо должны быть положены в лутчем порядке, также куриозные вещи древних работ с многим числом посуды серебряной с пребогатым конским и оружейным прибором могут составить славную Галерию.

2.

Сего ради мнится мне не без нужды, чтоб сделать нарочное здание и расположить все вышеписанное с украшением в надлежащем порядке.

3.

Зделать новую опись по расположению в той построенной Галерии обстоятельно с ценою и из[ъ]яснением, что какая вещь в себе изображает по номером, и с лутчих вещей снять абрисы и оной Каталог /л. 560/ напечатать на Руском и на других иностранных языках, дабы столь богатыя и куриозныя вещи, которыя приносят славу Империи, не преданы были забвению.

4.

Мастеровых людей освидетельствовать и годных для починки и содержания тех вещей оставить с доволным жалованьем, а протчих отпустить на свое пропитание.

5.

Определить Афицера с командою для охранения вещей, которой бы о том едином крайное имел попечение.

6.

Один день назначить в недели, чтоб желающим показывать к их удовольствию в присудствии члена, которой, будучи по нужде еженедельно входить должен, может видеть, что в непорядке лежит, и немедленно исправить.

Алексей Аргамаков

*РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2846. Л. 559—560. Подлинник.
На л. 559 вверху слева помета № 396. На л. 560 внизу помета*

Приложение

Слушано 6^{10]} Февраля 1755^{10]} году. *Дата отсутствует, принимается по времени слушания. Опубликовано: Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1953. С. 96.*

ДОКУМЕНТЫ О СЛУЖБЕ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

21.

1755 Г. МАРТА 16. ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ
АКАДЕМИИ НАУК О СОСТАВЛЕНИИ КАТАЛОГА КНИГ БИБЛИОТЕКИ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

/л. 64 об./ XXVI.

Die XVI. Martii In conuentu academico extraordinario ad quem omnes
Academiae Socii invitati erant praesentibus

Mullero
Staehtino
Tauberto
Trediakowskio
Fischerio
Braunio

Jussu Illustrissimi atque Excellentissimi Academiae Praesidis admittebatur ad conuentum Vir Amplissimus Alexius Argamakow, Consiliarius Augustae et Vniuersitatis Moscuensis Director qui nomine Viri Excellentissimi Joannis a Schuualoff Imperatoriae Majestatis Camerarii et Vniuersitatis Moscuensis Curatoris, exposuit Societati, in commodum dictae Vniuersitatis condendam esse Bibliothecam, pro qua Augusta largita sit quatuor^a /л. 65/ mille Rublones. Nunc scitu opus esse, quinam libri inprimis isti vsui conducant. Quare se rogare societatem, vt consilia sua hanc in rem conferre, et quae censuerit, secum communicare velit. Deliberatione instituta consultum visum, laborem conficiendi catalogum, qui condendae nouae Bibliothecae instar baseos inseruire possit, inter omnes Academicos ita dispertiri, vt libros juridicos notet Strubius, medicos et ad historiam naturalem spectantes Boerhauus, philosophicos, physicos, mathematicos et in quibus historia harum disciplinarum traditur, Braunius, speciatim astronomicos et geographicos Popouius, architecturam ciuilem et militarem, sculpturam, picturam aliasque artes explicantes, nec non Rhetores et Poetas Stählinus, auctores antiquos graecos et latinos, itemque antiquarios Fischerus, Lexicographos et Gram-

---

^a Внизу справа кустод мил-.

maticos Trediakowskii, Historiae litterariae scriptores Taubertus, denique historicos tam ciuiles, quam ecclesiasticos, chronologicos, genealogicos, geographicos, itinerumque descriptiones Müllerus. Quod postquam domi a quolibet factum fuerit, proxima die Lunae iterum conuentus habebitur, in quo omnium labores in vnum catalogum conferantur, qui tradetur Amplissimo Argamakouio.

Ger. Frid. Müller
Taubert
Trediakoffski
J. E. Fischer
Braun

Перевод

XXVI.

Марта 16 дня. На экстраординарном академическом собрании, на которое все Академии члены приглашены были, в присутствии

Миллера,
Штелина,
Тауберта,
Тредиаковского,
Фишера,
Брауна.

По приказу его сиятельства, его превосходительства Академии президента допущен был на собрание его высокоблагородие Алексей Аргамаков, Ея Императорского Величества советник и Московского университета директор; оный от имени его превосходительства Ивана Шувалова, Ея Императорского Величества Камергера и куратор Московского университета, изъявил Собранию, что для пользы вышеупомянутого университета необходимо учредить библиотеку, на которую Императрица четыре тысячи рублей всемилостивейше выдать изволила. Ныне же надлежит знать, каковы книги в первую очередь для оных польз надобны. По сей-то причине он просит Собрание, дабы оно не отказало сие обсудить и о своем решении благоволили ему сообщить. По размышлении же принято решение, чтобы труд составления каталога, который новосозданной библиотеке служил бы как бы основой, распределить между всеми академиками следующим образом: книги юридические пусть назовет Штрубе, медицинские и по естественной истории — Бургаве, философические, физические, математические и такие, в коих история помянутых дисциплин излагается, — Браун, отдельно астрономические и географические — Попов, архитектуру же гражданскую и военную, ваяние, живопись и прочие искусства изъяс-

няющие, а также риторов и поэтов — Штелин, древних Греческих и Латинских, а также к древности относящихся авторов — Фишер, лексикографов и грамматиков — ТрEDIAKОВСКИЙ, сочинения по истории словесности — Тауберт, кроме того, сочинителей книг, как в гражданской, так и в церковной истории, хронологии, генеалогии, а также географических и о путешествиях — Миллер. После того как сие каждым будет исполнено дома, в ближайший понедельник состоится следующее собрание, на коем труды всех в единый каталог составлены будут, каковой будет передан его высокоблагородию Аргамакову.

Гер. Фрид. Миллер
Тауберт
ТрEDIAKОВСКИЙ
И. Э. Фишер
Браун

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 64 об.—65. Подлинник на латинском языке. Подписи — автографы. Перевод А. И. Любжина. Опубликовано: Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1899. Т. 2: 1744—1770. С. 324—325.

22.

1755 г. МАРТА 20. ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ
АКАДЕМИИ НАУК О ЗАВЕРШЕНИИ РАБОТЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ
КАТАЛОГА КНИГ ДЛЯ БИБЛИОТЕКИ И О ЗАКАЗЕ ПРИБОРОВ
И ИНСТРУМЕНТОВ ДЛЯ ФИЗИЧЕСКОГО КАБИНЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

/л. 65 об./ XXVII.

Die XX. Martii In conuentu academico extraordinario
praesentibus Mullero

Staehliino
Tauberto
Trediakowskio
Fischerio
Braunio
Popouio.

Secundum promissum in antecedenti conuentu factum omnes Academici exhibuerunt hodie, quos domi concinnauerant, catalogos librorum pro noua Bibliotheca Moscuensi comparandorum. Hos Secretarius in vnum volumen collegit, et describendos dedit. Quod cum erit factum Amplissimo Argamawio tradentur.

Gerardus

Idem Ampl. Argamakouius hodie quoque conuentui interfuit et proposuit Societati, comparandum praeterea esse pro vniuersitate Moscuensi apparatus machinarum ad phaenomena naturae experimentis illustranda atque explicanda cui fini mille Rublones ab Augusta destinati sint. Ideoque se rogare Academicos, vt decernant, quibus machinis ad hanc rem in primis opus sit, et unde conquirendae sint. Senserunt autem plerique hoc negotium committendum esse Muschenbrokio Professori Leidensi, nostraeque Academiae Membro honorario, quo nemo melius^a, /л. 66/ ratione habita pecuniae summae impendendae, apparatus maxime necessarium ex officinis Mechanicorum Belgarum, Anglorum, Gallorum, conquirere possit.

Fridericus Müller
Trediakoffski
J. E. Fischer
Braun
Никита Попов

Перевод

XXVII.

Марта 20 дня. На эстраординарном академическом собрании в присутствии Миллера,

Штелина,
Тауберга,
Тредиаковского,
Фишера,
Брауна.

Согласно обещанию, на предыдущем собрании данному, все Академики сегодня предъявили то, что было составлено дома, — каталоги книг, кои для новой московской библиотеки приобрести надлежит. Оные секретарь собрал в один том и отдал переписывать. Когда же сие учинено будет, то его высокоблагородию Аргамакову передадут. Герард

Оный же его высокоблагородие Аргамаков сего же дня также присутствовал на собрании и представил членам, что кроме одного необходимо нужно приобрести для университета Московского инструменты и приборы, для исследования и изъяснения опытами явлений природы, на каковой предмет Императрицею назначена тысяча рублей. Посему же он просил Академиков, чтобы они определили, какие приборы для сей цели наиболее надобны и откуда их сыскать надлежит. Большинство решило, что оную комиссию необходимо поручить Мушенбруку, про-

---

^a Внизу справа кустод га-.

фессору Лейденскому и нашей Академии почетному члену, ибо никто лутче его в рассмотрении отпущенной суммы не сможет заказать потребные инструменты и приборы в механических мастерских Нидерландов, Англии и Франции.

Фридрих Миллер
Трелиаковский
И. Э. Фишер
Браун
Никита Попов

ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 65 об.—66. Подлинник на латинском языке. Подписи — автографы. Перевод А. И. Любжина. Опубликовано: Протоколы заседаний конференции. С. 325.

23.

1755 г. АПРЕЛЯ 19. ДОНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА
МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ КОНТОРЕ О НАПЕЧАТАНИИ
ПРОГРАММЫ СОБРАНИЯ ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТИЯ ГИМНАЗИЙ ПРИ
УНИВЕРСИТЕТЕ 26 АПРЕЛЯ, С ПРИЛОЖЕНИЕМ ТЕКСТА ПРОГРАММЫ

/л. 1/ Святейшаго Правительствующаго Синода в Кантору
Покорнейшее Доношение.

Повелением Его Превосходительства Действительнаго Каммергера, разных орденов Кавалера и Московскаго Императорскаго Университета Куратора Ивана Ивановича Шувалова к начатию учрежденных по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволению при помянутом Университете Гимназий назначено 26 число настоящаго Апреля месяца и об оном начатии сочинена при Московском Императорском Университете программа на Российском и Латинском языках, для об[ъ]явления которую к тому времени надлежит напечатать. Чего ради Святейшаго Правительствующаго Синода Кантору всепокорнейше прошу, дабы соблаговолено было в Московскую Типографию о напечатании оной программы на обоих помянутых языках или, ежели паче чаяния Латинских Литер потребнаго числа не найдется, то на одном Российском /л. 1 об./ на присланной из Университета бумаге послать указ. Алексей Аргамаков

19 Апреля 1755
в Москве

/л. 2/ Копия

Божиим поспешением
к торжественному начинанию
учрежденных
по высочайшему
Ея Императорского Величества
Всемилоостивейшия наша Государыни
Елисавет Петровны
Самодержицы Всероссийския
Соизволению
При Московском Императорском Университете
двух Гимназий
и к слушанию речей,
которые при сем случае
по повелению Его Превосходительства
Действительнаго Каммергера,
разных орденов Кавалера
и Московскаго Императорскаго Университета Куратора
Ивана Ивановича Шувалова
в Университете
читаны быть имеют,
всех любителей наук
/л. 2 об./ именован Его Превосходительства
Господина Куратора
с надлежащим почтением просит
Московскаго Императорскаго Университета Директор
Алексей Аргамаков
Сего Апреля 26 числа в 11^м часу по утру

в Москве 1755^{г[о]} года.

*РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 246. Л. 1—2.
Л. 1 — подлинник. Подпись и дата — автограф. На л. 1 вверху
пометы № 339. Подано и докладывано Апреля 20^{г[о]} 1755^{г[о]}.
Записав, взять по повывью.*

1755 г. мая 1. ДОНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА
СЕНАТСКОЙ КОНТОРЕ О ПРИСЫЛКЕ ИЗ МОСКОВСКОГО ГАРНИЗОНА
ВОЕННЫХ ЧИНОВ ДЛЯ ПРИЕМА И ОХРАНЫ КАЗНЫ И УПРАВЛЕНИЯ
ПИСЬМЕННЫМИ ДЕЛАМИ

/л. 66/ Правительствующаго Сената в Кантору
Московского Императорскаго Университета
от Директора Алексея Аргамакова
доношение.

Высочайшее Ея Императорскаго Величества о учреждении Университета повеление Правительствующаго Сената Канторе не только известно, но и для содержания онаго повелительной о выдаче пятнадцати тысяч денег указ имеет, которую сумму, хотя теперь и весьма потребно, как принять, а паче содержать и в разные употреблять расходы определить мне некого; чего для Правительствующаго Сената Кантору прошу, до воспоследования Высочайшей конфермации устанавливаемого Университетнаго штату для принятия и охранения казны, управления и исполнения писменных дел дабы повелено было из Московскаго гарнизона по способности к тем должностям определить Майора Лва Воинова, Порутчиков Ивана Ларионова, Ивана Кохона, Ундер Афицеров Козму Прыткова, Козму Говоркова, Фадея Жолобова, Михайлу Полева, /л. 66 об./ которым велеть явится в непродолжительном времени у меня, ибо и так крайняя за непринятием казны состоит оstonовка. И хотя Правительствующаго Сената от Канторы для караулу Университету прислан Обер Афицер 1, Ундер Афицер 1, Капрал 1, редовых 8, точию тем караулом исправится никак не возможно, повелено б было в добавку ко оным прислать гранодер 20, мушкатер 22, Ундер Афицера 1^[10], Капралов 2^x, писаря 1, фелшера 1, барабанщика 1, о чем повелительной имею ожидать резолюции. Алексей Аргамаков

Маия 1^[10] дня
1755 году

*РГАДА. Ф. 248. Оп. 64. Кн. 7971. Л. 66—66 об. Подлинник.
Вверху л. 66 слева помета № 489. На л. 66 об. между подписью и датой
справа помета слушано Маия 1^[10] дня 1755^[10] году.*

[1755 г. МАЯ МЕЖДУ 3 и 22]. ИНСТРУКЦИЯ КУРАТОРА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И. И. ШУВАЛОВА
ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ ОБ УПРАВЛЕНИИ
ГИМНАЗИЯМИ ПРИ УНИВЕРСИТЕТЕ

/л. 22/ Высокоблагородному Господину Московскаго Университета Директору инструкция.

Я надеюсь, что нынешнее время вы с Божиею помощию в учрежденном милостию Ея Императорскаго Величества Всемилоостивейшей Государыни Университете начало Гимназиев основать изволили, расписав время разных классов, часы учителям, распределяя разные покои, лутчие для дворянства по приличеству их, и другие для разночинцов, оставив пристойную комнату для аудитории, несколько покоев для Директорской, для Библиотеки, внизу для кладовых, к сохранению казны и для протчаго, по изобретению вашему.

На первой случай имею честь послать к вам сию инструкцию, которую, сколько первая нужда в поведении и краткость времени сделать дозволили, наблюдать извольте до получения вам Регламента Гимназий, которой не прежде, как по основании /л. 22 об./ и по обстоятельствам происхождения учений зделан быть должен, ибо многие после обстоятельства окажутся в таком новом здесь учреждении, которых теперь увидеть и предостеречь нельзя.

1. Вам известно, что не могли за скоростию набрать довольное число в Гимназии обе учителей; того ради, докуда не будут все сысканы, извольте учредить, чтоб принятые учителя в обеих классах учение производили без оstonовки учащимся.

2. В Гимназии учеников извольте принимать: в первую дворянскую никого, кроме дворян, не записывать, в другую разночинцов, кроме положенных крепостных людей, разве когда какой господин захочет дать ему волю и отказаться от всякой над ним власти, как ясней о том в поданном мною в Правительствующий Сенат проэкте изображено.

3. Иностраннх принимать учиться на своем коште, /л. 23/ а в записных учениках на жалованье Ея Императорскаго Величества дозволяется быть во всякой Гимназии по пятой доли, и то тем, которых отцы вечными подданными Российскими быть обязались.

4. В дворянской школе содержать пятьдесят человек на жалованье Ея Императорскаго Величества, в разночинской школе содержать пятьдесят, смотреть из дворян, за кем меньше пятидесяти душ, также и в разночинцах смотреть, кои недостаточны, и то смотреть, чтоб были люди годные, и для того смотреть способность и склонность учеников и не прежде по приеме их в Гимназию трех месяцев жалованья не определять.

5. Всяк, кто желает детей своих или порученных себе под опеку отдать для обучения, должен оных представить в Университетской Директории при доношении, в котором объявить ученика, /л. 23 об./ его звание, лета и чему он прежде учился.

6. Для сего Инспектору Гимназий, или ныне кто за Инспектора определен будет, иметь должно четыре списка для представления в Директорию: 1. О дворянских детях на жалованье. 2. О таковых же без жалованья. 3. О разночинцах на жалованье. 4. О таковых же учащихся на своем коште, с показанием их имен, прозваний, в котором году, месяце и числе приняты в Гимназии.

7. Которые ученики будут учиться на своем коште, таких по объявлению их родителей или по собственной иных склонности приказать обучать тому, чему они при записывании себя в Гимназию объявят желательными.

8. Которые школьники будут обучаться на казенном коште, о таковых поведеньях прилежнейшее иметь попечение, в разсуждении их беднаго состояния; которые /л. 24/ по большей части домов, родителей в Москве не имеют или имевши содержать не в состоянии, таким отвести, сколько можно, тут оставших покоев, уважая и то, чтоб жалованья Ея Императорскаго Величества в большой успех производилось, ибо будучи поступки их почти всегда видимы и способность близости к учению наибольшей путь к желаемому предприятию открывают. Которые же и на своем коште обучаться будут, и о таковых наблюдать порядочнаго и добраго их поведения, чтобы они тем все соответствовать могли Высочайшему Ея Императорскаго Величества милосердию, что на Монаршем иждивении все способы имеют обучаться, к чему склонность и долг разумных людей требует, а иные и на содержание квартиры, книгами и жалованьем снабдены.

9. Определенные на жалованье школьники, не имеющие /л. 24 об./ отцов, матерей и ближних надежных опекунов, не должны получать себе жалованье в руки, чтоб оно не даром издержано было, а приказать вам им на оные деньги покупать, в чем им нужда требовать будет; в таком случае можно и по состоянию человека то распределять.

10. При обучении учеников надобно наблюдать, чтоб разными понятиями не отягощать и не приводить их память в замешательство, а всякова по склонности во всякой науке стараться прилежно обучать, разве кто особливое понятие и склонность ко многим разным учениям окажет.

11. Определенных на жалованье школьников крайне стараться, чтоб их прилежно обучать Латинскому языку, оставя протчие языки, чтоб можно было чрез непродолжительное время сделать их способными к слушанию Профессорских лекций и начинать с Божиею помощию Уни-

верситет, которой единственно /л. 25/ за неимением знающих Латинской язык ныне начаться не может.

12. Полное число учеников на жалование при первом случае не набирать, а оставить во всякой Гимназии ваканциев по пятнадцати для тех, которые впредь явиться достойные могут.

13. Тако ж и других на своем коште учеников приохочивать, только не неволя, к Латинскому языку как к необходимому основанию к происхождению в науки.

14. Из разночинской Гимназии прикажите отобрать из бедных, но способных людей, приказать их обучать Геометрии и Французскому или Немецкому языку, Гистории, Митологии, человек хотя семь, чтоб можно отдать из здесь учиться художествам и зделать начало, чтоб и в Москве с Божиею помощию со временем завести было можно.

15. При записке брать со всякова ученика по три рубли. Оную сумму употреблять /л. 25 об./ на мелкие Университетские расходы. У определенных на жалование на первой год ту сумму удерживать, естли же такие бедные будут, таких записывать и даром.

16. На каждый год быть двум произведениям из нижних классов в вышние, а из вышних в Студенты. Первому быть в Апреле, а другому в Сентябре, для чего делать прежде произведения в классах строгие Экзамены пред назначенным к тому временем. Экзамены должны быть в присутствии Директора, Инспектора, Ректора и при учителях.

17. Не переводить из одного класса в другой, ежели кто не выучил всего того, что в оном классе положено учиться.

18. Надлежит стараться, чтоб переводы с иностранных на Российской язык поправляемы были Российскими теперь учителями; в верхнем Латинском классе учредить на то /л. 26/ им в некоторые дни несколько времени, чтоб знающие довольно иностранные языки знали свой совершенно и о том старались.

19. Выбрать один способ или порядок, чтоб учитель во всяком классе учение производил и не переменял бы систему учения по своей воле, и для того взять в пример лутчих Гимназий в том учреждения.

20. Прилежно учащимся должны быть к их ободрению награждению: в классах повышением места, в репортах писать имена о прилежных, о их успехах, публичные опять могут быть в подарках их книгами, Математическими к нужде учения инструментами по обстоятельству, что которому надобно.

21. За непристойные поступки понижать местом, сажать за особливой стол и другими многими способами, к стыду учеников учителям известные, по примеру других /л. 26 об./ школ; которых же поступки очень худы будут, о таких докладывать учителям Директору, которых он прикажет сажать на несколько в тюрьму, не отпускать домой из клас-

сов, а иных за великие продерзости выписывать вон из списка Гимназии, описываясь ко мне; малолетних штрафовать умеренными иногда побоями, только б то учителя без воли Директора делать не смели. Сие разумеется о благородных, в разночинской же можно то иное переменить по рассмотрению Господина Директора; как одних, так и других достаточных можно штрафовать деньгами за всякой день, сколько в тюрьме быть осуждены, и те деньги употреблять бедным прилежным на бумагу и на прочее. Оное предается в вашу волю.

22. В дворянской и разночинской Гимназии смотреть, чтоб каждой пристойно одет был. Не дозволять ходить в классы в нагольных шубах, в серых кафтанах, в лаптях и тому подобных подлых одеяниях.

/л. 27/ 23. Смотреть, чтоб учителя должность свою порядочно исправляли, учили бы всех со всякою прилежностью, не делав никому для какого интересу преимущества. В предписанные часы быть неотменно в классах, которые им от вас назначены будут.

24. Приказать себе подавать через месяц или менее репорты о успехах и о состоянии учеников, которых мне содержание сообщить изволите.

25. Всякую почту о состоянии Гимназиев меня уведомлять изволите, а чрез недели две обстоятельнее о происхождении в них, також репорты присылать изволите.

26. Для приему и росходу денежнаго иметь две шнурованные книги за печатью Университета и за рукою вашею и находящегося при вас Офицера; роздачу деньгам по вашему приказанию письменному производить. /л. 27 об./

27. Выбрать внизу пристойную крепкую полату для кладовой деньгам. Приказать сделать крепкие железные двери и окошки, приставить у дверей часовова, всякой день Унтер-Офицеру осматривать замок и печать, что и при смене Капралу делать должно. Оное пишу, более отдая на вашу волю, только чтоб все предостережено было.

28. Стараться, чтоб семинаристов скорей получить, отобрав от их учителей происхождение их в науках, и стараться их прилежно учить, чтоб по необходимости ими Университет начать было можно.

29. Из Семинарии школьников, естли достойные присланы будут, определить на жалованье, чтоб тем лутче они и прилежнее были.

30. Естли изволите усмотреть из моей инструкции, что по обстоятельствам отменить должно или что прибавить по разсуждению вашему, о том прошу ко мне отписать.

На подлинной пишет тако:

Куратор Иван Шувалов

РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 22—27 об. Копия. На л. 22 на левом поле помета № 3 к Проекту на 3^й пункт. Скрепка

по листам 22, 23, 24, 25, 26, 27 Хе- рас- ков- Ди- рек- тор.
Дата отсутствует, принимается между 3 и 22 мая 1755 г.,
т. е. временем между определением Синода и прибытием
первых семинаристов. Опубликовано: Пенчко Н. А. Основание
Московского университета. М., 1953. С. 166—170; Белявский М. Т.
М. В. Ломоносов и основание Московского университета.
М., 1955. С. 290—293.

26.

1755 Г. МАЯ 11. ДОНОШЕНИЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
СИНОДУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЧТЕЦА МОСКОВСКОЙ ТИПОГРАФИИ
С. ВОРОШНИНА ИНФОРМАТОРОМ В УНИВЕРСИТЕТ

/л. 20/ С[вя]тейшему Правительствующему Синоду из Московскаго
Императорскаго Университета

Доношение.

По имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему соиз-
волению учинен в Москве Императорской Университет, в котором
н[ы]не учеников находится немалое число, для коих информации Ла-
тинскаго Диалекта надлежит быть Информаторам, в которых н[ы]не
имеется первоначальная нужда.

А понеже для такового Информаторскаго звания Московским Уни-
верситетом за способнаго усмотрен прежде обучавшейся в Московской
Славенореколатинской Академии и окончивший Б[о]гословское учение
Студент, Московской Типографии Чтец Сергей Ворошнин, которой к бы-
тию /л. 20 об./ в том Информаторском звании желание свое об[ъ]являет,

Того ради С[вя]тейшаго Правительствующаго Синода Московской^а
Императорской Университет, сим представляя, просит, чтоб об[ъ]явлен-
наго Чтеца, определеннаго в правленную палату Московской Типо-
графии до указу и впредь до усмотрения по науке надлежащаго места,
С[вя]тейшаго Правительствующаго Синода указом, от типографских дел
уволив, прислать в Московской Императорской Университет для выше-
об[ъ]явленнаго Информаторскаго звания. Алексей Аргамаков

Маия 11 дня
1755 году

РГИА. Ф. 796. Оп. 36. Д. 150. Л. 20—20 об. Подлинник.
На л. 20 пометы: вверху № 815^н. Получено Маия 17го 1755го.

---

^а В тексте Московского.

Приложение

Записав в книгу, предложить к докладу, *внизу* Слушано
Маия 29¹⁰ числа 1755¹⁰ года.

27.

1755 Г. МАЯ 12. ДОНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ
КОНТОРЕ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СЛУШАТЕЛЯ ШКОЛЫ БОГОСЛОВИЯ
МОСКОВСКОЙ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ
Я. ИВАНОВА ИНФОРМАТОРОМ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В УНИВЕРСИТЕТ

/л. 6/ С[вя]тейшаго Правителствующаго Синода в Кантору из Мос-
ковского Императорского Университета

Доношение.

По имянному Ея Императорскаго Величества Самодержицы Все-
российския и по высочайшему Ея ж Императорскаго Величества соиз-
волению учинен в Москве Императорской Университет, в котором
н[ы]не уже находитца учеников немалое число, для которых информа-
ции Латинского диалекта надлежит быть Информаторам, в которых
н[ы]не обстоит первоначальная нужда.

А понеже в Московской Славеногреколатинской Академии имеется
слушатель школы Б[о]гословии Яков Иванов, в котором, по усмотре-
нию нашему, на оное информаторское звание нам имеется потребность,
притом же вышеписанный школы Б[о]гословии слушатель и сам быть
желает,

Того ради С[вя]тейшаго Правителствующаго Синода Кантору Мос-
ковской Императорской Университет почтеннейше просит, чтоб объяв-
ленного школы Б[о]гословии слушателя Якова Иванова собл[а]говолено
было от оной Московской Славеногреколатинской Академии уволить и
прислать для информации Латинского диалекта учеников в Московской
Императорской Университет при указе.

о сем доносит
Директор Алексей Аргамаков
1755¹⁰ года Маия ... дня

*РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 6. Подлинник.
На листе пометы: вверху № 372. Подано и слушано Маия
12¹⁰ 1755¹⁰. Записав, взять по повытью, внизу
Слушано Маия 12¹⁰ дня 1755 года.*

28.

1755 г. мая 15. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ О ТРЕБОВАНИИ
ОТ ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЫ СВЕДЕНИЙ О СТУДЕНТАХ
И УЧЕНИКАХ-ДВОРЯНАХ, О ПОЗВОЛЕНИИ УЧИТЬСЯ ДВОРЯНАМ,
ЗАПИСАННЫМ В СЛУЖБУ И НАХОДЯЩИМСЯ В ОТПУСКЕ
И УЧАЩИМСЯ В ГАРНИЗОННЫХ ШКОЛАХ

/л. 69/ Мая 15 дня. От Геролдмейстерской Конторы требовать: кто прямо в дворянском состоит списке, а паче чтоб узнать, все ли правильно при записывании себя тем званием пользуются. Сие разумеется о таких, которые из их прозваний не известны; також и то надобно знать, кто из них и когда где явлен.

Те, которые записаны в службу, а, будучи в отпуску, желают то время учиться, таким дозволять, токмо не числить их в записных на жалованье.

Дворян, которые учатся в гварнизонных школах, и таких по желаниям принимать.

РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 69. Сокращенная копия.

Опубликовано: Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Т. 1. С. 707.

29.

1755 г. мая 19. ДОНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ
КОНТОРЕ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СЛУШАТЕЛЯ БОГОСЛОВИЯ
МОСКОВСКОЙ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ
Г. ГЕРАСИМОВА ИНФОРМАТОРОМ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА
В УНИВЕРСИТЕТ

/л. 11/ Св[я]тейшаго Правительствующаго Синода в Кантору из Московскаго Императорскаго Университета

Доношение.

По имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему соизволению учинен в Москве Императорской Университет, в котором ныне учеников находится немалое число, для коих Информации Латинскаго диалекта надлежит быть Информаторам, в которых ныне обстоит первоначальная нужда.

А понеже для такового Информаторскаго звания Московским Университетом за способнаго усмотрен Московской Славеногреколатин-

Приложение

ской Академии слушатель Б[о]гословии Георгий Герасимов, которой во оном Информаторском звании при том Университете желание свое объявляет и между тем склонность имеет обучатца и протчим наукам,

Того ради Св[я]тейшаго Правителствующаго Синода Канторе Московской Императорской Университет сим представляя требует, дабы /л. 11 об./ соблаговолено было объявленнаго Московской Академии слушателя Б[о]гословии Георгия Герасимова для определения в Информаторы Латинскаго диалекта и обучения по желанию ево протчим наукам прислать в Московской Императорской Университет.

Директор Алексей Аргамаков

Маия 19^{г[о]} дня
1755 году.

РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 11—11 об. Подлинник.

На л. 11 пометы: вверху № 402. Подано и слушано Маия

19^{г[о]} 1755^{г[о]}. Записав, взять к делу, внизу Слушано

Маия 19^{г[о]} дня 1755^{г[о]} года.

30.

1755 г. МАЯ 29. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ УНИВЕРСИТЕТЕ ЛАЗАРЕТА И ОТСУТСТВИИ
СРЕДСТВ ДЛЯ ЗАВЕДЕНИЯ АПТЕКИ

/л. 69/ Маия 29 дня. О больных весьма нужно, дабы малинькой /л. 69 об./ лазарет зделать; что же до аптеки своей, то за нужное весьма не находится в разсуждении великих трудностей к заведению и немало на то суммы, да и тут должно в ней совершенство наблюдать, что весьма трудно. Лекарства брать из Главной Аптеки за деньги, на записных определя на то сумму.

РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 69—69 об. Сокращенная копия.

Опубликовано: Сборник материалов. С. 707.

1755 г. июня 2. ДОНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА СЕНАТСКОЙ КОНТОРЕ
С ПРОСЬБОЙ ИЗДАТЬ УКАЗ АРХИТЕКТОРУ КН. Д. В. УХТОМСКОМУ
О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОПИСИ, ПО КОТОРОЙ ПРОИЗВОДИЛСЯ РЕМОНТ
ДОМА У ВОСКРЕСЕНСКИХ ВОРОТ, КОПИИ КОНТРАКТА
С ПОДРЯДЧИКАМИ И О ПРИОСТАНОВКЕ ВЫПЛАТЫ ПОДРЯДЧИКАМ
ДЕНЕГ ЗА РАБОТУ ДО УСТРАНЕНИЯ НЕДОДЕЛОК

/л. 288/ Правительствующаго Сената в Кантору из Канцелярии Московскаго Императорскаго Университета

Доношение.

Минувшаго Апреля м[е]с[я]ца по словесному приказанию Его Высочайшего Провосходительства Г[о]с[по]дина Генерала Аншефта, Сенатора и Ковалера Ивана Ивановича Бахметева отвесь для Университета дом, определенной и построенной в силу Имянного Указа у Воскресенских ворот против Манетнаго Двора, Г[о]с[по]дину Подполковнику и Архитектору Князю Ухтомскому, которой в ево смотрении постройкою находился, почему и отведен, и оному дому по вступлении Московскаго Императорскаго Университета описи никакой нет. К тому ж по заключенному контракту подрядчик все ль построил, неизвестно. А ныне являются во оном доме в постройке многия неисправности. Того ради Правительствующаго Сената Кантору Канцелярия Московскаго Императорскаго Университета, сим представляя, просит, чтоб повелено было Г[о]с[по]дину Подполковнику и Архитектору Князю Ухтомскому вышереченной дом отдать по описи со всеми принадлежностями /л. 288 об./ и оставшими материалами, и все ль по силе контракту построено, из того контракта в показанную Московскаго Императорскаго Университета Канцелярию сообщить копию, почему б осмотреть было можно, також, ежели в силу контракта выдача денег за работу подрядчикам учинена, то за что имянно и сколько оставлено, о чем прислать обстоятельное известие. Ибо во оном доме как печи и замки, а паче крышка и трубы весьма неисправны и как от дождя верхним сводам за худостию крышки, так и во время топления от труб и печей, что уже и опробовано, обстоит немалая опасность, чего ради по усмотрении Московскаго Императорскаго Университета Канцелярии оным подрядчикам чтоб повелено было денег не выдавать, а худое где аказалась, исправить, в чем крайняя зависит нужда; о чем Московскаго Императорскаго Университета Канцелярия имеет ожидать повелительнаго Указа. Июня 2^{1[о]} дня 1755^{1[о]} года. Алексей Аргамаков

*РГАДА. Ф. 248. Оп. 100. Кн. 7962. Л. 288—288 об. Подлинник.
На л. 288 вверху помета № 727. На л. 288 об. внизу помета
Слушано Июня 2^{1[о]} дня 1755^{1[о]} году.*

32.

1755 г. июня 5. ДОНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ КОНТОРЕ
ОБ ОТПУСКЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ ТИПОГРАФИИ
100 ЛАТИНСКИХ ГРАММАТИК

/л. 23/ Светейшаго Правительствующаго Синода в Кантору
Московского Императорскаго Университета ис Канцелярии

Доношение.

Потребно н[ы]не во оной Университет для обучения Латынских Граматик сто, которыя имеются в Московской Типографии, токмо оная Типография без позволения Светейшаго Правительствующаго Синода Канторы отпустить не смеет. Того ради Святейшаго Правительствующаго Синода Кантору Московского Императорскаго Университета Канцелярия, сим представляя об оном, просит, дабы повелено было во оной Университет объявленное число Граматик отпустить з заплаатою денег по указаной цене. Директор Алексей Аргамаков

У производства дел Сержант Козма Прытков

Июня 5^{г[о]} дня

1755 году

*РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 23. Подлинник.
Пометы на листе: вверху № 472. Подано и слушано Июня 7^{г[о]} 1755^{г[о]}.
Записав, взять по повытью, на левом поле снизу вверх № 8, внизу
Слушано Июня 7^{г[о]} дня 1755^{г[о]} году.*

33.

1755 г. июня 8. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРЮ
АКАДЕМИИ НАУК ПРОФЕССОРУ Г. Ф. МИЛЛЕРУ
С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЗА ЗАБОТУ ОБ УНИВЕРСИТЕТЕ И ГОТОВНОСТЬЮ
ВЫПОЛНИТЬ ЕГО ПРОСЬБУ О ПРИЕМЕ В ГИМНАЗИЮ ДВУХ БРАТЬЕВ
ТАРБЕЕВЫХ НА КАЗЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ

/л. 4/ Monsieur

J'ay Reçu celle dont vous m'avés honoré en Datte du 29e. may, je vous Remercie de la part que vous prenés à notre nouvel Etablissement, et j'aprends avec plaisir que Les Deux fils De Madame Tarbew se disposent à venir augmenter Le nombre des Ecoliers inscrits à L'université: soyés persuadé que je ferai pour eux tout ce qui dependra de moy, et que je Tacherai

De Les faire recevoir au nombre des^a Cinquante qui seront Elevés aux Depens de sa Majesté. je m'y employerai D'autant plus volontiers, que L'ayné de /л. 5/ Ces Messieurs paroît avoir de tres heureuses Dispositions, et qu'ils me sont recommandés par une personne, à qui en toute occasion je serai charmé de prouver La parfaite consideration avec Laquelle j'ai L'honneur D'etre

Monsieur

Votre très humble & très obeissant Serviteur

le 8 ⁶s.v.⁶ Juin 1755

Alexis d'Argamacoff

P. S. mes très humbles Compliments à M[onsieu]r D[oc]teur du Moresque, à M[onsieu]r le Proff[esseur] Braun, Fischer et à tous ceux qui Se souviendront de leur Serviteur

ce moment M[onsieu]r Tarbeoff est arrive en bonne Santé.

Перевод

Милостивый государь!

Я получил письмо от 29 мая, которым вы меня почтили. Я благодарю вас за заботу, которую вы проявляете о нашем новом заведении. Я с удовольствием узнал, что два сына госпожи Тарбеевой намереваются пополнить ряды учеников, записанных в Университет. Примите мои заверения, что я сделаю для них все от меня зависящее и что я постараюсь включить их в число тех пятидесяти, которые будут воспитываться за счет Ее Величества. Я займусь этим тем более охотно, что старший из этих господ наделен, как представляется, весьма немалыми способностями и что они рекомендованы мне лицом, которому я при любой возможности буду счастлив доказать совершенное почтение, с которым я имею честь быть,

Милостивый государь,

Ваш нижайший и покорнейший слуга

8 июня старого стиля 1755 года

Алексей Аргамаков

P. S. Мои нижайшие приветствия господину доктору Дюмореску, господину профессору Брауну, Фишеру и всем тем, кто помнит об их слуге.

---

^a Далее зачеркнуто сеих.

⁶⁻⁶ Вставлено над строкой.

Ныне Господин Тарбеев совершенно поправился.

*РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 546. Ч. 1. Д. 4. Л. 4, 5. Автограф
на французском языке. Перевод О. Е. Ивановой.*

34.

1755 г. июня 20. СКАЗКА ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА В МОСКОВСКОЙ ШТАТС-
КОНТОРЕ О ВРЕМЕНИ ЕГО ПРИБЫТИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
ПРЕБЫВАНИЯ ТАМ И ДАТЕ ОТЪЕЗДА В МОСКВУ

/л. 6/ 1755^[о] году Июня 20^[о] дня Коллежской Советник и Московского Императорского Университета Директор Алексей Аргамаков сказал: в Санкт Питербурх прибыл 30 Декабря 1754 году, а в Питербурхе обретался три м[е]с[я]ца и шеснатцат[ь] дней, а отправился в Москву 14 Апреля сего 1755 году. Алексей Аргамаков

*РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Д. 4960. Л. 6. Подлинник.
На левом поле часть скрепы -нов.*

35.

1755 г. июня, [НЕ ПОЗДНЕЕ 26]. ЗАПИСЬ ОБЪЯВЛЕНИЯ
ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА
В МОСКОВСКОЙ ШТАТС-КОНТОРЕ О ПОЕЗДКЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКЛАДА СЕНАТУ ПО СОЧИНЕННОМУ
ИМ ПРОЕКТУ ДЛЯ МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ,
А ТАКЖЕ ПО ПИСЬМУ КАМЕРГЕРА И. И. ШУВАЛОВА

/л. 13/ 1755^[о] году Июня ... дня при сем Экстракте Колежской Советник и Московского Университета Директор Алексей Аргамаков об[ъ]явил, что он в Санкт Петербурхе был для доклада Правителствующему Сенату по Мастерской полате по сочиненному проекту, о чем и в поданном от него в Статс Кантору доношени показано. Сверх же того о быти ему тогда в Санкт Питербурх об[ъ]явлено в присланном от Действительного Камер Гера и Ковалера и Императорского Московского Уневерситета Куратора Ивана Ивановича Шувалова к нему писме всевысочайшее от Ея Императорского Величества дозволение. Алексей Аргамаков

*РГАДА. Ф. 279. Оп. 1. Д. 4960. Л. 13. Подлинник.
Дата принимается по дню составления экстракта
о службе А. М. Аргамакова.*

1755 г. СЕНТЯБРЯ 6. РЕЧЬ ДИРЕКТОРА А. М. АРГАМАКОВА
ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ
ТЕЗОИМЕНИТСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

/л. 13/ Во оном Университете отправляемо было торжество в ден[ь] тезоименитства Ея Императорского Величества Г[о]с[у]д[а]р[ы]ни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской того ж году Сентября 6 дня, при котором говорена речь того Университета Директором и Мануфактур Коллегии Советником Алексеем Аргамаковым следующая:

При сем Высокопочтеннейшем вашем Собрании позволте мне привести на памят[ь] минувшия те времена и обстоятельства, каковым была подвержена Россия /л. 13 об./ до владения Петра Великаго. Напоминая великое имя Петрово, всю славу с ним напоминая, которой вселенная вечно дивится не престанет.

Достохвалныя его предки старалис[ь] о приращении Империи Российской, но по большой части дела д[у]ховныя, гражданския и военныя в несовершенном состоянии находилис[ь], пока он, к множайшему благополучию отечества нашего на престол восшед, все учредил и устроил к удивлению всеобщему: врагов низложил, утвердил безопасностию своею отечество славою навеки, внутренния неспокойства прекратил, вооружил сухопутныя и морския силы, д[у]ховное правление и гражданское основал, наукам и художествам положил начало, создал град в памят[ь] славнаго своего имени. Все то в стол[ь] краткое время, что и древность подобнаго примера сему не представляет. Народы дивятся, видя прекрасной град, бывшей обителище прежде бедных рыбаков. В том месте, где Нева впадает в Балтийское море, тамо Петр Великий сперва малой дом на берегу реки построил. Но скол[ь] сие небольшое здание славно и почитаемо, где премудрый дух Петра Великаго обитал в трудолюбивом теле! Из сего то непространнаго жилища происходили великия намерения и действия дражайшаго нам Монарха, уже известныя всей вселенной.

/л. 14/ Естли б смертным определено было за великодушныя и мудрыя дела в награждение безсмертие, Петр Великий никогда б от нас не отлучился! Оставил телом, но действию его нам всегда присудственны в глазах, которые все к прославлению Высочайшаго имени и отечества нашего видим наблюдаемы и исполнены и продолжаемы преемниками престола. Но несравненно большее попечение и приумножение бл[а]гополучия нашего произрастают от св[я]щенной персоны щасливо владеющей н[ы]не Монархини нашей. Милосердиями и щедротами неиз-

реченными наполненная Самодержица подает утешение не токмо подданным своим, но и великодушием всех народов с[е]рдца пленяет. Кто изчислит твои бл[а]годееяния, Монархия? Кто изобразит твое бл[а]гочестие и любов[ь] к подданным и м[и]л[о]сть? И кто, имея счастье предстат[ь] пред лицом твоим осв[я]щенным, не исполнен радостнаго д[у]ха от тебя возвратился? Коликою возхищен я радостию н[ы]не, когда воображаю толикое твое попечение о сих возрастающих подданных твоих! Они могут получить[ь] от наук все ^ато, что ^а их зделает достойными ко исполнению Монаршеских твоих повелений и законов гражданских честнаго и полезнаго жития, а потом сами со временем о продолжении наук и художеств могут стараться (которыми искореняется празность, следовательно и всякое зло). Оне будут подражат[ь] достойнейшему своему Куратору, котораго естли все добрыя качества я исчислят[ь] буду, то напрасно употреблю мое время в продолжении. /л. 14 об./ Не правда ли, что его характер, его жизнь и его дела более чрез себя сами говорят, нежели слова мои? Скажем толко, что он великия услуги показал своим старанием отечеству, положи основание сего Университета. И кто ж о том сомневается будет, что не токмо н[ы]не, но и в будущия веки потомки не отрекут воздат[ь] ему достойную славу?

2.

Теперь к вам речь мою обращаю, вы, которые имеете щастие и честь ползоваться Монаршескими щедротами. При сем Высокопочтенном Собрании я напоминаю вашу главнейшую должность, без которой все добродетели несовершенны. Чрез то я разумею бл[а]годарность. Ею вы обязаны двояко: во первых, как подданныя рабы Ея Императорского Величества со всеми вообще, потом как дети сего Университета к милосердой Матери своей особливо. Естли некоторых младость лет совершенно ощущает не допускает сию высочайшую милость, с превеликою ползою Империи соединенную, по крайней мере познают по просвещении их разума, скол[ь] щасливы оне и родители, которые их сюда определили. Младья люди необходимо требуют воспитания, от него всякая полза происходит. Без учения, без воспитания суетная жизнь ч[е]л[о]в[е]ков.

Помыслите тепер[ь] сами, что вы на пути получит[ь] дар, превосходящий всякого сокровища, то есть бл[а]гочестие, ч[е]л[о]в[е]колюбие и добродетел[ь], доселе от вас утаенная природа, ея /л. 15/ законы и действы будут мало помалу к ползе вашей откровенны — словом, все науки, все художества и все то, что уже роду ч[е]л[о]в[е]ческому известно есть.

---

^{а—а} В тексте точно.

Соединим все усерднейшия наши силы и будем соответствоват[ь] порученной нашей должности, которая засвидетелствует смиреннейшую сердец ваших бл[а]годарность!

Я, с моей стороны, не могу более продолжат[ь] молчание, чтоб не принести мою бл[а]годарность всем тем, кои способствовали трудами своими к успехом начинающагося сего Императорского Университета. Короткое время, на то употребленное, показывает довольно, что оно всуе не пробежало. Таким образом возрастая, наши надежды ободрят нас ожидат[ь] м[и]л[о]ст[и]вых щедрот Августейшей Нашей Монархини, которой н[ы]не вся Империя всевысочайший Ден[ь] тезоименитства светло торжествует. Наши радостныя сердца со всеми верно подданными соединим и вознесем ко Всевышнему общия желании о бл[а]годенствии Августейшей Монархини и Ея Всевысочайшей Императорской Фамилии. Да долгоденственну и всегда бл[а]гополучну сохранит! Да в сие златое время под ея М[и]л[о]с[е]рдюю державою насладимся щедротами, в народ непрестанно изливающимися от ея престола! Да неизреченныя добродетели и совершенства останутся в сердцах наших глубоко начертанны! И безсмертная слава Петра и Елисаветы Великих, именем великих и делами, по всей вселенней на безконечныя веки непоколебима пребудет.

НИОР РГБ. Ф. 41. Картон № 165. Ед. хр. № 8. Л. 13—15. Копия.

37.

1755 г. ОКТЯБРЯ 9. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
О ЖАЛОВАНИИ СТУДЕНТОВ, ПООЩРЕНИИ БЕДНЫХ И ПРИЛЕЖНЫХ
И ОПРЕДЕЛЕНИИ НА ЭТИ ЦЕЛИ ЕЖЕГОДНОЙ СУММЫ

/л. 65/ Октября 9 числа. Студентам тритцати человекам, котория лекции Математическия и Философическия слушают, в следствие Университетскаго штата жалованья производить по сороку рублей в год. Что ж оныя для ободрения их кафтанами и протчим снабдены, то весьма изрядно, что и впредь для бедных и прилежных такое награждение делать надлежит, определя на то ежегодную сумму.

*РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 65. Сокращенная копия.
На левом поле листа надпись № 10 к Проекту на 22 пункт.
Опубликовано: Сборник материалов. С. 707.*

38.

1755 г. октября 10. ДОНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ КОНТОРЕ
ОБ ОТПУСКЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ
АКАДЕМИИ В УНИВЕРСИТЕТ ДВУХ РОССИЙСКИХ БИБЛИЙ
ДЛЯ БИБЛИОТЕКИ И ОБУЧЕНИЯ

/л. 1/ Св[я]тейшаго Правительствующаго Синода в Кантору из Канцелярии Императорскаго Московскаго Университета

Доношение.

Понеже н[ы]не необходимо потребно в Университет две Библии Российских, ис которых надлежит быть одной при Библиотеке, а другой для обучения, Того ради Св[я]тейшаго Правительствующаго Синода Кантора соизволила бы послать Указ в Московскую Академию для отпуску двух Библей во Университет, в которых обстоит крайняя нужда и необходимо без них пробить никак не возможно. Алексей Аргамаков

Актуариус Петр Корнилиусен

Октября 10^[о] дня
1755^[о] году

Канцелярист Яков Громов

*РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 526. Л. 1. Подлинник.
На листе пометы: вверху № 905. Подано и слушано Октября
11^[о] 1755^[о]. Записав, взять по повытью, на левом поле снизу вверх № 39,
внизу слева Слушано Октября 11^[о] дня 1755^[о] года.*

39.

1755 г. октября 30. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРЮ
АКАДЕМИИ НАУК ПРОФЕССОРУ Г. Ф. МИЛЛЕРУ
О СВОЕЙ БОЛЕЗНИ И ОБ УЧЕНИКАХ ТАРБЕЕВЫХ

/л. 2/ Почтенейши Г[о]с[по]дин Професор, Г[о]с[у]д[а]рь Мой.

Прошу отпустить Мне, что я так поздо на ваше, Г[о]с[у]д[а]ря Моего, писание служу Моим ответом. Кроме всечасных недосугов, я был несколько недель болен горячкою. По обলেখчени за должность себе почитаю вам донести, что Г[о]с[по]д[и]ну Тарбееву я неоднократно говорил, чтоб он взял квартиру в моем доме, и стол до его услуг был, как и

другия многия ученики со мной живут в доме и за одним столом кушают, также и денги 25 ру[блев] в год ему даваться будут. /л. 2 об./ Но я не ведаю за какую причину он не бывал. И тепер[ь] его в уневерситете, ни брата его не видат[ь], и сыскат[ь] где, не знаю. Я обещал и вам, и их родительнице и своего обещания никогда не премину. Пребывая вам, Г[о]с[у]д[а]рю Моему, всегда с почтением и искреностию,

ваш, Г[о]с[у]д[а]ря Моего,

30 Октября

1755

Москва

всепокорный и верный Слуга

Алексей Аргамаков

/л. 3/ Г[о]с[по]д[и]ну дю Мареску, Профессору Брауну, Фишеру и всем, кто о мне вспомнит, поклон прошу об[ъ]явит[ь].

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 546. Ч. 1. Д. 4. Л. 2—3. Автограф.

40.

1755 г. НОЯБРЯ 2. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ ОБ УКАЗЕ
СЕНАТА, РАЗРЕШАЮЩЕМ ПОКУПКУ ДОМА КН. П. И. РЕПНИНА
НА МОХОВОЙ УЛИЦЕ

/л. 69 об./ Ноября 2 дня. Дом Князь Петра Ивановича Репнина, что на Моховой близ Главной Аптеки, за четырнатцать тысяч шесть сот рублей сторгован, о дозволении котораго в покупке и указ из Правительствующаго Сената получен.

*РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 69 об. Сокращенная копия.
Опубликовано: Сборник материалов. С. 707.*

41.

1755 г. НОЯБРЯ 15. ДОНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ КОНТОРЕ
ОБ ОТПУСКЕ ИЗ МОСКОВСКОЙ ТИПОГРАФИИ
В УНИВЕРСИТЕТ ЗА ДЕНЬГИ 50 ЛАТИНСКИХ ГРАММАТИК

/л. 57/ С[вя]тейшаго Правительствующаго Синода в Кантору из Канцелярии Императорскаго Московскаго Университета

Доношение.

В Императорской Московской Университет для обучения учеников необходимо потребно ныне пятьдесят грамматик Латинских. Того ради С[вя]тейшаго Правительствующаго Синода Канторе Канцелярии Импе-

раторского Московского Университета сим доношением представляет, дабы собл[а]говолено было оные грамматики, в которых обстоит крайняя надобность, приняв за оные по указной цене денги, во оную Канцелярию Московской Типографии отпустить, да и впредь, когда оные Грамматики требуются будут, оной Типографии отпустить повелеть.

Алексей Аргамаков
Актуариус Петр Корнелиюсен
Канцелярист Яков Громов

Ноября ... дня
1755^[10] году

*РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 57. Подлинник.
На листе пометы: вверху № 1056. Подано и слушано Ноября
15^[10] 1755^[10]. Записав, взять к делу, на левом поле снизу вверх № 59,
внизу слева Слушано Ноября 15^[10] дня 1755^[10] года.*

42.

1755 г. ДЕКАБРЯ 4. РАПОРТ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ КОНТОРЕ
О ДЕНЕЖНЫХ РАСЧЕТАХ С БЕЛГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ
КОНСИСТОРИЕЙ ЗА ОТПРАВКУ 2 СТУДЕНТОВ ОТ БЕЛГОРОДА
ДО МОСКВЫ И СТУДЕНТОВ, ПРИСЛАННЫХ ВМЕСТО ПЕРВЫХ

/л. 62/ Святейшаго Правительствующаго Синода в Кантору из Императорского Московского Университета

Репорт.

Ея Императорскаго Величества Указ Святейшаго Правительствующаго Синода из Канторы о присылке данных Белгородской Духовной из Консistorии отправленным в Московской Императорской Университет Студентам Григорью Буланецкому да Федору Левицкому на подводы и на путевое содержание денег шестнатцати рублей, писанной под № 2640^М, Ноября 29 числа получен.

А по справке в Канцелярии Императорскаго Московскаго Университета явилось: за прежде присланных во Университет из той Консistorии Студентов Ивана Флиоринскаго и Дмитрия Захаржевскаго денги шестнатцет[ь] рублей Святейшаго Правительствующаго Синода в Кантору отданы. А понеже оные Студенты обратно отосланы, того ради Указом в реченную Кансistorию велено оные денги, с них взыскав, отдать вновь^а выбранным Студентам, которые им и даны, и таковые денги вторично брать из Императорскаго Московскаго Университета не над-

---

^а Вставлено над строкой.

лежит, и о том Святейшаго Правительствующаго Синода в Кантору нижеайше репортуется. Алексей Аргамаков

Декабря 4^{1[0]} дня
1755^{1[0]} году

Актуариус Петр Корнелиусен

Канцелярист Яков Громов

РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 62. Подлинник.

На листе пометы:верху № 1147. Подано Декабря 4^{1[0]} 1755^{1[0]}.

Записав, учиня надлежащую справку, предложить в доклад, на левом поле снизу вверх № 78, внизу слева Слушано Декабря 13^{1[0]} дня 1755^{1[0]} году.

43.

1755 г. ДЕКАБРЯ 5. РАПОРТ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ КОНТОРЕ
О ВЫДЕЛЕНИИ ИЕРОМОНАХУ ЕФРЕМУ ПОКОЕВ
ДЛЯ ЖИТЕЛЬСТВА, КАЗЕННЫХ ДРОВ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ЖАЛОВАНИЯ

/л. 65/ С[вя]тейшаго Правительствующаго Синода в Кантору из Императорскаго Московскаго Университета

Репорт.

Ея Императорскаго Величества Указ С[вя]тейшаго Правительствующаго Синода из Канторы, писанной Сентября 25 дня под № 1945, о присылке Иеромонаха Ефрема для обучения Закона Б[о]жия и Катихизиса на место прежде бывшаго Иеромонаха Симона того ж Сентября 26^{1[0]} дня получен, в силу коего Указа оному Иеромонаху Ефрему для квартирования подле самой ц[е]ркви два покоя отведены, где и жителство имеет, и на топление оных покоев даются казенныя дрова, а жалование ему сто пятьдесят рублей производится. Алексей Аргамаков

Актуариус Петр Корнелиусен

Декабря 5 дня
1755^{1[0]} году

Канцелярист Яков Громов

РГАДА. Ф. 1183. Оп. 10. 1755 г. Д. 103. Л. 65. Подлинник.

На листе пометы:верху № 1148 (исправлено из 1149).

Подан Декабря 5^{1[0]} 1755^{1[0]}. Записав, взять к делу, на левом поле снизу вверх № 79.

44.

1755 г. ДЕКАБРЯ 14. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
ОБ ОТПРАВЛЕНИИ УЧИТЕЛЯ ГРЕЧЕСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ
Н. Н. ПАПАФИЛО В УНИВЕРСИТЕТ И НАБОРЕ ИМ
ОТДЕЛЬНОГО КЛАССА

/л. 65/ Декабря 14 числа. Отправлен учитель Еллинскаго и Италианскаго языка Николай Папафил, которому так же, как и протчим учителям, набрать учеников, по склонности смотря, и, зделав из тех класс, поручить ему для обучения (особливо тех прилежно приказать Италианскому языку обучать, которые для художеств назначены), а жалованья ему производить в год по триста рублей.

*РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 65. Сокращенная копия.
На левом поле листа помета № 11 к Проекту на 29 пункт.
Опубликовано: Сборник материалов. С. 707.*

45.

1755 г. ДЕКАБРЯ 22. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ В УНИВЕРСИТЕТ ЛЕКАРЯ А. И. ТАТАРИНОВА

/л. 69 об./ Декабря 22 дня. Лекаря Андреяна Татарина определить при Университете и приказать, чтоб смотрение прилежное имел за Студентами, случающимися в болезнях, только б в опасных случаях сам не отваживался пользоваться без сообщения какому Доктору.

*РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 69 об. Сокращенная копия.
Опубликовано: Сборник материалов. С. 707.*

46.

1756 г. МАРТА 4. ДОНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕНАТУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ПРИ УНИВЕРСИТЕТЕ ТИПОГРАФИИ
И КНИЖНОЙ ЛАВКИ

/л. 160/ В Правительствующий Сенат от Московскаго Императорскаго Университета

доношение.

Московской Университет, взяв свое начало, за нужно находит, чтоб был снабден такими же прерогативами, какие имеют канцелярии учо-

ных мест в здешней Империи, так же чтоб сделать типографию и книжную лавку, в которых происходимые Университетских писателей сочинении и переводы печататся и продаватся в ползу общую могли б. О чем Правителствующий Сенат Московской Императорской Университет, сим покорнейше представляя, просит.

Куратор Иван Шувалов
Д[иректор] Алексей Аргамаков

Марта 4 дня
1756 года

РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2875. Л. 160. Подлинник.
На листе пометы: вверху слева № 556, внизу Вознесено
и слушано Марта 4 дня 1756 года. *Опубликовано: Костышин Д. Н.*
Неопубликованные документы по истории создания типографии
Московского университета // Вестник Московского университета.
Серия 8. История. 1997. № 6. С. 102—103.

47.

1756 Г. МАРТА 28. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРЖЕСТВ ПО СЛУЧАЮ ГОДОВЩИНЫ
КОРОНАЦИИ ИМП. ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

/л. 65/ Марта 28 числа. К наступающему дни Ея Императорскаго Величества торжественной /л. 65 об./ Коронации должен Университет за Ея Императорскаго Величества многие щедроты показать хотя слабые знаки благодарности; чего ради учредить на другой день быть публичному акту, к которому дню немедленно приказать учителям во все классы способнейшим ученикам задать задачи, и чтоб они пред праздником за неделю или прежде на заданные материи готовы были с своими сочинениями, и оные учителям освидетельствовать без всякаго пристрастия, выбрать из них лутчие из всякаго класса по три или по четыре, и отложить к торжеству для жалованья за них награждения. В 26 день собраться ученикам в Университетском доме, в котором способнее будет, итти в церковь к молебному пению, благодаря Творца всея твари Бога нашего за его к нам неизреченныя милости, молиться о здравии Благочестивейшей нашей Государыни и Покровительницы нашего училища. По возвращении из церкви должны учителя представить с похвалою сочинении прилежных учеников, сказав их имена, и атестованных учеников награждать медалями, объявляя, что Ея Императорское Величество /л. 66/ за прилежность их и успехи в науках жалует их сими

медалями. Потом читать Профессору публично речь, и тем окончать торжество поутру. Вечеру должны представить иллюминацию.

*РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 65—66. Сокращенная копия.
На л. 65 на левом поле помета № 7 к Проекту на 15 и 16 пункты.*

48.

1756 г. АПРЕЛЯ 15. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
О СОДЕРЖАНИИ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

/л. 69 об./ Апреля 15 дня. Газеты Московския должны начинаться /л. 70/ С[анкт] Петербургским артикулом; естли будет материя, окончить также Московским, в котором писать знатные произшествия публичные в городе, из Университета экзамины публичные учеников, кто из них получил награждения. То разумеется о Студентах и о вышних классах Гимназиев, а нижних не писать, о приезде Профессоров с их именами, публикации из каких-либо мест, что требовано будет для известия, також партикулярных продажа дворов и протчаго. Газеты кто после по субскрипции возмет, то надобно им же и первые экземпляры отдать с самага начала; того ради их должно к тому беречь, смотреть же крайне, чтоб в типографии ничего без Директора печатать не смели.

*РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 69 об.—70. Сокращенная копия.
Опубликовано: Сборник материалов. С. 707—708.*

49.

1756 г. АПРЕЛЯ 18. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
О ПРИСЫЛКЕ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ МЕДАЛЕЙ ДЛЯ НАГРАЖДЕНИЯ
СТУДЕНТОВ И УЧЕНИКОВ, О ПОРЯДКЕ НАГРАЖДЕНИЯ
И О БЕСПРИСТРАСТНОМ ЭКЗАМЕНОВАНИИ

/л. 66/ Апреля 18 числа. Награждать медалями 26 дня Апреля, на которой случай приложено золотых медалей 16, серебряных 34. Но как учение и успехи, так достоинство тех бывает не равно, и для того Студентам раздавать медали золотыя, также и верхних классов дворянам, а разночинцам серебряные. На другой же день торжества, отобрав у них медали, и внизу на пустом оставленном под надписанием dignissimo месте вырезать по Латине следующее: Московскаго Университета, и то Студентам, а ученикам — Московской Гимназии, например: Латинскаго класса ученику N. N. месяца и числа; но когда она надпись вместиться

не может, то можно ее написать под сокращением, а после тем же возвратить немедленно.

Как Студентов, так и учеников экзаменовать безпристрастно.

*РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 66. Сокращенная копия.
На левом поле листа пометы: напротив первого абзаца № 7
к Проекту на 15 пункт. № 8 к Проекту на 20 пункт, напротив
второго № 13 к Проекту на 34 пункт.*

50.

1756 г. АПРЕЛЯ 22. ДОНОШЕНИЕ МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ
КОНТОРЕ О ПОДАЧЕ НА БУДУЩЕЕ ПИСЬМЕННЫХ ИЗВЕСТИЙ
О ДУХОВНЫХ ЛИЦАХ, СЛУЖАЩИХ И ПРОПОВЕДУЮЩИХ
В ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ, ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТЕ
«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

/л. 1/ Святейшаго Правительствующаго Синода в Кантору из Императорскаго Московскаго Университета

Доношение.

В силу Указа Правительствующаго Сената при Императорском Московском Университете учреждена Типография, в которой имеют быть печатаны разные ведомости. Того ради по Ея Императорскаго Величества Указу и по определению одного Университета Святейшаго Правительствующаго Синода Кантору Императорской Московской Университет покорно просит, дабы соблаговолено было ко вношению в ведомости и к напечатанию для известия как сего Апреля 25^[о] дня, то есть в день высочайшей Коронации Ея Императорскаго Величества, так и в предбудущия высокоторжественныя дни кто из преос[вя]щенных архиереев и протчих д[у]ховных персон служит[ь] станут, також и кто проповедники будут сказыват[ь] предики и в котором соборе, до собл[а]говолит сообщат[ь] в Университет забл[а]говременно писменно, и о вышеписанном С[вя]тейшаго Правительствующаго Синода Кантору Императорской Московской Университет сим покорно просит. Апреля 22^[о] дня 1756^[о] году.

Директор Алексей Аргамаков
Михайла Верьовкин

Актуариус Петр Корнелиусен
Канцелярист Никита Рыбников

*РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 11. 1756 г. Д. 238. Л. 1. Подлинник.
На листе пометы: вверху № 380. Подано и слушано Апреля 23^[о]*

Приложение

1756^[10]. Записав, взять по повытью, на левом поле снизу вверх № 85^я, внизу слева Слушано Апреля 23^[10] (исправлено из 22) дня 1756 года.

51.

1756 г. МАЯ 1. УКАЗ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В МОСКОВСКУЮ ГУБЕРНСКУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ ОБ ОТСЫЛКЕ УЧЕНИКА
УНИВЕРСИТЕТА В. П. МАНДРЫГИНА ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
В МОСКОВСКУЮ ГАРНИЗОННУЮ ШКОЛУ ПО ПРОСЬБЕ ЕГО МАТЕРИ

/л. 1/ Указ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской из Императорскаго Московскаго Университета в Московскую Губернскую Канцелярию. Онаго Университета ученика Васил[ь]я Мандрыгина мать ево, Афросинья Афонасьева дочь, просила об отсылке с[ы]на ее Василья в Московскую Губернскую Канцелярию для определения в Московскую гарнизонную школу. Того ради по Ея Императорскаго Величества Указу и по определению Императорскаго Московскаго Университета велено для определения в гарнизонную школу отослать в Московскую Губернскую Канцелярию, которой и послан при сем, и Московской Губернской Канцелярии учинить о том по сему Ея Императорскаго Величества Указу. Маия 1 дня 1756 году.

Директор Алексей Аргамаков
Актуариус Петр Корнелиусен
Канцелярист Никита Рыбников

*РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Ч. 4. Д. 10151. Л. 1. Подлинник.
На листе пометы:верху № 222. Получен Маия 2 д[ня]
1756 году. Записав, доложит[ь], на левом поле По гене[ральному]
реэстру № 12199, ниже снизу вверх № 91^я, ниже К отдаче в архив. 52,
далее зачеркнуто № 1234 (исправлено из 1233, зачеркнуто),
№ 22 (зачеркнуто), внизу С[лушано] 17 Марта 781^[10] году.*

52.

1756 г. СЕНТЯБРЯ 16. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ИЗ ГИМНАЗИИ КАЗЕННЫХ УЧЕНИКОВ,
НЕСПОСОБНЫХ К УЧЕБЕ, ВЫЧЕТЕ ИЗ ЖАЛОВАНЬЯ НЕУСПЕВАЮЩИХ
И НАКАЗАНИИ ИХ ЗА ПЛОХОЕ ПОВЕДЕНИЕ

/л. 70 об./ Сентября 16 дня. Всех таких учеников, которыя явятся к учению не способны и впредь безнадежны, из Университета выписывать вон (сие разумеется о обучающихся на коште Государевом) и оп-

ределять к типографии и другим художественным^а делам, а неприлежных штрафовать вычетом жалованья, сажанием в пустую комнату, где давать помалу хлеба и воды, а не уимчивых от того, смотря по винам, наказывать, иных и денежным штрафом, которые богаты, положи за всякой день ареста ^бпо рублю или ^бменее, смотря по благоизобретению Директора, отдав выбирать им на волю деньги или штраф, и оную сумму определять бедным Студентам для их нужды.

РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 70 об. Сокращенная копия.
Опубликовано: Сборник материалов. С. 708.

53.

1756 г. СЕНТЯБРЯ 30. ПИСЬМО ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА КОНФЕРЕНЦ-СЕКРЕТАРЮ
АКАДЕМИИ НАУК ПРОФЕССОРУ Г. Ф. МИЛЛЕРУ О ПРИЕЗДЕ
В УНИВЕРСИТЕТ ПРОФЕССОРА Ф. Г. ДИЛЬТЕЯ И ПОСЫЛКЕ
НОВОГО ИЗДАНИЯ БИБЛИИ

/л. 1/ Monsieur

je viens de recevoir la lettre que vous m'avez fait L'honneur de m'ecrire par Monsieur Le Professeur Dilthey; je vous prie d'etre persuadé que j'aurai toute Sorte d'egards à votre recommandation, D'autant plus que M[onsieu]r Le Professeur me paroît tres recommandable par lui meme.

je suis tres sensible à la part que vous prenés à la perte que je viens de faire, et je fais des vœux tres sincerés pour votre santé.

je n'ai pas manqué d'executer la com[m]ission /л. 1 об./ Dont vous me chargés, je vous envoie la nouvelle Edition de la Bible que vous me demandés.

Messieurs Cheraskow, Fromman, et Schade vous remercient de votre souvenir, et vous reciproquent leurs compliments.

M[onsieu]r Limberg continue à se bien comporter, et à remplir son devoir.

je vous prie de saluer de ma part Messieurs Les Professeurs Braun et Fischer.

j'ay L'honneur d'etre avec beaucoup de Consideration

Votre tres humble

Monsieur

Moscou le 30e. 7bre.

1756

et obeissant serviteur

Alexis d'Argamacoff

---

^а Вставлено слева на полях.

^{б-б} Вписано с уплотненным интервалом.

Приложение

Перевод

Милостивый государь

Я только что получил от господина профессора Дильтея письмо, которое вы имели честь написать мне. Прошу вас принять мои заверения, что я проявляю всяческое почтение к вашей рекомендации, тем более что господин профессор представляется мне и без того достойным уважения.

Я весьма тронут участием, которое вы проявили к потере, недавно постигшей меня, и я от всего сердца молюсь за ваше здоровье.

Я не преминул выполнить поручение, данное мне вами. Я посылаю вам новое издание Библии, о котором вы меня просили.

Господа Херасков, Фромман и Шаден благодарят вас за то, что вы их помните, и со своей стороны шлют вам свои приветствия.

Господин Лимберг по-прежнему разумно ведет себя и исполняет свой долг.

Прошу вас передать поклон от моего имени господам профессорам Брауну и Фишеру.

Имею честь быть с великим почтением
нижайший Ваш, милостивый государь,

и покорнейший слуга

Москва 30 сентября
1756 года

Алексей Аргамаков

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. П. 546. Ч. 1. Д. 4. Л. 1—1 об. Автограф на французском языке. Перевод О. Е. Ивановой. Л. 3 об. конверт с красной сургучной печатью, предположительно с гербом Аргамакова, и надписью A Monsieur Monsieur Müller Professeur de l'Academie Imperiale, ниже 1¹/₂ a S[ain]t Petersbourg (Г[о]с[по]д[и]ну Миллеру, профессору Императорской Академии в Санкт-Петербурге. — О. И.). Почтеному Г[о]с[по]д[и]ну Професору Миллеру в Санпитебург.

54.

1756 Г. НОЯБРЯ 28. ОРДЕР КУРАТОРА МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И. И. ШУВАЛОВА ДИРЕКТОРУ А. М. АРГАМАКОВУ
О ПОДЧИНЕНИИ РЕКТОРА ГИМНАЗИИ КОНФЕРЕНЦИИ, А АССЕССОРОВ
ДИРЕКТОРУ

/л. 70 об./ Ноября 28 дня. Ассесорам до переводу из класса в класс /л. 71/ учеников дела не иметь, а смотреть о том по представлению Ректорскому Конференции.

Ректору под ведением Ассесоров не быть, и им до него дела не иметь, а смотрение иметь над ним и ему под ведением быть Конференции ж.

Ассесорами Директору повелевать в таких случаях, что касаться будет до пользы Университета, можно; и что приказано им будет, о том Куратора уведомлять репортами.

*РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 70 об.—71. Сокращенная копия.
Опубликовано: Сборник материалов. С. 708.*

ДОКУМЕНТЫ ОБ ИМЕНИЯХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ СПОРАХ

55.

1720 г. НОЯБРЯ 25. ЧЕЛОБИТНАЯ А. М. АРГАМАКОВА
КАНЦЕЛЯРИИ ВОТЧИННЫХ ДЕЛ О РАЗРЕШЕНИИ ВЫКУПА ЗЕМЕЛЬ
В АРЗАМАСКОМ И ДМИТРОВСКОМ УЕЗДАХ, ЗАЛОЖЕННЫХ
ЕГО БРАТОМ Ф. М. АРГАМАКОВЫМ

/л. 621/ Державнейший Ц[а]рь, Г[о]с[у]д[а]рь М[и]л[о]стивейший.

В прошлом 712^м году брат мой родной Федор Михайлов с[ы]н Аргамаков, будучи на службе, занял у Кн[я]зь Степана Ивановича Путятина д[е]н[е]г триста рублей, а за те д[е]нги уступил он помесные и вотчинные земли в Арзамаском и в Дмитровском уездах в разных станех, все что есть за ним по дачам, и по той ево отдаче те помесные и вотчинные земли за ним справлены.

Всемилоостивейший Г[о]с[у]д[а]рь, прошу В[а]шего Величества: вели, Г[о]с[у]д[а]рь, вышеозначенные поместные и вотчинные земли по своему Г[о]с[у]д[а]реву Указу отдать мне по родству на выкуп и д[е]нги у меня принять в Канцелярию вотчинных дел.

В[а]шего Величества нижайший раб Алексей Аргамаков. Ноября в ... де[нь] 1720^[10] году. К сей челобитной Алексея Михайловича Аргамакова ч[е]л[о]в[е]к ево Алексей Ефремов руку приложил по повелению Г[о]с[по]д[и]на своего

*РГАДА. Ф. 1209. Оп. 735. Дела старых лет. Дмитров.
Кн. 15085. Л. 621. Подлинник. Внизу листа пометы Записав
в книгу, взят[ь] к делу и выписат[ь]. 1720 ноябрь 25 де[нь],
ниже слева Гуру Немятово.*

1725 г. ДЕКАБРЯ 20. ПРОШЕНИЕ КАПРАЛА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА А. М. АРГАМАКОВА ИМП. ЕКАТЕРИНЕ I
О СНЯТИИ С НЕГО ШТРАФА ЗА НЕ ПОДАННЫЕ СВОЕВРЕМЕННО
СКАЗКИ БЫВШИМ ВЛАДЕЛЬЦЕМ Д. УЖОВКА АРЗАМАСКОГО УЕЗДА
НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБ. Я. М. ПРОКУДИНЫМ

/л. 1/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня
Императрица Екатерина Алексеевна, Самодержица Всероссийская.

Бьет челом Лейб гвардии Преображенского полку салдат Алексей
Михайлов с[ы]н Аргамаков, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

В прошлом 721^м году Апреля 22^[о] дня в Арзамаском уезде из вотчин Якова Матвеева с[ы]на Прокудина д[е]р[е]вня Ужовка оценена и отдана в ыск мой. К с е м у

2.

В прошлом же 722^м году в Сентябре м[е]с[я]це Нижегородской губернии в Канцелярии свидетельства мужеска полу душ, ч[е]л[о]в[е]к мой Никита Иванов подал прошение, в котором переписав в показанной д[е]р[е]вне кр[е]стьян мужеск пол всех без утайки и об[ъ]явил при том прошении, о чем явно в показанной Канцелярии. п р о ш е н и ю

3.

Токмо в показанной д[е]р[е]вне Ужевке, по справке людей моих, с поданных сказок поголовной переписи копии не имелось и справитца было в Арзамаской Правинцы, кому оные скаски подавались, невозможно, для того что оные скаски и с протчими под[ъ]яческими писмами были за фискалскою печатью въ ящиках, також и в Канцелярии свидетельства мужеска полу душ в подании от него, прежняго владелца Прокудина, не явилось же, которым /л. 1 об./ было надлежало быть в подании от него, Прокудина, понеже в 1719^м и в 720^м годех означенной д[е]р[е]вне владел помянутой Прокудин, о чем от меня и преж сего прошением к свидетельству объявлено. А л е к с е й

4.

А в прошлом 724^м году приговорам означенной Канцелярии за неподание от показанного помещика Прокудина сказак положен на меня штраф по десяти рублей за душу. А в прошлом 719^м году по указу Вашего Императорскаго Величества означенной Прокудин по требованию в Камор Калегию помянутой д[е]р[е]внии людей и кр[е]стьян скаскою

объявил, которая в подании и н[ы]не имеетца, а по докладным пунктам означенные скаски вместо пополнительных к свидетельству принимать и в действо производит[ь] велено. А р г а м а к о в

5.

И чтоб Указом Вашего Императорскаго Величества повелено было в Канцелярии свидетельства мужеска полу душ, сие мое прошение сообща с подлинным делом, справитца с показанной Калегиею, а по справке о сняти означеннаго положеннаго на меня штрафа Ваш Императорскаго Величества указ учинить. руку

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Императрица, прошу Вашего Императорскаго Величества о сем моем челобит[ь]е решение учинить. Декабря 20^[10] дня 1725 году. Прошение писал того ж дому служитель Максим Ечевский. п р и л о ж и л.

*РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 76. Д. 34229. Л. 1—1 об. Подлинник.
Слова, напечатанные разреженным шрифтом, — автограф.*

57.

1736 Г. АПРЕЛЯ 12. ПРОШЕНИЕ ГР. А. Е. МАТВЕЕВОЙ ВОТЧИННОЙ
КОЛЛЕГИИ О РАЗРЕШЕНИИ ЕЕ ВНУКУ М. Ф. АРГАМАКОВУ
ПРОДАВАТЬ И ЗАКЛАДЫВАТЬ ЕЕ СОБСТВЕННОЕ ИМЕНИЕ И ИМЕНИЕ
ЕЕ СЫНА А. М. АРГАМАКОВА В ДМИТРОВСКОМ УЕЗДЕ

/л. 272/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]-
р[ы]ня Императрица Анна Иоанновна, Самодержица Всероссийская

В прошлом 731^м году всем[и]л[о]стивейшим Указом В[а]шего Императорскаго Величества с[ы]н мой, лейб гвардии Преображенского полку Прапорщик Алексей Михайлов с[ы]н Аргамаков, уволен был для наук в чужие края, где и был на своем коште четыре года по 735^м год. А по от[ъ]езде ево заимовала я по писму ево, с[ы]на моего, для переводу к нему и для всяких д[е]р[е]в[е]нских зделок немалые д[е]нги, в которых закладывала ево, с[ы]на моего, д[е]р[е]в[е]ни. А в прошлом 735^м году он, с[ы]н мой, возвратно ис чужих краев приехал в Санкт Питербург и занемог жестокою болезнью горячкою, в которой и памяти лишился, и н[ы]не тому уже седмой м[е]с[я]ц бес памяти. А оным заложеным д[е]р[е]в[е]ням по закладным пришли сроки, а другим и минули, а для выкупу по тем закладным из д[е]р[е]в[е]нь ево, с[ы]на моего, продать или заложить при нем, с[ы]не моем, никак не возможно, ибо оно ево поверенное писмо о продаже и о закладе ево д[е]р[е]в[е]нь действо имело токмо при отлучке ево, а при нем по Вашим Императорскаго Величества Ука-

зом действия никакова иметь не может и ни х каким крепостям подписыватца не можно, а те заложенные д[е]р[е]вни по закладным записывают, а ныне уже и записали, отчего я и он, с[ы]н мой, пришли в немалое разорение, а у меня, нижайшей, и у него, с[ы]на моего, ближе по родству кроме /л. 272 об./ моего внука, а ево племянника, брата родного Федора Михайлова с[ы]на Аргамакова с[ы]на лейб гвардии Преображенского полку Сержанта Михайла Федорова с[ы]на, других никого нет, которому я за вышепоказанным крайним разорением для окупы тех долгов по закладным недвижимое свое и ево, с[ы]на своего, имение первого своего мужа, а ево, с[ы]на моего, отца, Генерала Крикс Камисара Михайла Михайловича Аргамакова в д[е]р[е]внях продажу иметь, и закладывать, и всякие зделки чинит[ь] верим ему, внуку моему, и впред[ь] о том от меня спору и челобитья не будет.

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Императрица, прошу В[а]шего Императорского Величества, да повелит державство ваше по сему моему нижайшему прошению вышепоказанное недвижимое ево, с[ы]на моего Алексея, имение оному внуку моему для окупы показанных долгов продавать и закладывать, чтоб нам, нижайшим, за невозможностью продажи и закладу д[е]р[е]в[е]нь ево, с[ы]на моего, для окупы тех долгов не притти в крайнее разорение.

Вашего Императорского Величества нижайшая раба Действительно Тайного Советника Графа Андрея Артемоновича Матвеева жена ево, вд[о]ва Графина Анастасия Ермилова доч. 1736^[10] году Апреля в ... де[нь] /л. 273/ К поданию надлежит Правительствующаго Сената в Канторе. К сему прошению Графина Настасья Матвеева руку приложила

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 738. Дела молодых лет. Дмитров.

Кн. 15119. Л. 272—273. Подлинник. Со слов

К сему до слова приложила — автограф. На л. 272 пометы: вверху слева № 18^н, на левом поле свяска, внизу 47. На л. 273 внизу пометы Слушано Апреля 12^[10] дня 1736 году. Слушано вторично Апреля 14^[10] дня 1736 году.

По л. 272, 273 на левом поле часть скрепы Сие дело- к отсылке-

58.

1736 г. АПРЕЛЯ 14. ПРОШЕНИЕ СЕРЖАНТА ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА М. Ф. АРГАМАКОВА СЕНАТСКОЙ
КОНТОРЕ О РАЗРЕШЕНИИ ЕМУ ПРОДАВАТЬ И ЗАКЛАДЫВАТЬ
РОДОВОЕ ИМЕНИЕ ЕГО ДЯДИ А. М. АРГАМАКОВА
В ДМИТРОВСКОМ УЕЗДЕ

/л. 274/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]-
р[ы]ня Императрица Анна Иоанновна, Самодержица Всероссийская.

Дядя мой родной, лейб гвардии Преображенского полку Прапорщик Алексей Михайлов с[ы]н Аргамаков, в 731^м году всем[и]л[о]стивейшим В[а]шего Императорского Величества Указом отпущен был в чужие краи для обучения на своем коште, а в небытность ево по поверенному от него, дяди моего, писму мать ево заимовала немалые д[е]нги, в которых закладовала родовые н[а]ши д[е]р[е]вни, и оной мой дядя в бытность свою в Петербурге болел горячкою, от которой болезни н[ы]не пришел в беспмятство, от которого беспмятства означенные н[а]ши родовые д[е]р[е]вни привел в просрочку. А по Указу блаженные и вечно достойныя памяти всем[и]л[о]стивейшаго Г[о]с[у]д[а]ря нашего Петра Перваго Императора велено безумных по свидетельству отдавать родственником и з д[е]р[е]внями в смотрение.

Всеми[л]остивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Императрица, прошу Вашего Императорского Величества, да повелит державство в[а]ше сие мое /л. 274 об./ прошение Правителствующего Сената в Кантору принять и означенного дядю моего освидетельствовать, а по свидетельству и по Указу отдать ево, дядю моего, в мое смотрение яко ближнему родственнику, а ради вышепоказанных долгов дяди моего повелеть мне В[а]шего Императорского Величества Указом д[е]р[е]вни н[а]ши родовые перекладовать и продавать для оплаты долгов, а до рассмотрения и учинения резолюции по сему моему челобитью чтоб не повелено было означенных н[а]ших родовых и жалованных д[е]р[е]в[е]нь по тем закладным ево записывать и перепродавать и отказывать, и чтоб оные н[а]ши д[е]р[е]вни из роду нашего в чужие роды не вышли напрасно.

Вашего Императорского Величества нижайший раб лейб гвардии Преображенского полку Сержант Михайла Федоров с[ы]н Аргамаков 1736^{г[о]} году Апреля в ... де[нь]. К поданию надлежит Правителствующаго Сената в Кантору. К сему прошению Михайла Аргамаков руку приложил

*РГАДА. Ф. 1209. Оп. 738. Дела молодых лет. Дмитров.
Кн. 15119. Л. 274—274 об. Подлинник. Со слов К сему до слова
приложил — автограф. На л. 274 об. внизу помета слышано Апреля
14^{г[о]} дня 1736 году. На левом поле л. 274 продолжение скрепы крепил.*

1736 г. АПРЕЛЯ 24. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЕНАТСКОЙ КОНТОРЫ
О ПЕРЕДАЧЕ РОДОВЫХ ИМЕНИЙ А. М. АРГАМАКОВА ВО ВРЕМЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ ЕГО МАТЕРИ ГР. А. Е. МАТВЕЕВОЙ И ПЛЕМЯННИКА
М. Ф. АРГАМАКОВА И О ВЫНЕСЕНИИ НА РАССМОТРЕНИЕ СЕНАТА
ВОПРОСА ОБ ОТРЕШЕНИИ А. М. АРГАМАКОВА ОТ НАСЛЕДСТВА

/л. 395/ 1736¹⁰¹ Апреля 12 дня по указу Ея Императорского Величества Правительствующаго Сената Кантора, слушав челобитье Действительно Тайного Советника Графа Андрея Артемоновича Матвеева жены ево, вд[о]вы Настас[ь]и, которым об[ъ]являет, что в 731^М году указом Ея Императорского Величества с[ы]н ее, лейб гвардии Преображенского полку Прапорщик Алексей Аргамаков уволен для наук в чужие края, где и был на своем коште по 735^М год, а по отъезде ево заимывала она по писму ево, с[ы]на своего, для переводу к нему немалые д[е]нги, в которых закладывала ево, с[ы]на своего, д[е]р[е]вни. И по приезде ево, с[ы]на ее, в Санкт Питер Бурх в 735^М году занемог он жестокою болезнью горячкою, в которой и ныне бес памяти, а оным заложенным д[е]р[е]вням по закладным пришли сроки, а другим и минули, а для выкупу по тем закладным из д[е]р[е]в[е]нь ево, с[ы]на ее, продать или заложить при нем, с[ы]не ее, никак не возможно; а те заложенные д[е]р[е]вни по закладным записывают, а иные уже и записали, отчего она и с[ы]н ее пришли в немалое разорение. А у ней и с[ы]на ее /л. 395 об./ ближе по родству, кроме ее внука, а с[ы]на ее племянника, брата родного [сына]^а, лейб гвардии Преображенского полку Сержанта Михаила Аргамакова, других никого нет, которому она за вышепоказанным разорением для окупы тех долгов по закладным недвижимое свое и с[ы]на ее имение после первого своего мужа, Генерала Крикс Камисара Михаила Аргамакова, в д[е]р[е]внях продажу иметь, и закладывать, и всякия зделки чинить верит ему, внуку своему, и просит она, вдова Графина Матвеева, чтоб вышепоказанное недвижимое с[ы]на ее имение для окупы означенных долгов продавать и закладывать оному внуку ее. А означенной лейб гвардии Преображенского полку Сержант Михайла Аргамаков прошением объявляет, что помянутой дядя ево Алексей Аргамаков от болезни пришел в беспмятство, от которого беспмятства и означенныя родовыя их д[е]р[е]вни привел в просрочку, а по указу бл[а]женныя и вечнодстойныя памяти Его Императорского Величества Петра Великого велено безумных по свидетельству отдавать родственником и з[а] д[е]р[е]внями в смотреение, /л. 396/ и просит, чтоб оногo дядю ево освидетельствовать, а по свидетельству отдать въ ево, Михайлово, смотреение яко ближнему родственнику, а ради вышеписанных долгов дяди ево повелено б было д[е]р[е]вни перезакладывать и продавать для оп-

^а В тексте пропущено.

латы долгов, а до рассмотрения и учинения резолюции чтоб не повелено было означенных родовых их и жалованных д[е]р[е]вень по тем закладным ево записывать, и перепродавать, и отказывать, чтоб оные их д[е]р[е]вни из роду их в чужие роды не вышли напрасно. А по указом 722 года Апреля 22 дня: велено о дураках подавать известие в Сенат, а в Сенате освидетельствовать, и буде по свидетельству явятца таковыя, что ни в науку, ни в службу не годятца, то д[е]р[е]в[е]нь наследственных и никаких за ними не справливать, а велеть ведать такие д[е]р[е]вни по приказной записке и их, негодных, с тех д[е]р[е]в[е]нь кормить и снабдевать ближним родственником; 723 Октября 29^{10]} дня: помянутых дураков свидетельствовать в Сенате таким образом: спрашивать их пред собою о всяком домовном состоянии, как бы мочно умному ч[е]л[о]в[е]ку ответ в том учинить, и ежели по вопросу отповеди учинить не может, а станет инако о том говорить, то можно ис того дурачество познать. И во исполнение тех Ея Императорского Величества указов /л. 396 об./ оной Аргамаков представлен Правительствующаго Сената в Канторе и пред собранием по силе помянутого 723 году указу о всяком домовном состоянии спрашиван, и по тем вопросом он, Алексей Аргамаков, собранию ответствовал. Притом от собрания ему, Алексею Аргамакову, говорено, что мать ево, Графиня Настас[ъ]я Матвеева, поданным своим в Сенатскую Кантору прошением об[ъ]являет, что он, Алексей Аргамаков, от учинившейся жестокой горячки памяти лишился, а в деревнях, кои в небытность ево оная мать ево, Графиня, по писму ево, Алексея Аргамакова, для переводу к нему д[е]н[е]г заложила, и н[ы]не пришли сроки, а другим и минули, и просит, чтоб за тою ево, Алексеевою, болезнию для окупу тех долгов продажу иметь, и закладывать, и всякие зделки позволить чинить по близости внуку ее, а ево, Алексееву, племяннику, Михаилу Аргамакову. И для того чтена означенная Графины Настас[ъ]и Матвеевой челобитная, и от собрания он, Алексей Аргамаков, спрашиван, может ли он о тех д[е]р[е]внях /л. 397/ для окупу тех долгов продажу иметь, и закладывать, и зделки чинить сам. И он, Аргамаков, собранию доносил, что по выезде своем ис чужих краев в Санкт Питер Бурхе лежал он жестокою горячкою, от которой ни руками, ни ногами действовать не мог, а память с ним и тогда была, а н[ы]не от той болезни свободился и находитца в памяти, токмо еще в здоровье слаб; а д[е]р[е]в[е]нь своих при себе содержать не желает, понеже от них никаких прибытков, кроме разорения, не признавает и ис тех своих д[е]р[е]в[е]нь половину уступает показанному племяннику своему, Михаилу Аргамакову, и продажу, и закладывание тем своим д[е]р[е]вням, и всякие зделки чинить ему, племяннику своему, он верит. От собрания ему, Алексею Аргамакову, говорено: ежели ему без деревень своих быть, то чем может себя содержать⁶ и пропитание иметь. И он, Аргамаков,

---

⁶ Исправлено из се...

собранию доносил: будучи де он за морем, в Женеве, обучался Математике^в, Юрис пруденции, Хирургии и Анатомии, и по искусству оной науки своей имеет он склонность быть /л. 397 об./ в службе доктурской, отчего может без всяких хлопот, как н[ы]не от д[е]р[е]в[е]нь приходят немалые убытки, пропитание и содержание свое иметь, к тому ж он по науке своей в Женеве во Академии по искусству наук своих может акциденции получать, как тем и многия по наукам своим доволствуютца. От собрания ему, Аргамакову, говорено: хотя он от содержания д[е]р[е]в[е]нь своих и отрицаетца, токмо от владения ево, настоящего наследника, отрешать не надлежит, но в случаи ежели он из д[е]р[е]в[е]нь своих продавать или кому перезакладывать пожелает, то ему к тем крепостям руку прикладывать обще с помянутым племянником своим, Михаилом Аргамаковым. Собранию он, Алексей, доносил, что он тем Правителствующаго Сената Канторы собрания приказанием доволен и ему, племяннику своему, верит. Потому, довольно разсуждая, что хотя оной Аргамаков таким дураком (каковых по указу 722^[6] году велено лишать наследия) и не признаетца, /л. 398/ но для того сумнения, что он, чрез такая притчины отрицаясь владение д[е]р[е]в[е]нь, обнадеживает себя содержать кроме д[е]р[е]в[е]нь по искусству своих наук, а прямо ли он в практике тех наук состоит или нет, о том неизвестно, того ради от собрания доктору Детелсу приказано с ним, Аргамаковым, о науках ево и состоянии довольно спрашивать и что из розговоров ево усмотрит, о том Правителствующаго Сената в Кантору подать ему писменное известие. А доктор Детелс сего Апреля 16 дня об[ъ]явил: ко означенному Алексею Аргамакову в дом он ездил, и он, Аргамаков, по приезде ево в дом принял ево как надлежит, и был он, доктор, у него, Аргамакова, в доме часа с четыре и на вопросы ево отвечивал он, Аргамаков, так, как умному и ученому ч[е]л[о]в[е]ку надлежит. Притом же он, Аргамаков, помешкав немалое время, осердяс[ь], взяв бутылку с питьем и бросил в свойственника своего, которая и розбилас[ь], а потом, взяв стакан хрустальной, бросил же в другаго /л. 398 об./ свойственника ж своего. И он, доктор, спрашивал ево, Аргамакова, что у него кзымз в полате вымаран чернилами. И он, Аргамаков, ему отвечивал: оной де кзымз он вымарал для того, чтоб поутин и пыли не было. Потом по вопросом ево отвечивал изрядно так, как умному ч[е]л[о]в[е]ку надлежит, памятно. Притом же он, Аргамаков, говорил не о настоящих делах, о которых с ним, доктором, имелис[ь] розговоры, но с некоторым помешательством, инако, а не о том, что на вопросы надлежало ему отвечать; и потому видимо есть, что он, Аргамаков, находитца в меленколичной болезни, а она ево меленколия после ль ево болезни, или от печали, или^г от

^в Исправлено из Матемак...

^г Исправлено из и от.

великого прилежания к науке учинилас[ь] ему, Аргамакову, того подлинно познать невозможно. Того ради приказали: в Санкт Питербурх в Правительствующий Сенат сообщить ведение с таким представлением, что, по разсуждению Сенатской Канторы, /л. 399/ для опасности, дабы те ево, Аргамакова, д[е]р[е]вни чрез такие ево несостоятельныя слова и поступку в раззорение и в последнее истощание, а закладом в просрочку и в перепродажу не пришли, покамест он в совершенное состояние притить может, надлежит оные отдать матере ево, Алексеевой, Графине Настас[ь]е Матвеевой, да родственнику ево ж, Алексею, племяннику родному, означенному Михаилу Аргамакову, которые для выкупу перезакладывать или продавать и х крепостям руки прикладывать ей, Графине Настас[ь]е Матвеевой, с показанным внуком своим, Михаилом Аргамаковым, обще, а одному ему, Михаилу, бес позволения показанной бабки своей, а дяди ево, Алексея Аргамакова, матери, Графины Настас[ь]и Матвеевой, тех д[е]р[е]в[е]нь не закладывать, и не продавать, и ни во что одному не вступатца, ибо мать ево и прежде от самого ево, Аргамакова, была в продаже и в закладе ево д[е]р[е]в[е]нь одна поверенною. А понеже таких, кои от болезни в беспмятство приходят, чтоб от наследства отрешать, точног[о] указу не имеется, а оной Алексей Аргамаков хотя и находитца в таком несостоянии и в меленколии, но от природы не дурак, того ради о том точного решения Сенатской Канторе без общаго Правительствующаго Сената разсуждения учинить сумнительно и о том требовать их, Правительствующаго /л. 399 об./ Сената определения и сообщения и для того показанного Михаила Аргамакова в Сенатской Канторе обязать писменно, дабы он о том ис Правительствующаго Сената указ исходатайствовал конечно от сего числа в два м[е]с[я]ца, понеже как ис того видно, что ему, Аргамакову, по состоянию своему самому от просрочки тех своих д[е]р[е]в[е]нь удержать не можно, того ради до получения ис Правительствующаго Сената определения, дабы от такого случая ему, Аргамакову, и дому ево не впасть в крайнее раззорение, послать в Вотчинную Колегию и в Юстиц Кантору из Сенатской Канторы Ея Императорского Величества указы, велеть для росплаты тех долгов, за которые мать ево, Графина Матвеева, по поверенным ево, с[ы]на своего, писмам закладывала д[е]р[е]вни, дать позволение для выкупу их перезаложить или продать ей, Графине, самой с тем племянником ево, Михаилом Аргамаковым, настолко суммою, сколько тех долгов имеетца, а которые д[е]р[е]вни просрочены, те выкупать им по Уложению и указом.

Граф Семен Салтыков
Кн[язь] Иван Борятинский
Михайла Волков
Обер Секретарь Аврам Сверчков

Приложение

РГАДА. Ф. 248. Оп. 92. Кн. 7538. Л. 395—399 об. Подлинник.
Внизу л. 399 об. слева помета Подписан Апреля 24го дня 1736 году.

60.

1751 г. июля 16. ПРОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ О РАЗРЕШЕНИИ
ЕМУ РУБИТЬ ЛЕС ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ
ДЛЯ ЗАВЕДЕННОЙ ИМ ПОЛОТНЯНОЙ ФАБРИКИ

/л. 1/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня
Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская,
Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Всем[и]л[о]стивейшая.

Бьет челом Колежской Советник Алексей Михайлов с[ы]н Аргамаков, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

Позволено мне от Мануфактур Коллегии в собственной моей вотчине в Арзамаском уезде в селе Успенском парусную и полотняную фабрику завести, которую и произвожу, и ко оной н[ы]не необходимо потребно на дело инструментов из имеющагося в моих дачах вблизи той фабрики лесу вырубить дубовых, кленовых и вязовых по двести деревьев с заклепанием указного клейма, а близ тех моих дач водяной коммуникации не токмо больших, но и малых рек нет, но в дальном и неуказном расстоянии, а понеже бес такого лесу та мая фабрика до совершенного размножения совершенства достигнуть не может. К сему прошению

2.

А по Указу 1719го году Июня 27го дня повелено во всем Государстве заповедных лесов, которые годны к корабельному строению, а имянно: дубу, илему, и вязу, и толстой сосны, от больших рек в стороны по пятидесят верст, /л. 1 об./ а от малых, которые [в те] большие реки впали, а плавному ходу по ним быть можно в сторону по дватцати верст, отнюд[ь] никому ни на какие нужды не рубить, а толко ис тех лесов рубит[ь] дозволено для необходимых своих нужд с указным заклепанием тех правинцей, в которых те леса обстоят; Да по имянному 723го году Ноября 6го дня Указу между прочим по 2^{му} пункту повелено: в мануфактурных делах не предложением одним (как то чинитца там, где уже и обыкло, а не так как н[ы]не делаетца: заведя, да не осно-

вав, оставят, как недавно каламинковой завод за одною машиною с медными ролами совершенства своего достигнуть не может) делать, но и принуждать и вспомогать наставлением, машинами и всякими способами и яко добрым Экономом быть. А по инструкции валтмейстерской леса к фабрикам рубит[ь] позволено, но токмо Валтмейстер такова лесу рубит[ь] запрещает. А л е к с е й

И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было сие мое прошение в Г[о]с[у]д[а]рственной Мануфактур Коллегии принять, и показанное число на инструменты лесу рубить дозволить, и о заклеянии онного ко обретающемуся в Арзамаской Правинциальной Канцелярии Валтмейстеру послать Указ, и о том в Адмиралтерскую Коллегию за известие сообщить. А р г а м а к о в

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинит[ь]. Июля ...^[10] дня 1751^[10] году. К поданию надлежит в Г[о]с[у]д[а]рственной Мануфактур Коллегии. Прощение писал оной же Коллегии Советника Алексея Михайловича Аргамакова служител[ь] Иван Журавлев. руку приложил

РГАДА. Ф. 277. Оп. 7. Д. 1011. Л. 1—1 об. Подлинник.

Слова, напечатанные разреженным шрифтом, — автограф.

На л. 1 пометы: вверху № 10163?. Подана Июля [16 дня 1751 го]да.

Записав, доложить, внизу № 739. На л. 1 об. внизу помета Слушано

Июля 16^[10] дня 1751^[10] году. На л. 1 части скреп: на левом поле

К отсылке-, справа ниже 1-го пункта к отдаче в архив крепил.

61.

1755 г. мая 12. ПРОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА,
ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА
МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ О РАЗРЕШЕНИИ ЗАКРЫТЬ ПОЛОТНЯНУЮ
ФАБРИКУ В АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ

/л. 1/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская, Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Всем[и]л[о]стивейшая.

Бьет челом Г[о]с[у]д[а]рственной Мануфактур Коллегии Советник и Московского Императорскаго Уневерситета Директор Алексей Аргамаков, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

В прошлом 1749^м году позволено мне от оной Коллегии производить полотняную фабрику, которую дон[ы]не и производил. К с е м у

2.

А н[ы]не по Высочайшему Ея Императорскаго Величества Указу в Московском Императорском Уневерситете, так и по Мастерской и Оружейной Полате имею порученныя мне дела и за оными над тою фабрикою смотрения иметь некогда и производить невозможно. проше-

И дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества Указом повелено было сие мое прошение в Г[о]с[у]д[а]р[с]твенную Манифактур Коллегию принять и от произвождения вышеоб[ъ]явленной фабрики меня /л. 1 об./ уволить и оную из реэстра выключить, а имеющиеся во оной инструменты и готовые материалы, також и зделанныя товары, кто пожелает купить, дозволить мне продать; и о том в Арзамаскую Правинциалную Канцелярию за известие послать Указ. нию

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня, прошу Вашего Имераторскаго Величества о сем моем прошении решение учинить. Маия ...^{10]} дня 1755 году. К поданию надлежит в Г[о]с[у]д[а]р[с]твенную Манифактур Коллегию. Прощение писал оной же Коллегии Титулярный Коллегии Юнкер Петр Усталков. Алексей Аргамаков руку приложил

РГАДА. Ф. 277. Оп. 4. Д. 556. Л. 1—1 об. Подлинник.

Слова, напечатанные разреженным шрифтом, — автограф.

На л. 1 пометы: вверху № 585. Подана Маия 12 дня 1755 году.

Записав, выписать, ниже № 1786 (зачеркнуто). № 48 (зачеркнуто),

на левом поле № 65, ниже № 1077, ниже зачеркнуто № 500.

На л. 1 об. внизу помета Слушана Маия 12 дня 1755 году.

На л. 1 на левом поле части скреп Секре-, Секретарь-

62.

1755 Г. МАЯ, [МЕЖДУ 12 И 24]. СПРАВКА МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ
О ПОЛОТНЯНОЙ ФАБРИКЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
А. М. АРГАМАКОВА В С. УСПЕНСКОМ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА

/л. 2/ А по справке в Г[о]с[у]д[а]р[с]твенной Манифактур Коллегии:

В прошлом 1749^м году Октября 30^{10]} дня по определению оной Коллегии и по данному Г[о]с[по]дину Советнику Аргамакову ^ас прочетом Указу^а велено в Арзамаском уезде в собственном ево селе Успенском з деревнями парусную, каламиночную и протчих полотен, которые делаютца ис пенки и лну, фабрику собственным же ево коштом и мастеровыми и работными людми для домового ево расхода завезть, а ежели от

---

^{а—а} Вставлено слева на полях.

того ево домового росходу оставатца будут какие полотна, оные продавать ему в России и к портам отпускать с платежем указных пошлин.

А Июля 4^{г[о]} дня 1754 году поданною от него, Г[о]с[по]дина Советника Аргамакова, ведомостью об[ъ]явлено, что та ево фабрика действием началас[ь] в прошлом 750^м году с Генваря м[е]с[я]ца и н[ы]не де работа производитца в пяти деревянных светлицах^б на 40 станах, а под сараем в роле лощение полотен.

3 сновалны, 110 прялок на пенковую пряжу, 50 на лняную, 120 берд разных сортов, 14 берд тростяных, 24 щети железных, что пенку чешут, 180 челнаков, двои редки железных, которыми^в основы навивают, 100 щеток шлихтовальных, 2 жома, чем /л. 2 об./ пряжу жмут, 2 машины, которыми горячей шолак на пряжу ис котлов выливают, 1 винт, в котором куски связывают.

Материалов^г находитца по числу вышеписанных станов довольно, мастеровые и работные люди из собственных ево крестьян. Н[ы]нешняго 754 году з Генваря по Июль м[е]с[я]ц на той ево фабрике выткано парусов 220^{тб} кусков, которыя отпущены в Санкт Петербурх для продажи, а по какой цене будут продаваны, о том во оную Коллегию впред[ь] репортовать будет.

А по присланным ис Правительствующаго Сената во оную Коллегию Указам велено ж:

По 1^{му}, Августа 31^{г[о]} 754^{г[о]}

У сочинения по Мастерской и Оружейной Полате к новому Уложению пунктов быть ему, Господину Советнику Аргамакову.

По 2^{му}, Февраля 6^{г[о]} чисел сего 755^{г[о]} годов

В Московском Императорском Уневерситете быть же ему, Господину Советнику, Директором.

Ефим Навроцкой
Канцелярист Михайло Федотов

*РГАДА. Ф. 277. Оп. 4. Д. 556. Л. 2—2 об. Подлинник.
На л. 2 на левом поле внизу помета № 78. На л. 2 об. внизу между подписями помета Слушана Маия 24 д[ня] 1755 года.
На л. 1 на левом поле продолжение скреп тарь-, Иван-. Дата принимается между 12 и 24 мая 1755 г. — датами подачи прошения и слушания.*

^б Далее взято в квадратные скобки вместо вычеркивания парусная.

^в Далее взято в квадратные скобки вместо вычеркивания которыми.

^г Далее взято в квадратные скобки вместо вычеркивания н[ы]не.

63.

1755 г. АВГУСТА 25. ЗАПИСЬ КУПЧЕЙ НА ПРОДАЖУ
КОЛЛЕЖСКИМ СОВЕТНИКОМ И ДИРЕКТОРОМ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВЫМ
ПРЕЗИДЕНТУ КОММЕРЦ-КОЛЛЕГИИ Я. М. ЕВРЕИНОВУ
ДВОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА С. П. НЕЧАЕВА С ЖЕНОЙ

/с. 825/

601.

Лета тысяща семь сот пятьдесят пятого Августа в дватцать пятый день Калежской Советник и Московского Императорскаго Уневерсита Директор Алексей Михайлов с[ы]н Аргамаков, в роде своем не последней, продал он Г[о]с[у]д[а]рьственной Камерц Колегии Президенту Якову Матвееву с[ы]ну Евреенову, жене ево и детям двороваго своего ч[е]л[о]в[е]ка Степана Петрова с[ы]на Нечаева и з женою ево. А тот ево дворовой ч[е]л[о]в[е]к по н[ы]нешней ревизии в подушном окладе положен за ним, Алексеем, в Арзамаской ево вотчине селе Успенском, за которого ч[е]л[о]в[е]ка и з женою ево взял он, Алексей, у него, Якова, /с. 826/ денег десять рублей. А за того ч[е]л[о]в[е]ка подушныя д[е]нги и протчие казенные поборы до будущей ревизии платит[ь] ему, Якову, которые присылать в дом ево. А в будущую новую ревизию написать ево, Нечаева, ему, Якову, за собою. К той купчей он, продавец, сам и свидетели Капитан Григорей Гаврилов с[ы]н Бедарев, Капитан Матвей Иванов с[ы]н Ладыженской руки приложили. Писал Александр Антонов. Записал Матвей Куликов. Запрещения нет. Пошлин рубль, от писма десять, от записки три копейки, на расход три чети принел и совершил Антон Петров Августа в 25 де[нь]. К сей записке Комерц Коллегии Камисар Никита Андреев по поверенному об[ъ]явленного Президента Господина Евреинова писму руку приложил. К сей записке Алексей Аргамаков руку приложил, а подленую купчею к себе взял того ж числа.

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 576. С. 825—826. Подлинник. Подписи — автографы. Из: Книга рядная повесть Надсмотрщика Антона Петрова 1755 г.

1756 г. января 20. ЗАПИСЬ ЗАКЛАДНОЙ О ЗАЙМЕ
ГР. А. Е. МАТВЕЕВОЙ И КОЛЛЕЖСКИМ СОВЕТНИКОМ И ДИРЕКТОРОМ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВЫМ
У ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА
БАР. Н. Г. СТРОГАНОВА 4400 РУБ. СЕРЕБРОМ ПОД ЗАКЛАД ИМЕНИЯ
С. УСПЕНСКОГО И Д. КРУТЕЦ С УГОДЬЯМИ И ПРОЧИМ
ИЧАЛОВСКОГО СТАНА АРЗАМАССКОГО УЕЗДА

/с. 198/ 67. Лета тысяща седмьсот пядьдесят шестаго Генваря в двадесятый день вдовствующая Тайного Действительного Советника Графа Андрея Артамоновича Матвеева жена ево, Графиня Настасья Ермилова дочь, с с[ы]ном своим, Колежским Советником и Московского Университета Директором Алексеем Михайловым с[ы]ном Аргамаковым, в роде своем не последние, занели они, она Графиня /с. 199/ Настасья Матвеева, и он, Алексей Михайлов с[ы]н Аргамаков, у Стацкого Действительного Советника и ординов Святаго Александр и Святыя Анны Ковалера Барона Николая Григорьевича Строгонова д[е]н[е]г серебряною рублевою манетою четыре тысящи четьреста рублей, и с той суммы заплатили они ему, Барону Г[о]с[по]д[и]ну Строгонову, в год по шти процентов с рубля, всего двести шездесят четьре рубли, впред[ь] до сроку будущаго тысяща седмьсот пядьдесят седмаго году Генваря до вышеписанного числа. А в тех д[е]нгах до того сроку заложили они ему, Барону Николаю, она, Графиня, доставшееся ей после перваго мужа ее, Михаила Михайловича Аргамакова, недвижимого имения указную часть, а он, Алексей, после отца своего наследственное недвижимое имение в Арзамасском уезде в Бчаловском стану село Успенское да деревню Крутцы и с отхожими к тому селу Успенскому и к деревне Крутцу пустошми, /с. 200/ и с прудами, и с садами, и с озеры, и с рыбными ловли, и с мельницы. А в том селе Успенском и деревне Крутце по минувшей последней ревизии и по подушному окладу мужеска полу людей и крестьян пядьсот шездесят четьре д[у]ши, а четьртыня пашни земли в селе Успенском четьреста пядьдесят четьртей, а в деревне Крутце двести четьртей в поле, а в дву потому ж. И что явитца за ними и сверх того по дачам и по писцовым кн[и]гам с лесы и с санными покосы и со всеми угод[ь]и, також и вновь после ревизии мужеска и женска полу в том селе и деревне Крутце породилось и жителство имеет, а тех людей и крестьян з женами, и з детми, и со внучаты, з зятьями, з братьями, и с племянники, и с приимыши по писцовым же и переписным старым и новым и отказным кн[и]гам и по генералитецкой ревизии и по всяким нашим крепостям и зделкам и з беглыми ис того недвижимого /с. 201/ имения людми и крестьяны, которыя бежали до сей закладной из за прежних владелцов и из за них, и с пожилыми за них годами и с отвоз-

ными подводами, не оставляя себе в том селе Успенском и в деревне Крутце как наличных, так и беглых людей и крестьян мужеска и женска полу ни единыя д[у]ши; а четвертную пашню с лесы, и с санными покосы, и со всеми угод[ь]и, и с усадебными местами, с мельницами и с рыбными ловли по писцовым же и межевым и отказным кн[и]гам и по всяким нашим крепостям и по дачам, не оставляя они себе в том вышеписанном недвижимом имении земель и лесов и санных покосов и отхожих пустошей и всяких угодей ничего, и со всяким их дворовым, и хоромным, и огуменным строением, и со всякими заводами и скотским и с конским, и с хлебом стоячим и молоченым и в земле посеенным,^а и со всякими люцкими и крест[ь]янскими пожитки, и с хоромным же и огуменным строением, и с хлебом стоячим и молоченым и в земле посеенным^а, и с лошадми, и с пчелниками и со пчелами, не выключая они, она, Графиня Настас[ь]я Матвеева, и он, Алексей /с. 202/ Аргамаков, ис того вышеписанного недвижимаго имения себе ничего, к той закладной они, заимщица и заимщик, сами и свидетели Коломенского полку Прапорщик Иван Артемьев с[ы]н Хотяинцов, того ж полку Подпоруччик Макар Иванов с[ы]н Иванов, того ж полку Прапорщик Афонасей Иванов с[ы]н Иванов, того ж полку Прапорщик Михайла Иванов с[ы]н Белого, Бутырского полку Подпоруччик Лев Петров с[ы]н Бутурлин, артиллерии Аудитор Василей Васил[ь]ев с[ы]н Левин, от армии Капитан Михайла Михайлов с[ы]н Аврамов, Подпоруччик и Московской Губернской Канцелярии Камисар Андрей Васил[ь]ев с[ы]н^б Непейцын, Калежской Советник Петр Иванов с[ы]н Лопухин, Капитан Алексей Иванов с[ы]н Пятов, Канцелярии Кофискации Камисар Алексей Андреев с[ы]н Игнатъев, Маэор Алексей Васил[ь]ев с[ы]н Семенов, Лейб Гвардии Капитан Михайла /с. 203/ Федоров с[ы]н Аргамаков, Секунд Маэор Алексей Михайлов с[ы]н Маслов руки приложили. Писал и записал Федор Михайлов. Запрещения нет. На подлинной закладной помета такова: Совершить по указу, Секретарь Алексей Протопопов. От писма четыре рубли сорок копеек, от записки десять копеек, на расход две копейки с чет[ь]ю принял Надсмотрщик Прохор Благадацков Генваря в 20 де[нь], а совершил Генваря ж в 22 де[нь]. К сей записке Барон Николай Строганов руку приложил. К сей записке Графина Настасия Матвеева руку приложила и закладную с сыном Алексеем к себе взяли. Алексей Аргамаков руку приложил и подлинную закладную к себе взял того ж Генваря двадесят пятого дня.

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 733. С. 198—203. Подлинник. Подписи — автографы. Из: Кн[и]га записная вотчинная в закладе вотчин и вотчинных земель с людми и со крестьяны и в закладе вотчинных крестьян

^{а—а} Вставлено на левом поле.

^б Вставлено в строку более мелким почерком.

без земли повыт[ь]я Надсмотрщика Прохора Благодацкова 1756^[10] года. По с. 199, 201, 203 на полях справа часть скрепы Се-кре-та-, на с. 201 внизу на левом поле часть скрепы К сей записке.

65.

1756 Г. ФЕВРАЛЯ 19. ЗАПИСЬ ЗАКЛАДНОЙ О ЗАЙМЕ КОЛЛЕЖСКИМ СОВЕТНИКОМ И ДИРЕКТОРОМ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВЫМ У ПОДПОЛКОВНИКА И. А. КИСЕЛЕВА 3000 РУБ. СЕРЕБРОМ ПОД ЗАКЛАД ИМЕНИЯ С. ХОЗИНО С УГОДЬЯМИ И ПРОЧИМ ИЧАЛОВСКОГО СТАНА АРЗАМАССКОГО УЕЗДА

/с. 635/

223.

Лета тысяща семь сот пятьдесят шестаго Февраля в девятый на десят день Колежской Советник и Московского Императорскаго Университета Директор Алексей Михайлов с[ы]н Аргамаков, в роде своем не последней, занел он, Алексей, у Подполковника Ивана Алексеева с[ы]на Киселева впред[ь] до сроку будущаго тысяща семь сот пятьдесят седмаго году Февраля до вышеписанного числа серебряною ходячею манетою денег три тысячи рублей, а с той суммы заплатил он, Алексей Аргамаков, ему, Ивану Киселеву, в год по шти процентов с рубля, всего сто восемьдесят рублей. А в тех д[е]нгах до того сроку заложил он, Алексей Аргамаков, /с. 636/ ему, Ивану Киселеву, и жене ево, и детям, и наследником их недвижимое собственное имение в Арзамаском уезде в Ычаловском стану село Хозино. А в том ево недвижимом имени по н[ы]нешней новой ревизи людей и крест[ь]ян мужеска полу двести четырнатцат[ь] д[у]ш, а четвертныя пашни триста пятьдесят четвертей в поле, а в дву потому ж. И что сверх того по дачам за ним ко оному селу явитца с лесы и с санными покосы и со всеми угод[ь]и, а люди и крестьяня з женами и з детми, з брат[ь]ями, и с племянники, и со внучаты, и с приимыши, и с новорожденными, которья после подания в н[ы]нешней ревизи сказок родилис[ь], и с помещиковою и крестьянскою мелкою и рогатою скотиною, и с лошадми, и с хлебом стоячим и молоченым и в земле посеянным помещиковым и крестьянским, и со всяким заводом помещиковым же и крестьянским, дворовым и хоромным строением; и которья люди и крест[ь]яня ис того ево вышеписанного недвижимого имения бежали в прошлых годах прежде сей закладной, хотя и до подушной переписи, и тех людей и крестьян с пожилыми за них денгами, включаю в сию ж закладную. А во оном ево недвижимом имени в вышеписанном уезде четвертная пашня по дачам, и по писцовым кн[и]гам, и по купчим, и по всяким крепостям и зделкам, а люди и крест[ь]яня по

переписным, и отказным, и по другим всяким же кн[и]гам и по прежней и по н[ы]нешней ревизиях, не оставляя за собою в том вышеписанном недвижимом имени людей и крестьян мужеска и женска полу ни единые д[у]ши, а четвертные пашни и всяких угодей ни единого четверика, все без остатку. К той закладной он, заимщик, сам и свидетели Берг Коллеги Прокурор Григорей Алексеев с[ы]н Дубенской, Колежской Советник Иван Игнат[ъ]ев с[ы]н Аргамаков, Секунд Маэор Княз[ъ] Аврам Княж Михайлов с[ы]н Волконской, от армии /с. 637/ Генерал Маэор Княз[ъ] Михаила Княж Никитин с[ы]н Волконской, Троицкого пехотного полку Поручик Князь Алексей Княж Иванов с[ы]н Колцов Масалской, Секунд Маэор Княз[ъ] Иван Княж Михайлов с[ы]н Колцов Масалской, Ассесор Федор Богданов с[ы]н Родионов, Граф Николай Александров с[ы]н Головин, Шлютелбургского пехотного полку Секунд Маэор Василей Иванов с[ы]н Пашков, Генерал Маэор Иван Семенов с[ы]н Пашков, Санктпитебургского пехотного полку Поручик Федор Александров с[ы]н Еропкин, Полковник Иван Иванов с[ы]н Посников, Подполковник Княз[ъ] Дмитрий Княж Васил[ъ]ев с[ы]н Голицын, Астраханского пехотного полку Полковник Княз[ъ] Иван Княж Андреев с[ы]н Вяземской руки приложили. Писал и записал Матвей Шишинторов. Запрещения нет. На подлинной закладной помета такова: Совершит[ъ] по указу, Секретар[ъ] Алексей Протопопов. От писма три рубли, от записки десят[ъ] копеек, на расход копейка три четверти принял и совершил Надсмотрщик Прохор Благадацков Февраля в 19 де[нь]. К сей записке Подполковник Иван Киселев руку приложил. К сей записке Алексей Аргамаков руку приложил, а закладную к себе взял того ж числа.

РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 733. С. 635—637. Подлинник. Подписи — автографы. По с. 635, 637 на полях справа часть скрепы по- вы-

66.

1757 г. янвАря 15. ПРОШЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОГО СОВЕТНИКА
И ДИРЕКТОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА А. М. АРГАМАКОВА
СЕНАТУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ЕМУ ИМЕНИЯ
С. ГОРКИ ДМИТРОВСКОГО УЕЗДА

/л. 1/ Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Императрица Елисавет Петровна, Самодержица Всероссийская, Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня Всем[и]л[о]стивейшая.

Бьет челом Колежской Советник и Императорскаго Московского Университета Директор Алексей Михайлов сын Аргамаков, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

В 1731^м году имянным блаженныя и вечно достойныя памяти Г[о]с[у]д[а]р[ы]ни Императрицы Анны Иоанновны Указом в бытность мою в лейб гвардии Прапорщиком уволен был я для наук в чюжия краи, а по отбытии моем оставшей мой московской дом и состоящие в разных уездах д[е]р[е]вни в полном управлении и власти были покойной матери моей Графини Настасьи Ермиловны, по втором ее муже Графа Андреевой жене Артемоновича Матвеева, чем она, мать моя, и владела и подлежащая с тех д[е]р[е]в[е]нь доходы были в полной ее власти. И при от[ъ]езде /л. 1 об./ изтребовала от меня поверенное письмо закладывать и продовать д[е]р[е]вни во время нужных случаев, по которому и закладываны были. Но когда уже возвратился, оное письмо при мне было бездействительно. К с ей

2.

А в 736^м году по возвращении моем из чюжих краев племянник мой родной бывшей тогда в лейб гвардии Сержант, что Капитаном отставлен, Михайла Федоров сын Аргамаков, поданным в Москву в Сенатскую Кантору челобит[ь]ем, об[ъ]являя меня безумным, просил об отдаче ему тех моих д[е]р[е]в[е]нь в полную себе власть и смотрение и будго для заплаты заемных по от[ъ]езде моем матер[ь]ю моею долгов требовал в продаже и в заклад оных дозволения, к чему и мать мою подачею такового ж челобитья склонил, и по тем их прошениям я, именованны, в Сенатскую Кантору был призван, где по свидетелству никакого во мне дурачества и безумства не явилось. И хотя в собрании той Канторы по бывшему тогда слабому моему здоровью толко от смотрения тех д[е]р[е]в[е]нь отрицался и продожу и заклад и всякия зделки позволяя ему, племяннику /л. 2/ моему, яко ближнему родственнику, но с таким от тоя Сенатской Канторы обнадеживанием, ежели в случае из деревень моих собственно что либо я продовать или закладывать пожелаю, чтоб к тем крепостям ему, племяннику моему, руку прикладывать со мною обще, чем будучи я доволен, и об[ъ]явил, что в том ему верю. Но он, племянник мой, не удовлетвуяс[ь] тем и изыскивая к овладению тех моих д[е]р[е]в[е]нь ближайшаго себе способа, исходатайствовал, дабы я освидетелствован был доктором Детелсом, почему и определено, но и от него, доктора, Сенатской Канторе писменно об[ъ]явлено, что он безумства не находит, кроме печали и меланхолии. ч е л о б и т н о й

3.

И вследствие тех показуемых обо мне от доктора болезней та Кантора, написав во определении своем имянно, чтоб таких, кои от болезни

в беспамятство приходят, от наследства отрешать точного указу нет и что я имянованный, от природы не дурак, и причтя оно^а за безумство и показывая, что за тем без общаго Правительствующаго Сената разсуждения точного решения учинить /л. 2 об./ невозможно, того ради сообщенным в Сенат ведением присуждала, покамест я в совершенное состояние притти могу, все мои д[е]р[е]вни отдать матери и оному племяннику моему Михайле Аргамакову и для выкупу закладывать или продавать и х крепостям руки прикладывать ей, матери моей, с ним, племянником моим, оставя свое прежнее о рукоприкладстве мне обще разсуждение, а потом, и не обождав на сообщенное в Сенат ведение надлежащаго от Правительствующаго Сената решения, посланными в Вотчинную Коллегию и в Юстиц Кантору указами определила ж для расплаты долгов, за которыя мать моя яко по поверенным от меня писмам закладывала д[е]р[е]вни, дать позволение для выкупу перезоложить или продать ей же, матери моей, с ним, племянником моим, на столко суммою, сколько тех долгов, не требуя ж моего в том общаго согласия и к тем руку прикладства. Коллежской Советник

4.

По тому Сенатской Канторы определению оной племянник мой, будучи тем обнадежен, не обождав же /л. 3/ по посланному в Сенат ведению определения и не показав, сколько на мне и чьих имянно было долгов, а притом от Вотчинной Коллегии и от Юстиц Канторы не истребовав на то в продаже и в закладе дозволения, но^б собою в противность уложенного 17 главы 35 пункта из недвижимаго моего самую лутчую подмосковную вотчину в Дмитровском уезде, где н[ы]не состоит до четырех сот душ, весьма за малую цену, то есть за четыре тысячи рублей, продал Маэору Даниле Янкову, к чему рукоприкладством и мать мою склонил. Но в той купчей, на что б имянно те д[е]р[е]вни были проданы и на уплату ль долгов, того не имяновано ж, почему без всякого от меня дозволения и не требуя ж на то собственного моего подтверждения то мое имение определением Вотчинной Коллегии за ним, Янковым, справлено и отказано неправильно. А л е к с е й

5.

И как скоро я о сей неправильной продаже уведомился, то тогда ж, не пропуская указного сроку, /л. 3 об./ по свободе от болезни поданным в Сенатской же Канторы челобитьем просил, что на все мои д[е]р[е]вни крепости писать мне самому, а которые не токмо б им, племянником моим, были проданы, но и те б, кои по поверенному от меня писму ма-

---

^а В тексте оноз.

^б В тексте на.

тер[ъ]ю мою заложены и в болезнь мою по просрочке записаны и перезаложены в другия руки против закладов вдвое и более суммою, дозволить мне выкупить по закладной матери моей, к чему как он, племянник мой, так и мать моя, ниже упоминая о показанной Янкову продаже, подписалис же, чем и прошение мое о возврате всех моих д[е]р[е]в[е]нь по прежнему утвердили, и посланными ис той Сенатской Канторы в Вотчинную Коллегию и в Юстиц Кантору Указами возвратить мне оныя велено, а которыя матерью моею заложены, тех о выкупе поступить повелено по Уложению и по Указом. Доказательства ж той неправильной племянника моего и по склонению ево матери моей продажи, /л. 4/ а притом и на учиненное в Сенатской Канторе о дозволении в том в Вотчинной Коллегии и Юстиц Канторы определение и на произведенную на то Янкову в той Коллегии дачю и решение, что оныя учинены неправильно, суть следующие: 1. Что не было моего желания ту подмосковную мою лутчую вотчину продавать, в том свидетелствуюсь самую данную от них Янкову купчею, х которой руки своей не прикладывал, ни поверенного писма на продажу никому не давал. 2°. Когда Сенатская Кантора, приняв в разсуждение, что по правам от законного тех д[е]р[е]в[е]нь наследства отрешить меня неможно, как о том и в журнале той Канторы записано, и требовала о том общаго разсуждения от Правителствующаго Сената, следовательно бес получения на сообщенное о том в Сенат ведение надлежащей конфермации о дозволении в Вотчинной Коллегии и Юстиц Канторе мимо меня тех /л. 4 об./ моих д[е]р[е]в[е]нь других моим родственникам продовать и закладывать определять было не должно, колми ж паче хотя и определила продать или заложить, но столко суммою, сколко было долгов, почему б и надлежало тем моим родственникам о всех тех долгах, во первых, показать, сколко чьих имянно было и на что заниманы были и все ль по поверенным моим писмам, и потом о дозволении той продажи просить в Вотчинной и в Юстиц Коллегиях, что и Канторою Сената определено и продать велено под смотрением и особым свидетелством тех мест и, конечно, не свыше подлежащей на заплату суммы, без чего и Янкову, ведая и видя в купчей чюжее покупать, а Юстиц Канторе крепость на то совершать, а паче всего Вотчинной Коллегии по такой бездействительной купчей в противность означенного уложенного пункта дачю производить и решением своим неправильно то утверждать /л. 5/ весма не следовало, а надлежало б прежде по выправке о долгах справитца ж, исчисля, сколко всего моего имения было, и, описав подробно, повелеть сродникам или другому кому нибудь опекуну для удоволствия кредиторов продать сперва то, что меньше нужно, как обыкновенно водитца при несчастных случаях такия дела опекунам вверяются, которыя, собирая все обстоятелства, исчисля имения, продают сперва движимое, естли ж

оного не довольно, тогда имения в д[е]р[е]внях, как то конские и скотские заводы и протчее тому подобное, а наконец д[е]р[е]вни меньше нужныя, лутчие же оставляя к содержанию фамилии. А по имянному 1731 году Указу не толко таких, кои сами вотчинники живы, но ежели и после умерших оставца малолетныя дети, то для оплаты долгов позволено было продать со освидетелствованием же оных и под присмотром предписанных Коллегей, а впред[ь] без имянного Указу и продовать /л. 5 об./ не дозволено, а повелено о том докладывать Вашему Императорскому Величеству. Но со мною, именованным, в противность же того Указу и не имея на то особливаго узаконения поступлено было все инако, и по единым поверхностям без всякого от меня дозволения и без рукоприкладства моего лутчая моя подмосковная продана, которой единой я к содержания себя мог бы быть доволен^в. Сверх всего, кроме движимых именей и деревен[ь] за мною было до пяти тысяч душ, с которых и доходу ими, племянником и матерью моею, получаемо было тогда более, нежели долгов, которым я никогда притчиною не бывал. 3^с. К правости ж моей принадлежит и сие: когда в то время почитался я от судных мест за здороваго ч[е]л[о]в[е]ка и законного наследника имению отца своего, как и Сенатскою Канторою за действительно почтено было позволять мне волю управлять своим именованием, дабы по обстоятельствам и состоянию моих д[е]р[е]в[е]нь и получаемым с них доходов собственныя мои долги сам я заплатить мог. Напротиву того, естли ж был в меленхолической болезни (как то и доктур в деле свидетелствует), /л. 6/ почему все мои слова и действие за ничто вменены, не более л[ь] я тогда был достоин сожалению, чтоб с такою поверхостию, не разбирая внутренних обстоятельств, дозволить продажу не самому мне, но родственником моим, не имея на оное точных законов. М и х а й л о в с [ы] н

И дабы Высочайшим Вашего Императорскаго Величества Указом повелено было, означенныя решенныя Сенатскою Канторою и Вотчинную^г Коллегиею дела или подлежащия из оных справки взяв для рассмотрения в Правителствующий Сенат, помянутыя проданныя племянником и матерью моею д[е]р[е]вни, приняв от меня по купчей с пошлины денги, возратить мне по прежнему, ибо Г[о]с[по]д[и]н Янков, получа свои д[е]нги с настоящими убытки за те деревни, которая^д ему принадлежит посторонним образом и с которой^д пользовался чрез столко лет, ничего претерпеть^е не может, из чего видится напоследок: хотя б прежде о том моего прошения не было и ежели б и повеления о сей ма-

^в В тексте доволен.

^г В тексте в Вотчинную.

^{д-д} Вставлено на левом поле.

^е Исправлено из притерпеть.

тери не было, но самыя законы в том интересованы, дабы получая вновь силу /л. 6 об./ утверждать истинну, благодеяние и всеобщую ползу в подобных вперед[ь] случаях, естли оне какими* нибуд[ь] новоизобретенными способами могут положить препятствие, чтоб сторонние стол[ь] легко не могли ползоватца нещасливыми обстоятельствами сограждан своих, но более предавая себя высокому соизволению Вашего Императорскаго Величества и отеческому попечению Правительствующаго Сената и его м[и]л[о]стивому рассмотрению и соизволению, прошу м[и]л[о]стиваго защищение. А р г а м а к о в

Всем[и]л[о]стивейшая Г[о]с[у]д[а]р[ы]ня, прошу Вашего Императорскаго Величества о сем моем прошении м[и]л[о]стивае решение учинить. Генваря ... дня 1757 году. К поданию надлежит в Правительствующий Сенат. Прошение писал Г[о]с[у]д[а]рственной Военной Коллегии Копеист Алексей Агапиев. руку приложил

*РГАДА. Ф. 1395. Оп. 1. Д. 205. Л. 1—6 об. Копия.
Слова, напечатанные разреженным шрифтом, —
воспроизведение подписи другим почерком. На л. 6 вверху
справа помета Копия. На л. 6 об. внизу пометы Подана
в Сенат Генваря 15 дня 1757 году. Докладывано
15 Генваря 1757 году.*

---

* Исправлено из каками.

Н. Охотина-Линд

«Я И МОЙ БЕРИНГ...»
(ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА ВИТУСА БЕРИНГА И ЕГО
СЕМЬИ ИЗ ОХОТСКА В ФЕВРАЛЕ 1740 Г.)

Когда осенью 1996 г. Петер Ульф Меллер¹ и я нашли в Архиве внешней политики Российской империи пачку писем Беринга и его семьи, о которых и пойдет речь в этой статье, — с того самого момента меня не отпускала мысль о разительном сходстве с прочитанной в детстве романтической историей — «Двумя капитанами» В. Каверина. Случайно найденная почтальонская сумка с письмами полярника-путешественника, стремление установить, кто скрывается за упоминаемыми в письмах домашними именами и попытка восстановить драму, сложные взаимоотношения этих неизвестных нам людей.

Вырванные из общего контекста событий письма, написанные в течение трех дней, создают интересный эффект: как будто мы застали отрывок киноленты без начала и без конца, на экране двигаются люди во плоти и крови, они страдают, переживают, спорят из-за чего-то; мы начинаем им сочувствовать, что-то понимать и о чем-то догадываться, но по большому счету мы не очень хорошо представляем, в чем суть проблемы или конфликта, кто собственно эти персонажи, как их зовут, кем они приходится друг другу, какие взаимоотношения их связывают. И мы никогда не узнаем начала и конца истории, мы вынуждены довольствоваться этим случайно попавшим в наши руки отрывком.

В отличие от экспедиции капитана Татаринова ход событий экспедиции Беринга достаточно хорошо известен, и в отличие от Сани Григорьева мы знаем, какими маршрутами продвигались отряды экспедиции, что они открыли и нанесли на карту, где и как погиб капитан-командор. В этом отношении вновь найденные частные письма Беринга как будто не проливают большого света на историю Камчатской экспе-

диции и не добавляют ничего нового к истории географических открытий. Их ценность, несомненно, кроется в другом. Письма приводят нас к другому открытию — Витуса Беринга как человека. До сих пор было известно только одно единственное частное письмо, написанное Витусом Берингом, — его тетушке в Данию. О личности человека, стоявшего в течение шестнадцати лет во главе крупнейшей (и, вероятно, важнейшей) экспедиции всего XVIII столетия, и его жизни не было известно практически ничего.

Но ведь пачка писем, найденная и опубликованная нами, все время лежала в архивах — первоначально в РГАДА, а после 1946 г. в АВПр. Почему же никто из многочисленных исследователей Камчатской экспедиции не нашел их? Видимо, ответ очень простой: просто потому, что никто и не искал, частной жизнью Беринга никто и никогда всерьез не интересовался. Из книги в книгу перекочевывают скупые биографические факты о его рождении в г. Хорсенсе в 1681 г., о приходе на русскую службу в 1704 г., об участии в некоторых морских кампаниях. То, что подробностями биографии, не говоря уже о мыслях и чувствах путешественника никто специально не интересовался, имеет свое объяснение. И в русской, и в зарубежной историографии сложился устойчивый стереотип Витуса Беринга как безынициативного, но исполнительного человека, поставленного во главе экспедиции чуть ли не случайно.

Начало этой злополучной традиции заложил А. П. Соколов². Уже в его работе проскальзывают националистические нотки, иностранно звучащее имя кололо глаза и резало слух, а в советское время, во время «борьбы с космополитизмом», многие авторы прямо называют Беринга «наемником» и обвиняют в шпионаже³. А какой инициативы и энтузиазма можно ожидать от наемника-иностранца? Любопытно, что и некоторые западные авторы довольно некритично заимствовали у русских дореволюционных и советских историков образ Беринга — послушного исполнителя чужих планов.

Оставим в стороне идеологическую подоплеку такой оценки личности Беринга — она в комментариях не нуждается. Более пристальное и систематическое изучение документов Камчатских экспедиций, проводившееся в последние годы, вносит серьезные коррективы и в вопрос, каково было участие Беринга в планировании экспедиции и определении ее целей и задач. Не останавливаясь сейчас подробно на этой теме, укажу лишь некоторые аргументы в пользу пересмотра оценки роли руководителя экспедиции в работе самой экспедиции. Как известно, Первая Камчатская экспедиция была снаряжена по замыслу Петра I, он сам назначил Беринга ее руководителем. Никаких документов о разработке планов Первой экспедиции (1725—1729) в архивах не сохранилось. Иначе обстоит дело со Второй экспедицией (1731—1743), где большое

число сохранившихся документов позволяют проследить процесс разработки всей концепции этого предприятия. Первый важный документ в этом ряду — «Предложения» Беринга, поданные им в Сенат не ранее 4 декабря 1730 г.⁴ Действительно, Беринг сам в начале пишет, что «от Правительствующаго Сената повелено мне, нижеподписавшемуся, подать известие, что в Сибири, в восточном краю, признается к пользе государству...»⁵ Но это не значит, что «Предложения» были составлены по заказу Сената и Беринг сочинил их только в Петербурге. Здесь скорее можно видеть закулисную роль давнего и преданного энтузиаста организации Камчатской экспедиции, обер-секретаря Сената Ивана Кирилова, всеми силами способствовавшего прохождению замысла через извилистые бюрократические преграды. «Предложения» Беринга являются полной и тщательно продуманной программой будущей экспедиции, не только ее общих целей и задач (заметим, тоже разработанных во всех подробностях), но и чисто практической организации — персонального состава, маршрута и снабжения. Для того чтобы написать в Петербурге подобный проект, надо было собрать для него материал и продумать его еще в Сибири. Все дальнейшие многочисленные программы, разрабатывавшиеся Адмиралтейств-коллегией и Сенатом на протяжении 1731—1733 гг., базируются на первых «Предложениях» Беринга, и в итоге, после неоднократных переделок, Беринг получил официальные инструкции Адмиралтейств-коллегии⁶ с указанием того, что и как он и его отряды должны делать, по существу просто повторявшие его же собственные предложения. Беру на себя смелость утверждать, что Вторая Камчатская экспедиция была задумана в ходе работы Первой Камчатской экспедиции — возможно, именно потому Беринг и не настаивал на продолжении плаваний в 1728 и 1729 г. (за что получил осуждение и современников, и историков): ему было ясно, что для выполнения всех задач необходима новая и значительно более масштабная экспедиция. Характерно, что уезжая в 1729 г. из Сибири, экспедиция во многих пунктах маршрута оставляла склады со снаряжением — они рассчитывали вернуться⁷.

Витус Беринг был вполне «настоящим» руководителем экспедиции, а не служакой, добросовестно исполнявшим чужие приказы, и уже хотя бы на основании этого он заслужил больше внимания со стороны исследователей. Хочется надеяться, что предлагаемая публикация даст новую пищу для размышлений. Однако письма Беринга интересны отнюдь не только для изучающих историю Камчатской экспедиции. Они освещают и особый культурный пласт русской истории — это среда иностранцев на российской службе, их специфический мир, соединяющий в себе две культуры, российскую и западноевропейскую. Их семьи были, как правило, тесно между собой связаны, и если в каждодневной

жизни, особенно на службе, они вращались в российской культурной среде, то в частной жизни они представляли собой островок немецкоязычной культуры. Наконец, частных писем середины XVIII в. в архивах сохранилось не так уж много, а опубликовано еще меньше; и в силу этого корреспонденция Берингов представляет большой интерес — частные письма всегда освещают эпоху и события в ином ракурсе, чем официальные источники.

Кому адресованы эти письма, что за люди в них упоминаются? Попробуем разобраться в этом «кто есть кто», хотя это не всегда простая задача и многие домашние прозвища, которыми так охотно пользовались авторы писем, пока остаются неразгаданными.

Итак, начнем с самого важного человека в жизни Витуса Беринга — его жены (и, заметим в скобках, отважной путешественницы) Анны Кристины, урожденной Пюльзе. Анна, происходившая из немецкоязычной зажиточной бюргерской семьи города Выборга, и Витус, дослужившийся к тому времени до ранга капитан-лейтенанта, были 8 октября 1713 г. записаны в церковную книгу шведского прихода Выборга как законные супруги⁸ (Витус Беринг был переведен в Балтийский флот из Азовского в 1712 г.⁹). О годе ее рождения ведутся большие споры, но наиболее вероятно, что она была лишь немногим моложе мужа. Умерла она после 1750 г.¹⁰ Интересно заметить, что во Вторую Камчатскую экспедицию, обещавшую быть долгой, многие офицеры взяли с собой жен и детей, которые разделили все тяготы пути и суровой жизни в Сибири. Их имена не числятся ни в каких официальных списках и документах экспедиции, и мы получаем о них лишь случайные обрывочные сведения. То, что Анна Беринг жила вместе с мужем в Охотске, стало известно только благодаря публикуемым ниже письмам. Также из писем впервые стало ясно, что домашним языком Витуса Беринга в России был немецкий, а не датский.

В письмах неоднократно упоминается о планах Анны выехать из Охотска летом 1740 г., когда ее муж уйдет в плавание. Но Берингу удалось выйти из Охотска на Камчатку только 8 сентября 1740 г., и Анне пришлось отправиться в путь раньше, чтобы успеть добраться до Якутска. Из письма участника академического отряда Камчатской экспедиции натуралиста Г. Штеллера мы знаем, что еще 19 августа Анна выехала из Охотска на запад, при этом для нее специально был сооружен паланкин, так как колесный транспорт в тех краях и в то время года был мало комфортабельным средством передвижения¹¹. Анна ехала с двумя детьми и огромным багажом на 7 подводах, составлявшим по сути все имущество семьи Берингов, приобретенное в Сибири. Родственников и друзей вокруг Финского залива она тоже встретила много позже, чем

рассчитывала — она добралась до Москвы 29 марта 1742 г., и выехала оттуда в Петербург только 15 сентября 1742 г.¹²

Отцом Анны, которому адресовано письмо № 6, был Выборгский купец Матиас Пюльзе (Pülse, Pylse, русские документы того времени называют его обычно Пильсе). Матиас родился около 1666 г., умер в марте 1740 г.¹³, т. е. письма дочери он все равно получить бы не успел. Ему принадлежали лесозаготовки и лесопилка, а также морское судно «Stadt Wijburg», перевозившее солод, зерно и спиртные напитки в Ревель и Нарву. В 1720 г. он платил самый высокий налог в Выборге — 12 рублей¹⁴. Матиас Пюльзе, как и его предки, происходил из города Ниена, на месте которого позже вырос Петербург¹⁵. Его жена, мать Анны, Маргарита Хедвига Лунд (ок. 1671 — 1735) тоже происходила из зажиточной бюргерской семьи Ниена. Они переехали в тогда еще шведский Выборг в 1703 г., когда русская армия взяла их родной Ниен. В Выборге семья жила в большом каменном доме, построенном в 1650-е гг. Это был один из самых красивых и представительных домов города, стоявший на площади перед въездом в Выборгскую крепость. После большого пожара Выборга 1738 г. дом Пюльзе был одним из немногих, не пострадавших от огня; а в более позднее время, в 1772 г., он был удостоен чести стать пристанищем для Екатерины II во время ее посещения города. Дом сохранился до наших дней (современный адрес: Северный вал, д. 3), хотя и совершенно изменив свой облик в результате крупных перестроек в конце XVIII и в конце XIX в.¹⁶

Госпожа Эльфа, которой адресовано письмо № 7, это сестра Анны Евфимия Хедвига (ок. 1702—1754). Во втором браке она была замужем за англичанином Зионом Элволлом (Zion Ellvoll), результатом ее беременности, упоминающейся в письме, стал сын Пюльзе Элволл, крещенный в Выборге 1 октября 1740 г.¹⁷ Ее первым мужем (с 1724 г.) был тоже англичанин, коллега Витуса Беринга вице-адмирал Томас Сандерс. Он был принят на российскую службу в июне 1718 г., участвовал в Северной войне, в 1721 г. произведен в шаутбенахты, в 1727 г. — в вице-адмиралы. Он много плавал в Балтийском море и Финском заливе, был командиром Ревельского порта, с января 1730 г. по январь 1732 г. служил главным командиром Кронштадта, в январе 1732 г. был назначен членом Военской морской комиссии¹⁸. Семьи Берингов и Сандерсов были дружны и какое-то время жили в одном доме в Кронштадте. В 1732 г., во время разработки планов маршрута Второй Камчатской экспедиции, Сандерс написал очень интересный проект (впрочем, не получивший поддержки) об отправке кораблей из Петербурга на Камчатку морем, вокруг Южной Америки¹⁹. Сандерс умер 25 декабря 1733 г., от его брака с Евфимией Хедвигой осталась дочь Элизабет (р. 1725 г.) и сын Матиас (р. 1727 г.)²⁰.

Вторая сестра Анны — Хелена Катарина (ок. 1710—1753), в замужестве фон Зальца, ей адресовано письмо № 9. Ее муж — Антон Иоганн фон Зальца (1683—1753), ему адресованы письма № 2 и 8, в которых и Анна и Витус именуют его «братом». Фон Зальца, по его собственным словам, был эстляндским шляхтичем. Находясь в чине капитана на шведской службе, он попал в плен в Россию в 1702 г. и остался в ней на всю жизнь²¹. Благодаря большим способностям, в первую очередь к русскому языку, он сделал в России блестящую карьеру. Уже в 1718 г. он стал ассессором в Камер-коллегии, получил российское подданство, дослужился до штатс-комиссара, а затем — и вице-президента Штатс-контор-коллегии. Через него проходили многие финансовые дела Камчатской экспедиции, ему же Беринг доверил и частное «денежное» дело: перед отъездом во Вторую Камчатскую экспедицию он дал распоряжение Адмиралтейств-коллегии перечислять из его жалования на счет Зальца по 300 руб. в год на содержание каждого из двух сыновей, остающихся дома²². Как видно из содержания публикуемых писем, у Зальца были и другие опекунские полномочия, исполнением которых Беринги, впрочем, оказались недовольны.

У Анны был еще брат Бенедикт (?—1752), который, как и их отец, был крупным коммерсантом Выборга. В январе 1730 г. он был послан в Москву в составе делегации горожан, пытавшейся добиться от российских властей подтверждения традиционных прав города Выборга²³. Весьма вероятно, что Анна выехала из Выборга вместе с братом, чтобы ускорить свою встречу с Берингом, который как раз был на пути из Сибири в Москву после окончания Первой Камчатской экспедиции. Ему, однако, никаких писем в феврале 1740 г. чета Берингов не написала, но он упоминается в письмах № 7 и 9.

У четы Берингов родилось много детей, но выжило только четверо. Двоих малышей родители взяли с собой, отправляясь в Сибирь. Антон (домашнее прозвище Тонгин) был плодом встречи супругов после Первой Камчатской экспедиции. Он был крещен уже 21 сентября 1730 г. в Москве, в Немецкой слободе, в лютеранской кирке св. Михаила (или «Старой кирке»)²⁴, а приемницей у купели была Анна Пюльзе, жена Бенедикта и невестка Анны. Антон Беринг умер 28 февраля 1779 г. в чине отставного полковника²⁵. Сохранилась длительная бюрократическая переписка, возникшая из-за ошибки в его имени при назначении его в 1778 г. председателем губернского магистрата Псковского наместничества²⁶. В феврале 1740 г. ему было 9 лет, он, конечно, не помнил своих старших братьев. Его письма (№ 15 и 16) написаны вполне взрослым «высоким стилем» и мало напоминают непосредственные детские послания. Вероятно, они или были отредактированы родителями, или же Антон пользовался письмовником. В любом случае, мальчик проде-

монстрировал умение писать не только по-немецки, но и в какой-то степени по-французски.

Его младшая сестра — Анна Хедвига Хелена (домашнее имя Аннушка) так и не сумела в тот раз написать письмо (см. письмо № 7). Дата ее рождения — 1731 г. — высчитывается из единственного сохранившегося о ней источника — записи о ее похоронах. Анна, урожденная Беринг, вдова генерал-лейтенанта фон Корфа, умерла в возрасте 55 лет и была похоронена 29 октября 1786 г. в Волоколамске под Москвой²⁷.

Совершенно случайно из казенной переписки экспедиции становится ясно, что Витус Беринг взял с собой в Сибирь не только собственных младших детей, но еще и двоюродного брата своей жены — Йоханна Лунда. Вероятно, это он упоминается в письме № 7 под домашним прозвищем Йанеман. Отец мальчика, выборгский купец Якоб Лунд, дядя Анны Беринг со стороны матери, рано умер, и Анна с Витусом решили взять сироту с собой. Однако мать мальчика осаждала Адмиралтейскую коллегию жалобами, обвиняла Витуса Беринга в том, что он держит ее сына у себя в семье за слугу, и требовала выслать Йоханна назад. Витусу Берингу пришлось писать многочисленные объяснения и оправдания в коллегию, поясняя, что мальчик живет у него в доме как полноправный член семьи, и он рассчитывает дать ему морское образование²⁸.

Уезжая в Сибирь, супруги Беринги не решились взять с собой двух старших сыновей. Как объясняют сами родители, там у них не было бы возможности получить хорошее образование и возвращаться в приличном обществе. Но это решение стоило родителям и многих огорчений, чему, собственно, и посвящены все их письма февраля 1740 г. Итак, главный герой писем, доставивший родителям столько досады и разочарования, нанесший удар по их амбициям — тугодум Йонас, угодивший в армию, в Ингерманландский пехотный, или мушкетерный, полк. Дата рождения Йонаса, так же как и многие подробности его биографии, становятся известны со слов его матери (письма № 11, 13). Он родился в 1721 г. Йонасу все же удалось сделать карьеру на военном поприще. Он умер не позднее 5 января 1786 г. в должности полковника и кавалера, коменданта г. Мглина на Украине²⁹.

Его более благополучный младший брат Томас (р. 1723 г.) был устроен значительно удачнее; он поступил в ноябре 1742 г. на службу в Преображенский полк. Возможно, что его устройством на престижную службу занялась энергичная Анна Беринг, добравшаяся до Петербурга в сентябре 1742 г. Сохранился любопытный документ, возникший в связи с его зачислением в лейб-гвардейский полк. На вопрос о том, какой он национальности, Томас отвечал, что не знает, а отец его находится в Камчатской экспедиции и спросить у него он не может³⁰. Видимо, мать

авторитетом в вопросе о национальности не была. В этом же документе есть еще одна интересная деталь: Томас пишет, что в прошении о зачислении его в Преображенский полк по вине писца его имя было ошибочно написано как Антон. Мы можем усомниться в том, что «по опiske» возникло имя его родного брата. Вероятно, родители готовили карьеру в Преображенском полку для своего младшего сына, Антона, но решили перетасовать карты и вместо одного сына подставить другого (возможно, прошение о зачислении Антона Беринга в Преображенский полк уже было удовлетворено). Однако военная служба Томаса оказалась недолговременной. Он все-таки оправдал родительские надежды и пошел по гражданской части. Сохранилось прошение коллежского асессора Томаса Беринга о вспомоществовании от 12 февраля 1764 г., где он указывает, что уже 21 год состоит на статской службе (т. е. с 1743 г.)³¹. Из записи сенатского указа от 12 марта 1765 г. мы узнаем и о занятиях всех сыновей Беринга на тот момент: «О награждении трех сыновей капитан-командора Беринга: асессора Томаса, Тверского карабинерного полку секунд-майора Иониса и Великолуцкого пехотного полка капитана Антона Берингов. За службу отца их выдать 5 тысяч рублей»³². По сведениям Э. Амбургера, Томас был женат на Доротее Лихтенштейн (в письмах есть намеки, что он собирается жениться на дочери профессора Сигизмунди, но нам неизвестно, был ли заключен этот брак), и в 1770 г. еще был жив³³.

Как следует из содержания писем, Йонас и Томас были оставлены для учения в Ревеле под присмотром профессора Адольфа Флориана Сигизмунди (Adolph Florian Sigismundi, 1687—1750) и его жены. Гимназия в этом городе была основана еще в шведское время, в 1631 г., королем Густавом Адольфом, и размещалась в здании средневекового монастыря св. Михаила. После завоевания Ревеля Россией в 1710 г. положение гимназии было плачевным, в ней оставалось три ученика и один ректор, но постепенно ситуация исправлялась, гимназия опять наполнилась учителями и учениками, и в 1727 г. было образовано два класса — Prima и Secunda. В 1730-е гг. Ревельская гимназия была, несомненно, лучшим средним учебным заведением на территории Российской империи, поскольку образование в новооснованной гимназии при Санкт-Петербургской Академии наук было поставлено неудовлетворительно. Образование и воспитание в Ревельской гимназии велось на традиционный европейский манер. В статуте гимназии, «Leges Gymnasii Revaliensis», принятом в 1636 г. и состоявшем из 42 параграфов, наиважнейшей добродетелью ученика признавалась набожность. Ученикам запрещалось носить оружие и убивать им, они должны были развивать память, учить все наизусть, отвечать урок без помощи соседа. «Медленные головы» (как бедный Йонас Беринг) должны были «прилежанием и усер-

дием восполнять то, чего им не дала природа». Помимо немецкого — родного языка учеников, большое внимание уделялось латыни, на которой велось преподавание в старших классах. Как дань реалиям нового времени с 1725 г. в гимназии началось обучение русскому языку. Первым учителем русского языка (вплоть до его смерти в 1750 г.) стал Иоганн Фридрих Менц (Johann Friedrich Mentz), переводчик городской казначейской конторы. В 1725 г. гимназия получает статус городской: «*Stadtgymnasium academicum*», но основным источником ее существования служила плата за обучение. Помимо этого, профессора могли давать дополнительные частные уроки, что — как видно из писем № 3 и 12 — они весьма охотно делали.

Для профессора Сигизмунди Ревельская гимназия была поистине родной: он не только сам был ее воспитанником, но и его отец, Михаил Сигизмунди (1645—1709), был последним пожизненным ректором гимназии. Адольф Флориан Сигизмунди стал в 1718 г. профессором греческого языка и философии, но в 1725 г. занял вакантное место профессора по другим специальностям — риторике и истории. Он избирался ректором гимназии, по меньшей мере, на пять сроков. Профессор был не чужд и литературному творчеству — его перу принадлежат многочисленные брошюры, посвященные всевозможным юбилеям и другим «случаям». Так, на заключение Ништадтского мира он откликнулся сочинением на латыни «*Rex gloriosissima inter Petrum Magnum et Friedericum I-tum*», напечатанном в Ревеле в 1722 г.³⁴ Таким образом, супруги Беринги оставили старших сыновей в надежных руках, что подтверждает искренность их утверждений, что хорошее образование они считают важнейшим для своих детей и не пожалеют на него средств. В то же время из писем видно, что семьи связывала старая дружба или, по крайней мере, доброе знакомство, во всяком случае между женщинами.

Другие близкие Берингам люди — супруги Гогенгольцы, которым, в обход ближайших родственников, поручена высшая опека над Йонасом и Томасом. Кажется, и в этом случае значительно более крепкая и эмоциональная дружба соединяет женщин. Резидент Николай Себастиан фон Гогенгольц³⁵ был постоянным дипломатическим представителем Австрии в Санкт-Петербурге. Впервые он приехал в Россию в 1721 г. в качестве секретаря при уполномоченном австрийском министре и был принят Петром I. Министр вернулся довольно быстро в Австрию, а резидент Гогенгольц остался в России надолго. 30 марта 1725 г. он от имени австрийского императора поздравляет Екатерину I с восшествием на престол. В мае 1726 г. Гогенгольц уезжает в Вену, вероятно это связано с дипломатическими маневрами перед заключением русско-австрийского союзнического соглашения 6 августа 1726 г. 20 ноября 1727 г. Гогенгольц опять приезжает в Россию уже в звании советника и

получает аккредитацию при российском дворе в качестве резидента австрийского императора. Этот пост он сохранял в течение двадцати лет. Резидент Гогенгольц умер в Петербурге 28 декабря 1747 г., вскоре после того, как он был официально отозван в Вену³⁶.

Герцог Лирийский, бывший испанским послом в России с 1727 г. по 1730 г. и развлекавшийся составлением весьма нелицеприятных описаний своих коллег и придворного окружения, оставил совершенно убийственную характеристику Гогенгольцу: «Г-н Гогенцоллерн, резидент императорский, был человек честный, добросердечный, но глупый, не знавший ничего, и пьяница. Но, несмотря на это, он хорошо знал русскую землю»³⁷. Оценка собрата герцога Лирийского по цеху, Акселя фон Мардефельда, прусского посланника в России с 1724 по 1746 г., несколько менее едка, но тоже далека от положительной: «Г-н фон Гогенгольц, резидент императора, — человек старый, в России уже с лишком тридцать лет проживающий. Слывет он за знатока здешних дел и пишет для австрийца неплохо. Любит поесть и выпить, от вина же становится еще откровеннее»³⁸. Впрочем, у нас нет никаких оснований подозревать дипломатов в полной объективности.

Вице-канцлера А. И. Остермана нет нужды представлять. Среди шестнадцати писем нет ни одного, ему адресованного, но в письмах № 10, 11, 12, 14 Анна Беринг говорит о том, что они с прошлой почтой писали Остерману и просили не только помочь определить Йонаса на приличную службу, но и послать его за границу вместе с сыном Остермана. О столь близких дружеских отношениях Остерманов и Берингов впервые стало известно из публикуемых здесь писем, хотя большой неожиданностью эта информация не является. Среди официальной переписки Камчатской экспедиции сохранилось много официальных рапортов Витуса Беринга Остерману, принимавшему деятельное участие в организации Камчатской экспедиции и интересовавшемуся ее успехами³⁹. Но что самое интересное — только в рапортах Остерману у Беринга, человека весьма сдержанного и эмоционально закрытого, проскальзывают личные нотки, только ему он доверяет свои переживания, боль за задержку экспедиции, негодование отношением российской администрации к малым народам Сибири. Многие эти рапорты (некоторые из которых вопреки правилам написаны по-немецки, а не по-русски) выходят за рамки жанра официального отчета вышестоящему лицу и явственно напоминают письма старых друзей друг другу⁴⁰. Беринг и Остерман стояли далеко друг от друга на служебной и социальной лестнице, но не будем забывать, что когда молодой Витус Беринг вербовался на русскую службу адмиралом Крюйсом в Амстердаме, карьеру секретаря при адмирале как раз начинал столь же молодой тогда Остерман. Мож-

но предположить, что знакомство и дружба начались еще в те времена и продолжались всю жизнь — подтверждение тому публикуемые письма. К сожалению, никаких следов личной переписки между Берингами и Остерманом (в том числе и писем, о которых говорит Анна Беринг) обнаружить пока не удалось⁴¹.

Итак, в начале февраля 1740 г. из Охотска в Петербург должен был отправляться курьер, и маленькая семья Берингов трудилась над составлением посланий на другой конец Российской империи — в Петербург, Выборг, Ревель. Из упоминания дат в самих же письмах легко подсчитать, что письма из Петербурга в Охотск шли 11 месяцев (см. письма № 2, 13, 14). Наверное, примерно столько же времени они шли и назад. Таким образом, адресаты должны были получить письма Берингов почти через два года после событий, которым они посвящены. Были ли родительские советы и наставления по-прежнему актуальны или жизнь уже унеслась далеко вперед? Вопрос это чисто риторический, поскольку адресаты своих писем никогда не получили.

Вернемся опять к самой пачке из шестнадцати писем, хранящейся сейчас в АВПРИ. Почему вдруг из всех частных писем Витуса Беринга и его жены, написанных ими за всю их жизнь, именно эти удостоились чести попасть в архив? И почему вся пачка, а не какие-то отдельные письма за разные годы? Что в этих письмах особенного? И кто сделал такой подарок исследователям?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо обратить внимание на одну маленькую подробность. В начале письма № 12 Анна Беринг пишет госпоже Сигизмунди: «Сколь преисполнилась я радости, завидев пакет с адресом господина резидента фон Гогенгольца...» В письме № 7 Анна сообщает: «Если ты, сестрица моя, будешь писать мне, то можешь отдать письмо госпоже резидентше». В письме № 11, адресованном самой мадам Гогенгольц: «Высокомилостивое письмо драгоценной моей подруги... вместе с другими двумя вложенными письмами... получила». Итак, функцию «почтовой конторы» в Петербурге для семьи Берингов выполнял резидент Гогенгольц и его жена. Им можно было вручить свои письма, они запаковывали все в один общий пакет и отправляли в Охотск от своего имени. Так же должна была действовать система и в обратном направлении. Беринги вложили все свои письма в маленьких конвертиках с адресами в один большой пакет, на котором должен был стоять петербургский адрес Гогенгольца. Резидент и его жена должны были позаботиться разослать или раздать эти письма непосредственным адресатам.

Судьба этого пакета, адресованного австрийскому резиденту Гогенгольцу и отправленного из Охотска около 5 февраля 1740 г. с адмирал-

тейским курьером, неожиданным образом оказалась зафиксированной документально. Среди бумаг Кабинета министров сохранился «Реестр входящим в Кабинет сентября 2 и 3 числа 1740 г.», в котором под № 8 значится следующее: «Репорт из Адмиралтейской коллегии: получены во оную коллегию от кап.-командора Беринга и от капитана Шпанберга репорты: Беринга из Охотска, февраля от 4 числа, что он в нынешнем лете отправится в вояж, Шпанберг отправится в С.-Петербург, и притом получен пакет от капитана Беринга к гос. цезарскому посланнику фон-Гогенгольцу (Отдать в иностранную экспедицию)»⁴². Нет никаких сомнений в том, что это именно «наш» пакет писем. Но вот дальше начинаются загадки. Почему Гогенгольц так его и не получил? Как следует понимать фразу: «Отдать в иностранную экспедицию»? Чтобы иностранная экспедиция сама передала письма дальше Гогенгольцу как представителю дипломатического корпуса? Или это означает, что письма вызвали какое-то подозрение, были перехвачены и посланы в иностранную экспедицию для перевода? Но чиновникам было достаточно просто открыть письма, чтобы убедиться в том, что они содержат лишь бесконечные сетования фрау Беринг по поводу неудачного устройства сына, а не какие-нибудь дипломатические секреты, и отправить пачку адресату. Или Остерман взял пакет, чтобы самому передать его австрийскому резиденту (с которым, несомненно, он был знаком), но по какой-то причине этого не сделал? В любом случае, наиболее вероятно, что пачка беринговских писем по какой-то неведомой нам причине «осела» среди бумаг Остермана.

В наиболее ранней сохранившейся архивной описи, составленной в 1806 г. И. Либенау⁴³, частные письма семьи Беринга из Охотска от февраля 1740 г. перечислены среди писем на имя Остермана рядом с письмом 1735 г. поручика Шкадера, касающегося дел Камчатской экспедиции.

Как уже говорилось, письма Берингов были в 1946 г. переданы из РГАДА в АВПРИ. Большинство писем написано на очень тонкой бумаге с водяным знаком «почтовый рожок в гербовом щите под короной» с контрмаркой «HR» (ближайшие типы: Heawood, № 2747, 2748, 2740, но дать более точное определение трудно из-за недостаточного количества экземпляров и их нечеткости). Отмечу, что подобная бумага среди дел Камчатской экспедиции мне не встречалась — очевидно, это была дорогая бумага, привезенная командорской четой для частных нужд. К сожалению, эта изящная бумага слишком тонка и чернила проступают на другую сторону, что делает чтение текста необыкновенно трудным. Письма были упакованы в маленькие изящные конвертики из более плотной бумаги (размер приблизительно 8 × 10,5 см) с адресом, многие

из них сохранились в деле, но лежат, как правило, не вместе с письмами. На конвертиках сохранились красные сургучные оттиски печатей. Анна и маленький Антон использовали печать с переплетенной монограммой под короной: *A* и *W* в центре, две буквы *B* лежащие по бокам. Вероятно, это должно означать *Anna Bering — Witus Bering*. У Витуса Беринга была собственная печать, оттиск которой встречается и на документах Камчатской экспедиции: медведь, стоящий на задних лапах и держащий кольцо, что означает *Bear-ring*⁴⁴. Письма написаны немецким готическим курсивом, но отдельные иностранные слова и личные имена написаны антиквой (при переводе сделана попытка сохранить, где возможно, эту особенность: антиква передана курсивом). Письма расположены в публикации в том порядке, который мне казался наиболее логичным, поскольку в архивном деле их расположение случайно, а многие листы перепутаны⁴⁵.

* * *

1.

ПИСЬМО В. БЕРИНГА Н. С. ГОГЕНГОЛЬЦУ. 1740 Г. ФЕВРАЛЯ 2

Благородный,
высокопочтенный господин *резидент*,
дражайший друг мой!

Предостойное послание Вашего благородия от 10 *февраля* 1739 года исправно мною получено 4 *декабря* того же года. В первых же строках его я был обвинен частью в небрежении *перепиской* с Вами, а частью в том, что разужнаю о делах моих детей от посторонних лиц и, значит, подвергаю сомнению Вашу дружбу, всегда мне в высшей степени любезную. На что не премину настоящим уверить Ваше благородие, что мое доверие к Вашей благосклонной дружбе касательно *призрения* детей моих становилось тем большим, чем более Вы доказывали, что во время моего пребывания в *Санкт-Петербурге* я не мог решиться вверить заботу о воспитании детей даже моим ближайшим родственникам. Тем паче его нисколько не уменьшили ни долгое наше отсутствие, ни разделяющее нас расстояние. Напротив, получив многочисленные *доказательства* искренней дружбы со стороны Вашего благородия, я тем сильнее обязан Вам, чем меньше я вижу возможности в какой-то мере воздать Вам за Вашу доброту.

Если же я некоторое время не сообщал Вашему благородию свои виды на дальнейшее попечение о моих детях, то произошло сие исклю-

чительно по той причине, что тогда мы были уверены в отъезде моей любезной жены из *Якутска (Jakutzky)* в *Санкт-Петербург*. Но поскольку поразившая меня болезнь не только удержала ее от той поездки, а даже заставила предпринять путешествие в *Охотск (Oskotzk)* (о чем моя жена ранее писала в письме Вашей супруге, которой прошу Вас засвидетельствовать мое глубокое почтение), случилось так, что я не только не выполнил своего намерения, но и навлек Ваше подозрение, будто хотел прекратить дальнейшую переписку с Вашим благородием (вести которую в моих собственных делах мне не запрещено). Все же, несмотря на это, Ваше благородие не замедлили подать еще одно *доказательство* преданной дружбы, велев моим детям приехать к Вам из Ревеля, с тем чтобы испытать их познания. А притом сообразовали *пристроить* старшего, дабы тот мог попробовать свое будущее счастье на *военном* поприще, ибо из-за плохого зрения он едва ли может рассчитывать на *успехи в науках* и, следовательно, вовсе не выказывает *наклонности* к такому *штудиям*. Из всего этого я вполне вижу, что Ваше благородие совершенно выполнили обещание, данное Вами, за которое приношу Вам мою *наипризнательнейшую* благодарность. Однако от тех, кто *посвящает* себя воинской службе, требуются помимо *здоровой комплекции* еще и благоустановленные нравственные основания, в чем мой сын, будучи еще молод, недовольно утвердился, а образ жизни в *мушкетерном* полку⁴⁶ дает немало способов погрязнуть в пороке среди подлых людей. Посему хотелось бы, чтоб он еще некоторое время прилежно упражнялся в *гражданских науках* и *порядочном поведении*, оставаясь в *Санкт-Петербурге*.

Правда, в моем последнем письме я просил Ваше благородие, следуя желанию моего сына, определить его в военное состояние, но я не мог вообразить себе, что это произойдет таким образом. Однако и тем я должен быть доволен. Когда же он, уже вкусив некоторые *плоды* сей службы, не только не почувствует *склонности* оставаться в оном состоянии, но и пожелает *перемены*, то мне бы более по сердцу пришлось, чтобы его *определили* в *гражданскую* службу (его и оттуда могут послать в армию, что, впрочем, легко бы случилось, *находись* он в *напольных полках*, и было бы, думаю, преждевременным и неблагоприятным). Или в *лейб-гвардии кавалерию*, поскольку оный полк все время стоит в *Санкт-Петербурге*, и это место из-за близости ко двору весьма для него *выгодно*. В этом случае будет совершенно необходимо, чтобы он *преуспел* в русском языке, особенно в чтении, письме и переводах. Тем паче мне приятно благосклонное распоряжение Вашего благородия о моем младшем сыне: что он может продолжать свои *штудии* в *Ревеле* до тех пор, пока моя дорогая супруга — если на то будет милость *Вышнего* — отправившись отсюда будущей весной, не доберется до

Санкт-Петербурга. Ваше благородие соблаговолит позаботиться и о расходах до того времени.

Доселе Вашему благородию угодно было брать на себя бесчисленные хлопоты не только о моих детей, но и о моей собственной персоне, передав известие, что в рассуждении порученной мне *экспедицией* находящиеся рядом с Вами все же довольны мною, хотя она и продолжается дольше, чем представлялось (из-за недостатка необходимого *провианта* в здешних местах, не говоря уже обо всех прочих препятствиях), а затем милостиво изволили обещать *похлопотать* в мое отсутствие о *продвижении по службе*. И за такую доброту я должен принести наипризнательнейшую благодарность и надеюсь получить возможность отблагодарить Вас в ответ всеми мыслимыми услугами. Но если наше плавание, в которое я — если на то будет Божья воля — твердо намерен отправиться следующим летом, будет отложено или в пути что примечательное встретится, то я непременно так скоро, как только будет возможно, *сообщу* об этом Вашему благородию.

Весьма признателен Вам за присланные мне газеты, которые я крайне редко получаю в наших отдаленных краях. От всего сердца *сочувствую* Вашему благородию по случаю поразившей Вас тяжелой грудной болезнью. Я тем не менее необыкновенно рад, что всемогущий Бог в такой степени усилил употребленные лечебные средства, что они привели к счастливому *исходу* и, следовательно, дали нам всем желанную надежду на благополучное выздоровление Вашего благородия. Да укрепит и впредь благословение Всевышнего предпринятое Вами *лечение*. Пусть Он не только вернет Вам прежние силы, но и сохранит Вас — к нашей всеобщей великой радости — на многие годы во всяком преуспевании.

Засим я, по засвидетельствовании моего нижайшего почтения Вашей супруге, и столь же низко кланяюсь Вашему благородию от моей любезной супруги, со всей услужливой почтительностью остаюсь

Вашего благородия
высокопочтенного господина *резидента*
и моего драгоценного друга
усердно покорный и признательный слуга
В. Беринг

Охотск (Oskotzk), февраля 2 дня 1740 года

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 3—4 об. Перевод с автографа на немецком языке. Л. 2 — конверт с адресом: Господину де Гогенгольцу, резиденту и советнику Его Императорского Католического Величества при Российском императорском дворе в Санкт-Петербурге (в оригинале на французском языке).

ПИСЬМО В. БЕРИНГА А. И. ФОН ЗАЛЬЦА. 1740 Г. ФЕВРАЛЯ 4

S[alvo] T[itulo]⁴⁷

Высокопочтенного, возлюбленного государя брата почтенное письмо, датированное *январем* 1739 года, получено мною 4 *декабря*, и мы весьма рады благополучию Вашему, государь мой любезный брат, вкуче с государыней сестрою и детьми и всеми домочадцами. Сохрани Вас Господь и впредь и даруй нам радость свидеться друг с другом. Усердно благодарю Вас, мой любезный брат, за то, что вы взяли себе за труд получить деньги из *Адмиралтейской коллегии*⁴⁸. Я надеюсь, что мне представится возможность оказать Вам, государь мой брат, ответную услугу.

Должен признать, что я в великом долгу перед господином *резидентом*⁴⁹ за многие его хлопоты и заботу о моих детях. Думаю, однако, что можно б было старшего, равно как и младшего, оставить обучаться еще год или два, и тем самым не терять время попусту. Первому ведь пошел только девятнадцатый год. Некоторые люди схватывают быстро, другие медленно. Может статься, причиной вызова старшего оттуда послужило то, что младший его брат сумел достичь первого класса (*primo classe*), а он не настолько преуспел. Правда, я и моя любезная супруга в прошлом году по его просьбе дали ему разрешение поступить на военную службу, но чтобы ему идти в *мушкетерный полк*⁵⁰ — такого я и вообразить не мог. Но это случилось, и я боюсь, что он забудет больше, чем выучил, и к тому же получит возможность связаться с дурной компанией. Когда б он только использовал свободное время на упражнение в русском языке — не только в чтении и письме, но и в переводе, а также на другие необходимые упражнения! Я сомневаюсь, чтобы слабые глаза и плохая память были к месту при солдатских занятиях. Расходы на него не уменьшаются, а растут. И посылать его в *армию* до того, как его *матушка* приедет в Санкт-Петербург, я считаю неблагоприятным. Да он, верно, толком еще не знает, как править лошастью.

Между тем благодарю Вас, государь мой брат, за Ваши старания о моем Йонасе. Сожалею о старшем сыне государя брата. В его выздоровлении, как слышно, сомневаются. Дай Боже молодым большего счастья! Что же нас касается, то возблагодарим Господа за доброе здравие. Я надеюсь, если на то будет Божья воля, продолжить этим летом мое путешествие.

Ласково кланяясь Вам, государь мой любезный брат и любезная государыня сестра с детьми, остаюсь моего любезного брата усердно почтительный брат и слуга

В. Беринг

Охотск (Ocotsch), февраля дня 1740 года

Р. S. При сем следует *реляция* с *Камчатки (Chamsiatke)*. Здесь в *Охотске* в продолжение двух с половиной месяцев крестилось 30 *тунгусов*, а на *Камчатке* в прошлый год много больше. Мне недостает школьных учителей как здесь, так и на *Камчатке*.

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 30—31. Перевод с автографа на немецком языке. Л. 29 — конверт с адресом: Господину фон Зальца, штатс-комиссару в Санкт-Петербурге (в оригинале на французском языке).

3.

ПИСЬМО В. БЕРИНГА ПРОФЕССОРУ А. Ф. СИГИЗМУНДИ.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 4

Благородный господин *профессор!*

Драгоценное Ваше письмо от 17 января 1739 года исправно мною получено 4 декабря того же года. Выражая признательность за содержащиеся в письме наилучшие пожелания, я, в свою очередь, желаю Вам всяческих благ. А особливо же, поскольку Вы доселе прилагали многие старания в наставлении моих детей, не оставлю своего старания при всяком случае воздать за сие Вашей чести.

После того как мои дети по требованию господина *резидента фон Гогенгольца* выехали в *Санкт-Петербург*, тот, узрев их, воздал Вам изрядную хвалу за Ваше рачение, особенно о младшем, который, видать, гораздо более преуспел в науках (о чем я уведомлен присланным мне письмом). И таковая *апробация* со стороны господина *фон Гогенгольца* доставила мне немалую радость. Хотя желал бы я, чтобы старший сын еще некоторое время оставался у Вашей чести для продолжения начатых *штудий*. Но поскольку он, выказав — отчасти из-за слабого зрения и ленивого *ума* — не много склонности к *штудиям*, пристроен господином *фон Гогенгольцем* на военную службу, то я принужден удовольствоваться и этим, хотя *занятие* его нам совсем не по нраву. Младшего же сына *рекомендую* Вам для продолжения *обучения*. В таком случае онный может — что будет ему не без пользы — упражняться в русском языке, особливо в чтении, письме и переводе, насколько позволяют *приватные* уроки.

Засим, кланяясь Вашей чести и Вашей супруге от моей любезной жены, которая, коли на то Богу угодно, отправится будущей весной отсюда в Санкт-Петербург, остаюсь

со всею преданностью
Вашей чести

усердно покорный слуга
В. Беринг

Охотск (Ochotzk)
февраля 4 дня 1740 года

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 8—8 об. Перевод с немецкого оригинала.
В оригинале подпись и заключение письма (со всею... слуга) — автограф Беринга. Внизу л. 8 притиска почерком, отличным от почерка В. Беринга: Господину профес[сору] Сигизмунди в Ревеле (в оригинале на французском языке). Л. 7 — конверт с адресом: Господину профессору Сигизмунди в Ревеле (в оригинале на французском языке).

4.

ПИСЬМО В. БЕРИНГА СЫНУ Й. БЕРИНГУ. 1740 Г. ФЕВРАЛЯ 4

Любезный сын мой!

Из двух Ваших писем, помеченных *Ревелем* и *Санкт-Петербургом*, узнал я, что Вы, слава Богу, находитесь в добром здравии, а также по Вашему желанию и с соизволения Его благородия господина *резидента фон Гогенгольца* приставлены к военному делу. Хотя я вкупе с дражайшей Вашей *матушкой* в прежнем нашем письме и разрешил Вам сие, следуя Вашему желанию, но мы и вообразить себе не могли, что дело примет такой оборот. Все ж желаю, чтобы это послужило к Вашему будущему благополучию. В остальном я *советую* Вам прилежно следовать наставлениям, содержащимся в письме дражайшей Вашей *матушки*, и продолжать беспрестанно упражняться в том, чему Вы уже обучились, среди прочего и в русском языке, и не только в чтении и письме, но и в переводе, дабы Ваше досужное время не без пользы было потрачено. Итак, я стану по мере сил моих оказывать Вам всяческое содействие до тех пор, пока примечать буду, что Вы ведете себя как христианин и порядочный человек, прилежащий к добродетелям. В надежде на сие вручая Вас под всемогущее покровительство Всевышнего, остаюсь

Ваш преданный родитель
В. Беринг

Охотск (Ocotsch), февраля 4 дня 1740.

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 21.
Перевод с автографа на немецком языке.

5.

ПИСЬМО В. БЕРИНГА СЫНУ Т. БЕРИНГУ. 1740 Г. ФЕВРАЛЯ 4

Любезный сын мой!

Я и дражайшая Ваша *матушка* удовольствованы тем, что можем надеяться найти в Вас на предбудущее время источник радости. Господин *резидент* сообщает нам, что Вами доволен. Также он уверяет нас, что поскольку Вы с прилежанием продолжаете заниматься тем же, что и начали, то для Вас можно б избрать иную участь, нежели для Вашего брата. Итак, мы надеемся, что Вы на радость Вашим дорогим родителям и ради Вашего собственного будущего благополучия приложите всяческое старание в *совершенствовании* уже начатого Вами, в чем обещаем всеусердную нашу *помощь*. Господин *профессор* написал мне 18 января прошедшего года, что если б Вы положили столько же трудов, что и сам господин *профессор*, то успехи в Ваших *штудиях* могли бы быть еще выше, что никому так не вредит, как Вам самим.

Между тем вот мое отеческое напутствие: будьте прежде всего богобоязненным, просите у Всевышнего его благословения и мудрости, и Он наставит Вас и дарует успех во всех Ваших предприятиях. Живите в мире со всеми людьми; ищите общества лучшего, нежели Вы сами; никого не презирайте, не будьте болтливы, будьте аккуратны и опрятны в одежде; не воображайте себя умнее, чем другие; выказывайте послушание господину *профессору* Вашему, который определенно желает Вам добра. В прочем же отсылаю Вас к письму дражайшей Вашей *матушки*. С тем, препоручая Вас защите Божьей, и остаюсь

любезного моего сына преданный родитель
В. Беринг

Охотск (Ochotsch), февраля 4 дня 1740 года

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 18—18 об.
Перевод с автографа на немецком языке.

6.

ПИСЬМО А. К. БЕРИНГ М. ПЮЛЬЗЕ, С ПРИПИСКОЙ В. БЕРИНГА.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Высокопочтенный государь *батюшка*!

Это мое третье письмо отсюда, из *Охотска*, к дражайшему моему *батюшке*. Мы же в течение нескольких лет не были столь счастливы и получили единственное письмо от Вас, дражайший мой *батюшка*. Сие

нас немало огорчает, и не ведаем, какая тому причина. В то же время мы рады были узнать от брата *фон Зальца*, а также от сестры *Эльфа*, что наш дражайший *батюшка*, слава Богу, по-прежнему жив и здоров и что большой пожар⁵¹ не причинил вреда *батюшкиному* дому. Но поскольку мы оставались в неведении, не претерпел ли убыток дражайший наш *батюшка* и каково в прочем его состояние, то мой *Беринг* вместе со мной написали *резиденту фон Гогенгольцу* и просили одного разузнать, в каком положении находится мой дражайший *батюшка* и, если *батюшка* в чем нуждается, то *помочь* ему 300 рублями или сколько будет дражайшему *батюшке* надобно. Сие наше обещание еще остается в силе по-прежнему, ежели дражайший мой *батюшка* в чем-либо надобность имеет. С охотою окажем вспоможение дражайшему нашему *батюшке*. Скорее мы сами окажемся в нужде, чем позволим нашему *батюшке* испытать оную в его летах. Боже сохрани дражайшего моего *батюшку* в добром здравии и удостой меня счастьем по моем приезде (который, надеюсь, непременно случится в конце 1741 года) увидеть и обнять дражайшего моего *батюшку* и поцеловать ему руки, что я за особенное счастье почитаю.

С каковым желанием остаюсь во всю жизнь

высокопочтенного государя *батюшки*

покорнейшая дочь

Анна Крист[ина] фон Беринг

Охотский (Ochotski), февраля 5 дня 1740 г.

Р. С. Всепокорнейше кланяюсь дражайшему моему *батюшке*, готовый оказать сыновние услуги, остаюсь навеки дражайшего *батюшки* послушнейший сын

В. Беринг

Прошу Вас отдать от меня поклон брату *Пюльзе*, сестре *Анкен* с домочадцами, кузену *Йенесу*, а также всем добрым друзьям. *Адье*.

Р. С. Пожалуйста, отдайте мой поклон господину *пастору*, кузену *Йенишу*. Ежели Вам не в труд будет, прошу кланяться многократно *тете Лунд*, моему брату, сестре *Анхин* с детьми ее. *Адье* от сердца, *батюшка*. Храни Вас Господь⁵².

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 26—26 об. Перевод с оригинала на немецком языке. Л. 15 — конверт с адресом: Господину Матиасу Пюльзе в Выборге (в оригинале на немецком языке со вставкой французских предлогов).

7.

ПИСЬМО А. К. БЕРИНГ СЕСТРЕ Е. Х. ЭЛВОЛЛ.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Возлюбленная сестра моя!

С последней почтой получила я письма от всех моих друзей и детей из Петербурга, только от тебя, сестра, не пришло ничего. Правда, госпожа *резидентша* известила меня, что сестра моя здорова и ожидает третьего ребенка от этого брака. Мне бы доставило радость услышать, что у вас все благополучно — в *канцелярии Адмиралтейств-коллегии* всегда можно справиться, когда отправляют почту. Подайте мне только весточку, как поживаешь ты, мои *Бетси (Betzi)* и *Матисгин (Matisgin)*⁵³, а также все прочие твои домочадцы.

Мы с детьми здесь, в глуши, слава Богу, в добром здравии. Мой *Беринг*, который от всего сердца Вам кланяется, уходит следующим летом в море, а я определенно намерена, ежели угодно Богу, отправиться этим летом в обратный путь, однако не надеюсь добраться до вас ранее конца 1741 года. По приезде я первым делом хотела бы испросить у любезной моей сестры выделить мне пару комнат, покуда не увижу, как все обернется. Бог знает, что там с моим *Йонасом*, которого они против наших чаяний так дурно пристроили. Я совершенно недовольна его нынешним состоянием и просила, чтоб они определили его в конную *гвардию*, где он мог бы оставаться до моего приезда. Не могла бы ты, сестра, вывести у него, откуда у него такое желание быть в военной службе, с чем мы совершенно не согласны. А желали б мы, чтобы он занялся чем-нибудь к гражданской службе принадлежащим.

Если ты, сестрица моя, будешь писать мне, то можешь отдать письмо госпоже *резидентше*. Как поживает дражайший наш старый *батюшка*? Слыхала я, пожар в *Выборге*, слава Богу, не причинил вреда его дому. Но мы все распорядили так, что ежели дражайший наш *батюшка* будет иметь какую нужду, они ни в чем ему не откажут. Мы с охотой подадим ему вспоможение. Продли Господь его годы, дабы я по приезде возымела радость застать дражайшего моего *батюшку* в добром здравии — я воистину почту сие за необыкновенное счастье. Коли ты, сестра, станешь писать нашему брату, кланяйся многократно ему, не забыв жену его и детей, от меня и всех моих родных. *Йанеман*⁵⁴ (*Janeman*) всегда получает письма из *Петербурга* от сестры и из *Выборга* от брата, я же ничего. Бог знает, почему так происходит.

Мои дети *извиняются* пред своей *тетушкой* и любезными кузенами, что теперь им не пишут, но уверяют последних в своей сестринской⁵⁵ преданности и кланяются любезной *тетушке*. *Аннушка* занята тем, что сочиняет изрядные внушения брату и хочет отправить их с ны-

нешней почтой. Но в этот раз она все ж таки не управится. Любезная моя сестра может не сомневаться, что и я и мой Беринг имеем к Вам прежнюю любовь, каковую надеюсь, если на то будет воля Божья, выказать самым делом. Прошу поцеловать за меня мою *Бетсинку* (*Bedsinka*) и маленького *Матиса* (*Matis*) с сердечным моим поклоном. Также любезному моему супругу я и мой муж многократно кланяемся, не говоря уж о тебе самой.

Остаюсь всегда

твоя преданная сестра и служница
Анна Крист[ина] фон Беринг

Охотский, февраля 5 дня 1740

Р. С. Уведомите, право, меня, получил ли дражайший наш *батюшка* мои письма. Это письмо написано второпях. *Адье*⁵⁶.

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 37—37 об. Перевод с оригинала на немецком языке. Л. 34 — конверт с адресом: Госпоже Эльфа в Санкт-Петербурге (в оригинале на французском языке).

8.

ПИСЬМО А. К. БЕРИНГ А. И. ФОН ЗАЛЬЦА.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Высокопочтенный государь брат!

Примечаю у себя два письма от государя брата моего, правда, оставшиеся без ответа. Из них я с радостью заметила, что Вы с Вашими любезными домочадцами, слава Богу, здоровы и благополучны. Храни Вас и впредь Всевышний и помоги нам когда-нибудь свидеться. Премного благодарю государя моего брата за попечение о моем здравии.

А ведь в то время даже мой *Беринг* не знал, в каких краях безлюдных я блуждала, отчего он слегка захворал. Ибо мои лошади по большей части разбежались, другие пали, и мне и моим детям угрожал голод и холод⁵⁷. Хвала Господу, я преодолела все это без большого ущерба. Когда мы однажды встретимся (если Господь даст мне здоровья, надеюсь, это случится в конце 1741 года), то чего я только Вам не порасскажу. Но сдастся мне, что радость моя будет столь велика, что я позабуду все напасти.

Я сожалею о сестре *Донгин*⁵⁸, что ее любезного супруга изувечило при выстреле, как и Вашего, государь брат, старшего сына в самом цвете его лет. В *офицерском* звании всегда должно ожидать подобного. Это беспокойная жизнь.

Благодарю Вас, любезный государь брат мой, за известия о дражайшем нашем *батюшке*. Для нас важно знать, как его здоровье. Особенно приятно мне было сведать, что пожар не причинил дражайшему

нашему *батюшке* вреда. Препоручаю Вам заботиться о нашем *батюшке* при всяком случае более, нежели обо мне самой. Ниспошли мне, Господи, счастье узреть дражайшего *батюшку*. Прошу Вас, не дайте испытать ему нужду в его лета. Коли будет надобно, я все ему отдам, в чем бы ни нуждался, только б он не страдал, а жил бы так, как привык. Сохрани его Боже!

Любезный мой брат! Желала бы я иметь случай с чистым сердцем отблагодарить Вас, государя моего брата за все старания о моем *Йонасе*. Храни его Господь! Но как Вы его пристроили! Под *мушкет* в обычный полк. В жизни своей я бы такого вообразить не могла! Почему не в конную *гвардию* или *кондуктором* в *инженерный* корпус? Великое дело — расходы, коли уж к ним готов! Хотя в *гвардии* продвижение идет медленнее, так что с того? У *Йонаса* много времени в запасе. Он только в девятнадцатый год своего возраста вступает. Ему, прежде чем его пошлют в *армию*, надобно совершенствовать свое *поведение* и еще многому учиться: читать и писать по-русски, переводить, ездить верхом и многое другое, чего ему по-прежнему недостает. А подобным путем сего не достичь. Боюсь, он забудет все, что выучил за шесть лет. Тому, что у *полковника Иксуля*⁵⁹ в *полку* есть *лифляндцы*, вполне можно верить. Не все родители хотят или могут тратить средства на своих детей, и деньги вовсе не были бы потеряны, если бы он проучился еще один лишний год и еще раз прошел выученное. Он всегда успеет достигнуть того положения, что и сейчас, даже если б ничему не учился. Каким образом *Петерсон* сразу стал *лейтенантом*? Что еще он умел, кроме как читать и писать, вести счета и говорить по-французски? Ему между тем было 26 лет. До того всегда можно дойти, ежели ни в чем другом не пощастливится и ничего иному не научится. Потому мне бы хотелось, раз уж *Йонас* так стремится вступить в военную службу, чтобы его определили в конную гвардию. Тогда он сможет употребить часы досуга к своей пользе и благополучию. Очень меня сие печалит. Чему он не учился в это время! А ведь без расходов не бывать бы тому. Дай Боже, чтобы он переменялся и взялся за то, что принесет ему пользу в *гражданской* службе. Издержки нам не в тягость, лишь бы только они пошли во благо детям.

Когда бы можно было сие предвидеть, то лучше б он явился к нам вместе с этим прибывшим *лейтенантом*. Тогда он оказался бы под крылом у своего отца и отправился бы с ним в плавание. И в первую же *кампанию* он мог бы стать *адъютантом* при родителе. После чего можно было позаботиться о дальнейшем производстве. Так мы рассуждали, но решили, что пускай он сперва там, где находится, зачин сделает, потому что нечему ему здесь учиться и ничто не приучит его к большому свету и светскому обхождению. Но теперь и того хуже, особенно ежели он стол в постоянных домах иметь будет, куда всякий народ

ходит, и где, как сестра моя пишет, стол и квартира станут ему в 5 рублей ежемесячно, и прочее. Оставляю сие на благорассуждение государя моего брата, стоит ли умение обращаться с *мушкетом* каких-либо расходов, и притом болтаться ему год или дольше в *регулярном полку*, чтобы стать унтер-офицером. Вот в конной гвардии, мне ведомо, много добропорядочных людей. Не всегда идет на пользу то, что дешево обходится, в особенности касательно знакомств. С худым поведешься, худое переймешь — это я изведала здесь, в наших краях. Надеюсь, брат мой не прогневается на меня за то, что не утаиваю в сем деле своего мнения, ибо многих слез мне это стоило, и я не могу успокоиться, пока я не получу лучших вестей. Усердно всем Вам кланяясь,

остаюсь высокопочтенного государя моего брата покорная служница

А[нна] Крист[ина] фон Беринг

Охотский

февраля 5 дня 1740 года

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 32—33 об. Перевод с оригинала на немецком языке. Внизу л. 32 другим почерком помета: Господину штатс-комиссару фон Зальца в Санкт-Петербурге (в оригинале на французском языке).

9.

ПИСЬМО А. К. БЕРИНГ СЕСТРЕ, Х. К. ФОН ЗАЛЬЦА.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Возлюбленная сестра!

От сердца радуюсь, что у тебя, сестра моя, и у всех твоих ближних все обстоит благополучно. Не тужите из-за того, что Господь благословил Вас множеством детей. Боже сохрани тебя, моя сестра, вкупе с дражайшим твоим супругом и любезными чадами в полном здравии. Худое положение дел у сестрицы *Сандерс*⁶⁰ чувствительно меня огорчает, равно как и то, что мой брат⁶¹ не лучшим образом наблюдает свою сыновнюю должность к государю нашему *батюшке*. Со временем ему, конечно, все откроется.

Предполагала я в это время быть у вас в Петербурге. Но сколь бы ни хотела я, о чем и писала, отправиться в это путешествие, многие обстоятельства привели меня вместо *Петербурга* в *Охотский*. И этим летом намерена я, ежели Богу будет угодно, лишь только мой любезный *Беринг* выйдет в море, двинуться в обратный путь, в Якутск. Да благословит Господь Всемогущий и то и другое предприятие!

Ты, любезная моя сестрица, сообщаешь, что оба наших сына приехали к Вам в гости, что младший опять уехал в *Ревель* и что ты, сестра, с радостью взяла бы к себе в дом старшего, оставшегося в *Петербурге*, да у вас нет свободной комнаты. Благодарю Вас за добрые намерения, однако я совсем на то не надеялась. Мне довольно ведомо, что у вас самих полон дом детишек. И ему б не годилось *квартировать* на Васильевском острове (*Wassili Ostrowa*), потому я упросила благородную госпожу *резидентшу* взять на себя и этот труд вместе со всеми прочими. *Полковник Иксуль*, которого Вы, сестрица, так мне нахваливаете, если это тот, который был *ротмистром* в конной *гвардии*, мне знаком. Он разведен с женой. Ему братец *фон Зальца* препоручил моего *Йонаса*. И то, что под его командой много лифляндцев, похоже на правду. Среди них, равно как и среди прочих, много таких, чьи родители не хотят или не могут нести расходы на своих детей. Мы же, напротив, охотно издерживаем по мере наших сил, если только сие послужит к пользе и благополучию детей. Ты, сестра, пишешь, что, по твоему разумению, расходы в *Санкт-Петербурге* не составят большей суммы, чем в *Ревеле*, ежели б он там оставался, и что, мнится тебе, стол и квартира станут ему в 5 рублей, мытье, столовое белье и дрова в 5 рублей, слуга в 2 рубля. Только чему он там научится, обращаясь с *мушкетом*! Расходы, слава тебе Господи, нас не заботят. Но избави Бог ему оказаться в таких домах *Петербурга*, где стол и квартиру за такую сумму получит. Туда все *лакеи* вход имеют. Сие меня в немалое беспокойство приводит. Имей я крылья, непременно прилетела б к Вам, дабы спастись от терзаний. До того запало мне в душу, как *Йонаса* пристроили. Или, быть может, он ленив и ни к чему другому не годится, и они скрывают это от меня, не желая огорчать?

Впрочем, уверяю сестрицу мою, что все, что вы делаете для моих детей в мое отсутствие, сделаю и я для Ваших детей, коли Господь продлит мои дни. Кланяйся от меня многократно дражайшему нашему *батюшке*, а также нашему братцу. Удивляюсь я, что за много лет ни единого письма от дражайшего нашего *батюшки* не получила. Чего ради, сестра, при удобном случае уведомите нашего *батюшку*, что из *Коллегии* уходит сюда почта, по меньшей мере, три-четыре раза в год. Мой поклон господину *вице-президенту Принсестерну* (*Prinssestern*)⁶² и его супруге, сестре *Эльфа* и всем добрым друзьям, которые меня помнят.

Остаюсь неизменно твоя преданная сестра

Анна К[ристина] фон Беринг

Р. S. Поцелуй за меня твоих милых детей. Моя *Аннушка* (*Anusca*) и *Тонгин* (*Thongin*)⁶³ тоже кланяются своим *тете* и *дяде*, *кузенам* и *кузинам*.

Адье

Охотский

февраля 5 дня 1740

Р. С. Прошу дать мне знать, получил ли *батюшка* мои письма, по-
неже мы от него ничего не получали. *Адье*⁶⁴.

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 35—35 об.

Перевод с оригинала на немецком языке.

10.

ПИСЬМО А. К. БЕРИНГ РЕЗИДЕНТУ Н. С. ГОГЕНГОЛЬЦУ.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Государь мой,

Высокопочтенный господин *резидент*! Премногие благодеяния Ва-
ши, о которых узнала я из Вашего высокопочтенного писания к моему
мужу от 10 *февраля* прошедшего года, а также из приятных для меня
строчек, прибавленных к почтенному письму ко мне госпожи супруги
Вашей, неизгладимо в памяти моей запечатлены. Будучи, однако, в смя-
тении мыслей, не могу сказать ничего более, кроме того что пребуду у
Вас в вечном долгу. Сего довольно для изъявления моих чувств. В иск-
ренности их может уверить Вас моя признательность.

Милостивый государь мой, господин *резидент*, то, что вы вызвали
моих детей из *Ревеля*, дабы посмотреть, сколь преуспели они за 6 лет, я
всегда буду помнить с великой благодарностью. И возвращение млад-
шего в *Ревель* для продолжения своих *штудий* и *экзерциций* весьма мне
приятно. Но, говоря по чистой совести, дражайший мой *Badska*⁶⁵, отчего
же Вы так плохо *устроили* старшего? Не сомневаюсь, то был совет мое-
го брата *фон Зальца*. Я от всего сердца опечалена этим. Но что сделано,
того уж не поправить. Мне трудно утаить мое мнение на сей счет, нахо-
дясь в уверенности, что господин *резидент* доселе премного доброты
являл моим детям. Милостивый государь мой, господин *резидент*, Вы
благоизволили сообщить, что поспособствуете производству моего сы-
на в *фенрики* в напольном *полку*. Вместо этого покорно прошу Вас,
ежели он еще желает оставаться в военном звании, доставить ему место
в конной *гвардии*, хотя *авансирование* там и происходит медленнее. Он
еще молод и только вступает в девятнадцатый год своего возраста. Это
даст ему больше пользы и почета, нежели когда его отправят в *армию*.
Он сперва должен обучиться тому, чего ему по-прежнему недостает:
читать и писать на русском языке, ездить верхом, — и я прошу дра-
жайшего моего *Badska* сделать об этом *распоряжение*, поскольку Вы
более зрело понимаете, что необходимо для его будущего счастья и

умения. Мы согласны на любые расходы, которые Вы почтете нужными. Если б можно было устроить так, чтобы определили его унтер-офицером в вышеупомянутую *гвардию* на том основании, что он столь долго находился в *регулярном полку*, то меня б это порадовало. Чаяла, он к *гражданской* службе пристанет, однако нет у него к тому охоты, так пусть остается в *гвардии* до моего приезда, что, уповаю, должно случиться — коли по воле Божьей жива буду — в конце 1741 года. А покуда может он употребить сие время к своей пользе. Я писала к господину *графу фон Остерману* и просила его сиятельство при всяком случае иметь попечение об обоих моих детях. Надеюсь, Вам это не противно.

Напоминание милостивого государя моего, господина *резидента* о *самолучшем* зеленом и о *черном чае* я не забуду. Если у меня будет верная оказия до отъезда, то вышлю вперед коробку. Живем мы здесь в пустынном краю, до *Иркутска (Ircutski)* отсюда 3000 верст.

В прочем желаю, чтобы Господь Всевышний сохранил Вас, дражайший государь мой, господин *резидент*, и супругу Вашу, любезную мою сердечную подругу, во всяком желанном благополучии в наступающем новом году и во все последующие годы, о чем воистину буду молить Всевышнего. Даруй, Господи, счастье найти вас в столь желанном мне довольстве. Я чуть не забыла поблагодарить Вас за учтивый укор моему мужу, никак не вспомянувшему в письме братцу *фон Зальца* свою супругу. Однако уверяю Вас, что и сам он тогда не ведал, в каких дебрях блуждает она, отсутствуя так долго. Между тем мне приятно, что мои друзья помнят меня и спрашивают обо мне.

Того ради я и впредь препоручаю себя и остаюсь со всей мыслимой признательностью и почтением во всю свою жизнь

высокопочтенного государя
моего, господина *резидента*
усердная служница
Анна фон Беринг

Охотский (Ochotski)
февраля 5 дня 1740 года

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 16—17 об. Перевод с оригинала на немецком языке. Внизу л. 16 другим почерком ошибочная помета: Господину Матиасу Пюльсу (в оригинале на французском языке).

А. К. БЕРИНГ ЖЕНЕ РЕЗИДЕНТА Н. С. ФОН ГОГЕНГОЛЬЦА.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Милостивая *государыня!*

Высокомилостивое письмо драгоценной моей подруги от 8 *февраля* вместе с другими двумя вложенными письмами 4 *декабря* того же года с посланным сюда *лейтенантом* с великой радостью получила, ибо ныне совершенно я обнадеежена в особенной любви ко мне моей сердечной подруги. А к вящему уверению в том, что я по-прежнему пребываю в доброй памяти моей подруги и пользуюсь Вашей вечной и драгоценной для меня дружбой, изволили Вы вызвать моих детей из *Ревеля* и удостоили их чести жить и иметь стол в Вашем доме, за что всепокорнейше благодарю. Находясь так далеко, я не могу выразить свои чувства иначе, как только желая, чтобы всемогущий Бог сохранил Вас, сердечную мою подругу, и Вашего супруга во всем желанном благополучии, а мне бы даровал счастье доказать на деле мою искреннюю преданность.

Редко бывает радость без печали — так и со мной на сей раз случилось. Я весьма сокрушаюсь нынешним положением моего сына. Действительно, я сама просила дражайшего господина *резидента*, чтобы он, следуя настоятельному желанию моего сына, устроил его в военную службу, но то, что это может случиться таким образом, я и вообразить себе не могла, и уверена, что присоветовал сие брат мой *фон Зальца*. Почему не в конную *гвардию*, хотя производство в чины там и идет медленно, или в *инженерный корпус кондуктором*? Он еще молод и только вступает в девятнадцатый год своего возраста. Вполне вероятно, что в том же *полку*, где служит *Йонас*, есть *лифляндцы* из благородных. Дела могут идти иным образом, когда родители не хотят или не могут брать на себя большие расходы. Мы, напротив, с охотой пособим нашим детям выдвинуться и не поскупимся на издержки, если они послужат к благополучию наших детей. Сим способом не получить то, чего ему еще недостает, да и не приучится он к большому свету и жить там не сумеет. Посему просила я Вас, сердечная моя подруга, в прошлом моем письме удостоить моего сына чести, пока он находится в *Петербурге*, иметь у Вас жилище и стол. А теперь сомневаюсь, чтоб позволительно было то делать, принимая во внимание нынешнее его худое положение, и особенно потому, что сестра моя, госпожа *фон Зальца* мне пишет, что стол и квартира будут стоить ему 5 рублей, мытье, столовое белье и дрова 3 рубля и так далее, и что его расходы составили бы сумму не большую, чем в *Ревеле*, когда он там пребывал. Сие-то нас не печалит вовсе, но как представляю себе, что он болтается в постоянных домах и привык к таким компаниям, которые в подобные заведения ходят,

и что он забыл даже то малое, чему за шесть лет выучился, — в великое беспокойство прихожу.

Дражайшая моя приятельница, не прогневайтесь на меня, ведь нет у меня более близкой подруги, дабы излить ей душу, и мне невозможно утаить своего мнения в сем деле. Господин *резидент* сообщает в письме к моему любезному супругу, что он намерен доставить нашему сыну место *фенрика* в напольном *полку* и послать его в *армию*, для чего тот еще слишком молод и должен многому научиться. Меня же дражайший мой *Badska* в строчках, прибавленных к Вашему, сердечная моя подруга, высокопочтенному письму, уверяет, что будет заботиться о моих детях, как о собственных. За сие до конца моих дней ему обязана и прошу, чтобы моего сына не посылали в *армию* в чине *фенрика*, а благополучия его ради доставили б место унтер-офицера в конной *гвардии*, либо какое наиспособнее получить можно будет. Там он и оставаться сможет до моего прибытия в *Петербург*, каковое, чаятельно, случится в конце 1741 года, коли Господь продлит мои дни.

Дошедший до вас слух о моем возвращении с истиною довольно схож. Но как бы ни желала я тогда, как явствует из моих писем, выехать в *Петербург*, многие обстоятельства воспрепятствовали сему случиться. Ныне же, с Божьей помощью, все почти решено, если только жива буду. Летом муж мой выходит в плавание, дай Бог благополучного в том успеха и да пребудет с ними благословение Его. А я отправлюсь отсюда назад, в Якутск (*Iacutski*). Здесь я надеюсь залучить компанию⁶⁶ и тогда продолжу мой путь далее.

Что касается *Томаса*, то, мнится нам, ему более нужды нет до того сроку в *Ревеле* обучаться, а для *университета* он слишком молод. Того ради написала я господину *графу фон Остерману* и просила его высокографское сиятельство взять одного к себе и пристроить к такому месту, к какому его высокографское сиятельство найдет способным, дабы для будущего своего благополучия он навыки приобрел. Надеюсь, сие не будет противно моей сердечной подруге. Когда вышеупомянутый господин *граф* по моей просьбе пожелает видеть моего сына, то прошу Вас, сердечная моя подруга, ему и впредь, равно как и ранее, советом и лаской споспешествовать. Пожалуйста, справьте ему и одежду, чтобы он *показаться* смог среди таковых людей. Все это я оставляю, дражайшая моя подруга, на Ваше благоусмотрение.

Просила я также, ежели господин *граф* пошлет своего сына, молодого господина *графа*, в чужие края, оказать моему сыну честь сопровождать одного в *свите*⁶⁷. Мы охотно, по мере наших сил, на сие издерживать станем. Мы б желали, чтобы старший поболее обучился и к *гражданской* службе сделался пригодным, ибо солдатская жизнь беспокойна и редко кончается добром.

Чего только мы не вынесли, чего не претерпели! А какую *радость* получили мы за все наши труды? Хотя б рядом несколько человек было, с которыми искренне можно обходиться — уже сие доставило бы нам великое удовольствие здесь, в глуши. Язычников встречаем мы здесь достаточно, многие из которых в этом году приняли крещение. Тут женщины наравне с мужчинами ездят верхом на *оленях*. Здешний *народ*⁶⁸ выглядит намного лучше, чем *якуты*.

В прошлом моем письме просила я Вас, моя дражайшая подруга, прислать мне с *господином капитаном Шпанбергом (Spanberg)*⁶⁹ некоторые мелочи, которые всегда могут оказаться мне полезны, хотя я и по пути их раздобуду. Однако ныне пришел указ, что вышепомянутый *капитан* сам приезжать не должен, после чего он остался в *Якутске*, ожидая дальнейших приказов. Туда он был послан моим мужем по *апробации Коллегии*. Прошу между тем прислать мне, сколько можно, из требуемого мною с двумя нарочными *курьерами (expressen)*.

Как только дражайший мой супруг отъедет, а я прибуду в *Якутск*, то и отпишу Вам, моя сердечная подруга. Мои дети *Аннушка (Anuska)* и *Тонгин (Tongin)*⁷⁰, слава Богу, живы и здоровы, и выросли изрядно. Оба Вам кланяются, моя сердечная подруга, за Ваши любовь и ласку.

Прошу Вас, сердечная моя подруга, навсегда оставаться моей приятельницей и не оставлять моих детей, находящихся в вашем краю. За какую-либо приязнь благодарна пребуду до конца моих дней. Даруй, Боже всемогущий, нам радость свидеться друг с другом. Засим я вкуче с супругом моим кланяюсь Вам и остаюсь со всею искренностью

дражайшей моей подруги
усердная ко услугам
Анна Крист[ина] фон Беринг

Охотский (Ochotski)
февраля 5 дня 1740

P. S. Продолжайте писать мне, сердечная моя подруга, до тех пор, пока Вы не получите от меня письма из *Тобольска (Tabolski)*. Письма, однако, надобно впредь на мое имя *адресовать*. Также и вещи, буде Вы какие мне пошлете, о чем я еще раз прошу. Ежели *господин капитан Шпанберг* отправится в путь раньше меня, то непременно пошлю с ним коробочку *шар-чая*⁷¹ (*shōar tee*). В сем письме я посылаю на пробу щепоть цветочного *чая*, который здесь очень ценится. Напишите мне, подруга моя, по вкусу ли он Вам придется и должно ли мне постараться такого еще с собой привезти.

Ежели *Томас* приедет к господину *графу*, то я прошу Вас, моя подруга, велите купить ему золотой или серебряный камзол на Ваше благоусмотрение.

Адье, сердечная моя подруга, прощайте! Коли возможно так устроить, чтобы *Йонаса* до моего приезда произвели *фенриком* в конную *гвардию*, — буде он еще желает остаться в военном звании — то я готова употребить на сие некоторые *расходы*. Но охотнее бы мы желали, чтобы он переменял свое мнение и предался бы занятиям, к *гражданскому* состоянию принадлежащим. Вас же прошу, сердечная моя подруга, а также моего дражайшего *Badska* в сем деле наилучший совет подать, на который вслед за Божьей помощью полагаюсь. *Адье*.

Коль скоро будет возможно, пожалуйста, доставьте мне радость письмом Вашим, моя сердечная подруга. А *Йонаса* посылать в *армию* не надобно, пусть остается в *Петербурге* до моего приезда⁷².

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 11—14. Перевод с оригинала на немецком языке. На л. 11 помета другим почерком: Госпоже резидентше де Гогенгольц (в оригинале на французском языке). Л. 10 — конверт с адресом: Госпоже резидентше де Гогенгольц в Санкт-Петербурге (в оригинале на французском языке).

12.

ПИСЬМО А. К. БЕРИНГ ЖЕНЕ ПРОФЕССОРА СИГИЗМУНДИ.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Высокопочтенная госпожа *профессорша*,
дражайшая моя подруга!

Сколь преисполнилась я радости, завидев *пакет* с адресом господина *резидента фон Гогенгольца*, однако и нечто досадительное с оным же открылось, ибо я узнала, что моего старшего сына забрали от господина *профессора* и определили в *мушкетерный* полк. Сие было мне весьма прискорбно. Но что сделано, того уж не поправить. Когда же я все письма ко мне просмотрела, то не обнаружила ни одного от Вас, подруги моей. В то, что Вы меня позабыли, я поверить не могу, а между тем нахожусь в недоумении. Ни господин *профессор*, ни дети мои ни единым словом не обмолвились, как то, однако, приличествовало бы. Желаем мы весьма знать, что тому за причина. Я, со своей стороны, думаю, что помешали Вам хлопоты с отправлением моих детей в *Петербург*. А притом надеемся мы, что и Вы, и дражайший господин *профессор* живы и здоровы.

Как и прежде, *рекомендую* Вашим заботам моего *Томаса*. Мне б хотелось, чтобы он рачительно свое время употреблял и учился бы всему, чему можно выучиться, для его же пользы. Расходов мы не пожалеем, лишь бы только они послужили к его благополучию. Теперь не чаю я добраться до *Петербурга* прежде 1741 года, коли жива буду, и может

статься, что к тому времени моему сыну нужды уже не будет долее учиться в *Ревеле*. Того ради писала я господину *графу Остерману*. Я просила его *высокографское сиятельство* взять этого сына к себе, когда он окончит учение, и пристроить его к такому месту, к которому его *высокографское сиятельство* способным сочтет, дабы он навыки приобрел для будущей своей службы, которую ему мы назначили. Предмет желаний моих — чтоб и старший изрядно обучился и смог составить себе счастье по *гражданской* линии. А что до младшего — не хотела бы я приехать и не заставить его, хотя в *университет* его не отошлешь за молодостью. В будущем мае месяце исполнится ему 17 лет. Ему необходимо уметь надлежит читать и писать на русском языке, а также переводить. Дражайший господин *профессор*, ежели не занят он с другими наставниками, сделайте милость, обучайте моего сына на *виоль де гамбе* играть. За обещанной шубой дело не станет, даже в том случае, когда оба моих сына уедут от Вас до моего прибытия. Оное почти наверно последует, ежели Всевышний избавит меня от напастей — на что я уповаю. В прочем прошу иметь попечение о сем моем сыне, как о Вашем собственном, для его благополучия, каковая ласка навеки в памяти моей запечатлеется.

Прошу многократно от меня кланяться будущей моей невестке и уверить ее в обещанном *презенте*. Прошу Вас лишь оставаться неизменной в чувствах к ней, моего же сына, а Вашего воспитанника, увещевать, дабы старался он преуспеть в добродетелях и благонравии, сделавшись достойным прекрасной сей девицы. Дражайший мой супруг несчетно кланяется моей подруге, также и от меня поклон дражайшему господину *профессору*.

Остаюсь навечно высокопочтенной госпожи *профессорши*,
дражайшей моей подруги
усердно покорная услужница
Анна Крист[ина] фон Беринг

Охотский (Ochotski)
февраля 5 дня 1740 года

Госпоже *ландратше Рудберг (Rudberg)*, хотя я ей и не представлена, рекомендую, також поклон от меня всем добрым друзьям. *Адье*.

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 9—9 об.
Перевод с оригинала на немецком языке.

ПИСЬМО А. К. БЕРИНГ СЫНУ Й. БЕРИНГУ.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Возлюбленный мой сын!

Оба письма любезного нашего сына, Вашему дражайшему *батюшке* отправленные, одно из *Ревеля* от 18 января, другое из *Санкт-Петербурга* от 8 февраля, получены нами здесь 4 декабря того же года. Я от сердца возрадовалась здравью Вашему, но весьма тем удивлена, что Вы, мой сын, не нашли лишнего времени, дабы написать особое письмо любезной Вашей *матушке*. Уж верно, заботы Ваши не столь велики были, что от сего Вас удерживали. Однако не стану за то лишать Вас своей материнской любви и благожелательных советов, но поведаю любезному моему сыну, сколь меня сокрушило и стоило многих слез известие, что он вступил в *регулярный полк мушкетером*. Понеже Вы великую склонность имели к военной службе и того для испрашивали дражайшего Вашего *батюшки* позволения, то дражайший Ваш *батюшка* купно со мною в прошлом нашем писании к *господину резиденту* сие и соизволили. Правда, нам не слишком по нраву было, что Вы не желаете далее упражняться в *учении*. Но принять звание простого *солдата*, да в *регулярном полку* — такого, избави Бог, мы и представить себе не могли. Того достигнуть может любой, кем бы он ни был, даже кто-нибудь из наших слуг, пусть бы и ничему не учился. Если б такое могло прийти в голову, то много б лучше было приехать Вам сюда с тем *лейтенантом*, который привез нам письма. Тогда бы Вы первую кампанию на море могли в чине *кадета* вместе с Вашим *батюшкой* пройти, а вторую — *мичманом* (а сей ранг равен *подпоручикову* в армии) и притом *адъютантом* при Вашем *батюшке*. И быть бы Вам у дражайшего *батюшки* под крылом, покуда Господь милосердный не даст лучшего случая. По новому уставу морская служба много выгоднее сухопутной.

Мы бы о сем уже тогда отписали, да дело в том, что здесь ничего не узнаешь и ничему не научишься, что бы помогло способностям молодого человека. Потому мы рассудили, что Вам полезнее будет обучиться поболее, оставаясь на месте, и усовершенствовать свое *поведение*, ибо время для Вас еще не потеряно. Вам ведь только 19-й год. Вы на свет появились в 1721 году. И мы думали, что Вы сможете вступить в конную *гвардию* или в *инженерный корпус кондуктором*. Тогда б Вам представился случай быть рекомендованным и водиться с порядочными людьми, а в остальное время обучаться благополезным вещам, коих Вам еще не достает. Для образованного молодого человека, ежели он не ленив и не бездельник, всегда сыщутся способы. Сколь многие выходят

из полков и посвящают себя другим занятиям. А такие, кто ничему иному не выучился, кроме того, что до солдатской службы принадлежит, принуждены в оном состоянии и оставаться. А это беспокойная жизнь. Но когда и достигнут они чина, к примеру *капитана* или *майора*, то, чтобы справить себе праздничное платье, им три года приходится сидеть на постных щах, пока не расплатятся. Совсем иное дело знатные господа или люди, у которых есть имения. Они служат, дабы снять себе славу и чин, и подобного рода людей не пошлют туда, где опасно. Да что еще Вы забыли в армии?! Вот отстрелят Вам руку или ногу в младые Ваши годы, так и останетесь до конца Ваших дней калеккой. Поглядите на зятя брата *фон Зальца* или на его собственного сына. Нет, сын мой, Вы для этого еще слишком молоды. Сперва займитесь тем, что к высоким *титулам* приводит, и поразмыслите-ка. Вот пока мой Вам совет, доколе Господь меня к Вам не привел.

Вы, мой сын, рассказываете, будто слабое зрение помеха Вам в *учении*. Так для чего Вы тогда в музыке не упражнялись? Это уж способностей касается, и не глаза тому виной. Тоже и с чтением и письмом на русском языке: и сему Вам надобно учиться, буде еще не обучились. На расходы мы не поскупимся, лишь бы только Вам это послужило во благо. Однако я весьма обеспокоена, потому что сестра *фон Зальца* пишет мне, что стол и квартира станут Вам в 5 рублей ежемесячно, також пишет, что у нее лишней комнаты нету, а иначе б она Вас к себепустила. Признаться, подобного от нее я никак не чаяла. Да только и думать не хочу, что Вы по постоянным домам таскаться станете, а дражайшие друзья наши, господин *резидент* и любезная госпожа *резидентша*, до того допустят. В прошлом моем письме просила я их оказать моему сыну честь, дав ему кров и стол, за какую милость обязалась пребыть должницей их до моего приезда. Когда же этого не случилось при Вашем нынешнем худом положении, то мнится мне, что в сих похвальных компаниях, которые в подобных обстоятельствах встречаются, Вы позабыли все, чему обучились за 6 лет, и что теперь Вы можете сказать, что значит быть солдатом. Я не смогу успокоиться, покуда не узнаю, каково Ваше здравие, где вы *квартируете*, где столуетесь, где время провождаете, не рассказываетесь ли Вы. Я писала господину *резиденту*, а также госпоже *резидентше* и усиленно просила их забрать моего сына из *полка* и, коли можно, ежели Вы по-прежнему упорствуете в своем желании в *военном звании* находиться, для Вашего благополучия определить Вас в конную *гвардию* в унтер-офицерском чине, либо какой наиболее доставить будет можно.

Отнюдь не сомневаюсь, что господин *резидент*, на которого я на первого после Господа полагаюсь, в том деле пособить Вам сумеет. Он в небытность нашу и опричь сего отеческое попечение о вас имеет. Я

почти уверена, что господин *резидент* никогда бы не принял такого решения, если бы братец мой фон *Зальца* не присоветовал. Вы сами поразмыслить можете. В сем нашем путешествии ничто нас не тяготит, хотя, Бог свидетель, мы многие трудности испытываем, лишь бы помочь любезным нашим детям, и не жалею ничего, что было бы им во благо. И при всем при том ничего лучшего от Вас не получила, кроме известия, что за пару лет Вы можете забыть все, чему научились за шесть. Был такой *Петерсон*, купецкий сын, определился в военную службу и сразу же начал с *лейтенантского* чина в одном из наполевных полков. Но ему было 26 лет. Сего можно всегда достигнуть, если ничего другого не удалось.

Весьма бы мне хотелось видеть Вас настолько обучившимся, чтобы искать свое счастье в *гражданской* службе. И там не только ученые люди бывают. У Вас еще есть время. Подумайте хорошенько, помолитесь Господу Всевышнему, дабы Он наставил Вас, и Вы б познали, что во благо Вашему телу и душе. Отпишите мне, как жилось Вам все то время, что в *Петербурге* находитесь, и не оказал ли кто Вам какой ласки, чтобы я ведала, кто одалживает меня благоволением в мое отсутствие, а также обо всех Ваших обстоятельствах.

В прочем же вот мое материнское увещание: воистину Бога бойтесь, подателя всех наших благ; избегайте общества дурных и низких людей, где Вас могут приучить к игре, пьянству и другим непотребствам; всегда ищите общества людей лучших, чем Вы сами; прилежно употребляйте досужные часы к Вашей пользе; умеете любезным быть и знатному, и худородному; миролюбивы будьте и не болтливы, чтоб не причинить Вашим любезным родителям скорби сердечной. Будьте аккуратны и опрятны, дабы всегда являли собой, что Вы таких родителей, кои по мере сил ничего не жалели для Вашего воспитания. Тогда и небеса непременно прольют на Вас многие щедроты. Направи Вас Господи Святым своим Духом и подай Вам счастье и благословение во всех Ваших предприятиях.

Ежели Вы брату Вашему станете писать, то кланяйтесь ему от меня, как и от Ваших сестры и брата, которые, слава Богу, пребывают здесь, в пустынном краю, в добром здравии. Но паче всего не забывайте прилежно писать Вашему дедушке и передавайте от меня нижайшие поклоны. Завершаю сие изъявлением великого желания получить известие о Вашем теперешнем состоянии и препоручаю Вас защите Божьей. Остаюсь неизменно, покуда Вы порядочно поступаете, Вашей дорогой и преданной матерью

Анна Крист[ина] фон Беринг
Охотский (Okhotski)

февраля 5 дня 1740

Р. С. Я только то прибавить должна, чтоб Вы всегда *совета* у господина *резидента*, а также у дражайшей госпожи *резидентши* спрашивали. Будьте послушны и почтительны, сохраняя их *благоволение*; остерегайтесь быть мотом, имейте внимание к тому, сколько трудов положили Ваши дорогие родители, сколько на Вас издержали и еще издержат. Заботьтесь о будущем Вашем благополучии. Прощайте. *Адье*⁷³.

Р. С. Коли по воле Божьей жива буду, то, верно, отправлюсь в обратный путь этой весною, в мае месяце⁷⁴.

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 22—24 об.
Перевод с оригинала на немецком языке.

14.

ПИСЬМО А. К. БЕРИНГ СЫНУ Т. БЕРИНГУ.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Возлюбленный сын!

От души радуемся доброму здравью Вашему, а также Вашей твердости в продолжении начатых Вами *штудий* и *экзерциций*, о чем нам известно стало как из писания господина *резидента*, так и из Вашего любезного мне письма от 8 *февраля* прошедшего года, полученного нами здесь 4 декабря того же года. Вы, дорогой сын, обещаете мне стараться доставлять радость своим дорогим родителям, особливо дорогой Вашей *матушке*. По ее прибытии — дай того Боже! — Вы уверитесь сможете, что дорогие Ваши родители не пожалеют никаких средств, для Вашего будущего благополучия потребных, с какими бы трудами и лишениями им деньги ни доставались. Лишь бы только примечали Вашу охоту и усердие.

Вы, мой сын, ничего не сообщаете мне, как Вас приняли мои друзья в *Санкт-Петербурге*, и кто еще одолжил меня, учинив вам какие благодеяния. Сие весьма желала б я знать, дабы не оставаться в долгу. Ибо добро, моим детям кем-либо сотворенное, особенно в мое отсутствие, почитаю я выше, чем ежели б со мною то произошло. Напишите мне все обстоятельно.

Нам совсем не по душе, что Вашего брата столь рано забрали от дражайшего господина *профессора* и так дурно пристроили. И уж если он ни к чему другому охоты не имел, кроме как к *военной службе*, что мы и позволили по его просьбе, то почему не в *гвардию* или в *инженерный корпус кондуктором*? Такого мы никогда вообразить себе не могли, да он и слишком молод, чтобы посылать его в *армию*! Того ради написали мы господину *резиденту* и просили его, раз уж он по-прежнему хочет пребывать в военном звании, доставить ему место в конной *гвар-*

диш, где он может оставаться до моего приезда. Нынешнее его положение очень меня печалит. Одному Богу ведомо, сколь пекусь я о благополучии любезных моих детей. Доколе они сами себе добра желают, и Всевышнего о том же молить можно, который податель есть всех наших благ. А потому вот мое материнское наставление: во-первых, истинно Бога бойтесь, будьте миролюбивы, *воздержны*, не болтливы, опрятны, аккуратны, не расточительны; ищите общества людей лучших, нежели Вы сами, и того для не презирайте никого, кто стоит ниже Вас; будьте ласковы ко всем людям и смиренны, избегайте распутной компании. Слушайтесь дражайших Ваших воспитателей, которые, несомненно, желают Вам добра и любят Вас. И тогда можете не сомневаться, что Господь Всевышний сохранит Вас от всего дурного и прольет на Вас свои щедроты. Благослови и сохрани Вас Господь Всемогущий! Направи Вас Духом своим Святым! Дай Боже Вам силы и мудрости во всех Ваших предприятиях!

Любезный мой сын! Желающие счастья себе в сем государстве снискать необходимо должны уметь на русском языке читать и писать. Тому и Вам надлежит обучиться. Ежели, паче чаяния, не пропала у Вас охота к учению, то можете просить дражайшего господина *профессора*, пусть он наймет Вам *учителя* и издержки на него в счет поставит. Упраздняйте хорошенько на *виоль де гамбе*, дабы, когда приеду, Вы могли б показать мне искусство в игре своей. И можете быть уверены, что за обещанными *презентами* дело не станет.

Ныне не надеюсь я ранее 1741 года в обратный путь из *Якутска* (*Iacutski*) отправиться, куда намерена выехать отсюда, если Богу будет угодно, этим летом, в одно время с тем, как Ваш *батюшка* уйдет в плавание. Поэтому, если жива останусь, буду я в Петербурге или неподалеку от него к концу того же года. Дай мне, Господи, удачи и благослови! Сдается нам, ежели Вы, мой сын, были прилежны, к тому времени будет Вам нечему более учиться в *Ревеле*, а для университета Вы еще слишком молоды⁷⁵. И той ради причины дражайший Ваш *батюшка* писал господину *графу фон Остерману* (*Ostermann*) и просил *его* высокографское сиятельство взять Вас к себе и высокомилоливо пристроить к такому месту, к которому его сиятельство способным Вас сочтет⁷⁶. Если господин *граф* по прошению нашему примет Вас к себе, то сие начало сделает Вашей службы на *гражданском* поприще, к чему мы Вас назначали, и с той поры Вы можете ожидать счастья и благополучия в будущем. Но перво-наперво надобно некоторые навыки приобрести, потому мы сами будем содержать Вас. О сем пишу теперь госпоже *резидентше* и прошу их все необходимое для Вас исправить. Между тем дражайший Ваш *батюшка* просил одного же господина *графа* оказать Вам также честь сопровождать его сына, молодого *графа*⁷⁷, когда

он в чужие края поедет. Средства на то обещаемся по мере наших сил употребить. Однако не согласно с намерением моим будет, ежели отъезд Ваш воспоследует до моего прибытия, ибо сердечно желаю с Вами свидеться. Дай, Господи, случиться сему в добрый час.

Мнится мне, что при вступлении в *первый класс (prima classe) Ревельской гимназии* держат *речь*. И Вы, мой сын, думаю, то же самое делали. Но для чего *речь* эта не была переписана и послана дражайшим Вашим родителям? Я все еще хочу получить ее. Любезные Ваши сестра и младший брат кланяются Вам многократно. Они не хотят Вам писать, потому что Вы не писали им, и всячески отговариваются.

Препоручая Вас защите Божьей, остаюсь

любезного моего сына
доброжелательная и преданная *матушка*
Анна Крист[ина] фон Беринг

Охотский (Ochotski)
февраля 5 дня 1740 года

P. S. Мой сердечный поклон дражайшему господину *профессору* — шуба его забыта не будет! — також и любезной госпоже *профессорше*. Мои уверения в преданности прекрасной Вашей девице. *Адье*, прощайте⁷⁸.

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 19—20 об.
Перевод с оригинала на немецком языке.

15.

ПИСЬМО А. БЕРИНГА Й. БЕРИНГУ.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

*Возлюбленный мой брат!*⁷⁹

Будучи вполне уверен в Вашей братской любви, тем паче принужден я тому удивляться, что до сих пор не имею чести получить от Вас ни единой строчки, и потому повергнут в немалое удивление. И понеже теперь довольно причин у меня есть тревожиться о Вашем здравии, то, быть может, я и не столь несправедливо поступаю, ежели, в рассуждении разделяющего нас расстояния, опасаюсь, что Вы меня совершенно забыли. Дабы освободиться от таковой тяготы, настоящим желал бы я осведомиться о Вашем здоровье, а также, если будет позволено, о положении дел с Вашим производством на службе. Остаюсь навеки

моего возлюбленного брата
наипреданный брат
и слуга⁸⁰
Антон (Antoni) Беринг

Охотский (Ochotski)
февраля 5 дня 1740 года

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 27. Перевод с автографа на немецком языке. На л. 28 адрес: Господину Йонасу де Берингу в Санкт-Петербурге (в оригинале на французском языке).

16.

ПИСЬМО А. БЕРИНГА Т. БЕРИНГУ.
1740 Г. ФЕВРАЛЯ 5

Возлюбленный мой брат!⁸¹

Понеже неизвестно мне, что Вам, любезный мой брат⁸², не в противность иметь от меня знаки любви, то, с моей стороны, можете быть совершенно уверены в том, что не в жизнь мне, когда я не получаю от Вас никаких вестей или писем. Исполняя взаимное наше желание, настоящим хочу уверить Вас в моем благополучии, и притом прошу Вас дать желанное известие о Вашем здравии, которого я от всего сердца и ожидаю.

Засим навсегда пребуду

*моего возлюбленного брата
наипреданный брат и слуга⁸³,
Антон (Antoni) Беринг*

Охотский (Ochotski)
февраля 5 дня 1740

АВПРИ. Ф. 14. Оп. 14/1. Д. 91. Л. 25. Перевод с автографа на немецком языке. На л. 25 об. адрес: Господину Томасу де Берингу в Ревеле (в оригинале на французском языке).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Начиная с 1996 г. Петер Ульф Мёллер (Орхусский университет) и я вместе работаем над большим проектом по истории Камчатских экспедиций (1725—1743 гг.) и публикации их документов. Поэтому многое, о чём говорится в данной статье, — плод наших совместных изысканий. Частные письма семьи Берингов впервые были опубликованы нами на языке оригинала с параллельным переводом на датский язык в книге: *Okhotina Lind N., Møller P. U. Kommandøren og konen. Arkivfund om danske deltagere i Vitus Berings ekspeditioner.* København, 1997. S. 59—83, 93—108.

² *Соколов А. П.* Первая Камчатская экспедиция Беринга, 1725—1729 года // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1850. Ч. VIII. С. 535—556; *Он же.* Северная экспедиция 1733—1743 года // Там же. СПб., 1851. Ч. IX. С. 190—469. Подробнее об образе Беринга в исторической

литературе см.: *Møller P. U. The Changing Images of Vitus Bering. A Critical Study in the Russian and Danish Historiography of his Expeditions // Under Vitus Bering's Command. Aarhus, 2003. P. 83—112.*

³ *Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX в. М., 1956. С. 251.*

⁴ *Вторая Камчатская экспедиция: Документы 1730—1733 / Сост. Н. Охотина-Линд, П. У. Мёллер. Часть 1: Морские отряды. М., 2001. С. 19—28. № 1—3.*

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 161—174. № 48—53.

⁷ См., например: Там же. С. 482. № 173.

⁸ *Okhotina Lind N., Møller P. U. Kommandøren og konen. S. 52.*

⁹ *Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 40.*

¹⁰ Более подробно об Анне Беринг см.: *Мёллер П. У., Охотина-Линд Н. Командорша // Природа. 1999. № 3. С. 124—128; Охотина-Линд Н. Капитан-командорша. Сибирская экспедиция Анны Кристины Беринг // «Родина». 2003. № 8. С. 30—36; *Okhotina Lind N. The First Pianist in Okhotsk. New Information on Anna Christina Bering // Under Vitus Bering's command. Aarhus, 2003. P. 51—62.**

¹¹ *Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы, 1740. М., 1998. С. 327, 333.*

¹² *РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 49. Л. 647, 633—639; Okhotina Lind N., Møller P. U. Kommandøren og konen. S. 120—124, 126—127.*

¹³ *Okhotina Lind N., Møller P. U. Kommandøren og konen. S. 55—58.*

¹⁴ *Ruth J. W. & Kuujo Erkki. Viipurin kaupungin historia. III osa. Vuodet 1710—1812. Lappeenranta, 1975. S. 120.*

¹⁵ *Aminoff Torsten G. Borgerskapet i Narva och Nyen 1640 // Genealogiska Samfundets i Finland Ersskrift. 41. Lahtis. P. 136.*

¹⁶ *Kauppi Ulla-Riitta, Miltsik Mihail. Viipuri. Vanhan Suomen Pääkaupunki. Helsinki, 1993. S. 79, 97, 108—109.*

¹⁷ *Luther G. Släkten Pülse // Genos 1. Ergeng 57. Helsinki. S. 19—24.*

¹⁸ *Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1. С. 332—333.*

¹⁹ *Вторая Камчатская экспедиция. С. 132—145. № 42.*

²⁰ *Okhotina Lind N., Møller P. U. Kommandøren og konen. S. 56.*

²¹ *Филиппов А. Н. Бумаги Кабинета министров имп. Анны Иоанновны 1731—1740 гг. Ч. 4 // Сборник РИО. Юрьев, 1901. Т. 111. С. 422—424.*

²² *Вторая Камчатская экспедиция. С. 390—392, 430. № 139, 140, 152.*

²³ *Ruuth J. W. Viborg Stads Historia. Första Bandet. Helsingfors, 1906. S. 558.*

²⁴ *ЦГИА г. Москвы. Ф. 2099. Оп. 1. Д. 423. Л. 189 об.*

²⁵ *РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 626. Л. 180.*

²⁶ Там же. Д. 615. Л. 432—441.

²⁷ *Amburger E. Vitus Berings Nachkommen in Russland // Personalhistorisk Tidsskrift. B. 57. København, 1936. S. 37—38.*

²⁸ *РГАВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 24. Л. 1294—1297.*

²⁹ *ПСЗ. Т. 22. № 16306. С. 507. В статье Э. Амбургера (Amburger E. Ibid. S. 37) ошибочно указано, что Йонас умер в 1784 г., и умер не своей смертью, а был убит, хотя Амбургер пользовался тем же документом из ПСЗ (он также ошибочно даёт сноску на т. 20, а не т. 22).*

³⁰ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 284. Л. 19—19 об.

³¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 10. Д. 106. Л. 215—216 об. (цит. по: Глушанков И. В. Славные навигаторы российские. Хабаровск, 1986. С. 155). Здесь же Томас сообщает, что у него хранится «партикулярный журнал» его отца, содержащий описание его открытий.

³² Там же. Д. 107. Л. 57 (цит. по: Глушанков И. В. Указ. соч.). Благодарю Т. С. Федорову за уточнение этого и предыдущего архивных шифров.

³³ *Amburger E.* Ibid. S. 37.

³⁴ *Okhotina Lind N., Møller P. U.* Kommandøren og konen. S. 84—88.

³⁵ Встречаются разные варианты написания его фамилии: Гогенгольцер, Гогенцоллерн. В делах Коллегии иностранных дел он значится как Гохгольцер (*Hochholzer*). Та же форма написания имени (*Hochholzer*) принята в современной научной австрийской литературе (см., к примеру: *Walter L.* Der Wandel der österreichischen Russlandpolitik in den Jahren 1724—1726 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* В. 6. München, 1958. S. 33—91). Мы принимаем форму написания, которую использовал Витус Беринг, не настаивая при этом на ее правильности.

³⁶ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1: Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. С. 50—70.

³⁷ *Герцог Лирийский.* Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подг. Ю. А. Лимонова. Л., 1989. С. 259—260.

³⁸ *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740—1750. М., 2000. С. 284.

³⁹ См. об этом подробнее: *Рычаловский Е. Е.* Кабинет-министр А. И. Остерман и Вторая Камчатская экспедиция // *Under Vitus Bering's command.* P. 63—82.

⁴⁰ См., например: АВПРИ. Ф. 130/1. Д. Л. 4—11. Там же. Д. 4. Л. 16—19. См. также: Экспедиция Беринга. Сборник документов / Сост. А. А. Покровский. М., 1941. С. 329—332.

⁴¹ Наиболее многообещающими представлялись материалы Комиссии по описи имений, имуществ и бумаг Остермана, Миниха и других лиц, работавшей в 1741—1742 гг. (РГАДА. Ф. 6. Д. 322). Однако, как видно из материалов Комиссии, сохранялись для истории только письма «великих» людей и документы, свидетельствующие о «преступлениях», большая же часть переписки Остермана была рассортирована по соответствующим учреждениям, а также уничтожалась мешками. Можно думать, что многие частные письма Беринга погибли в этих мешках. В одном месте описи, во всяком случае, упоминаются 11 писем Беринга. (См.: *Рычаловский Е. Е.* Указ. соч. С. 74).

⁴² Бумаги Кабинета министров имп. Анны Иоанновны 1731—1740 гг. / Изд. А. Н. Филипповым // Сборник РИО. Юрьев, 1915. Т. 146. С. 456—457.

⁴³ Современный шифр: РГАДА. Ф. 161. Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя, на иностранных языках. Оп. 1. Л. 53.

⁴⁴ Подробнее о печатях см.: *Okhotina Lind N., Møller P. U.* Kommandøren og konen. S. 40—43; Вторая Камчатская экспедиция. С. 35—36; *Lind N., Møller P. U., Rambusch S.* Vitus Berings og Martin Spangbergs vebenskjolde pe

nyfundne laksegl i russiske arkiver // Heraldisk Tidsskrift. Bd 8. Nr. 80. 1999. S. 445—450.

⁴⁵ Немецкая транскрипция всех публикуемых здесь писем делалась Лайфом Хернё (Копенгагенский университет) для книги *Okhotina Lind N., Møller P. U. Kommandøren og konen*. Перевод на русский язык Н. Охотиной-Линд под редакцией Е. Е. Рычаловского.

Обращаем внимание специалистов на то, что в недавно вышедшей монографии Орката Фроста (*Frost O. Bering: The Russian Discovery of America*. New Haven; London, 2003), основанной в значительной степени на содержании писем, опубликованных нами в Дании, встречается много ошибок в переводе с немецкого на английский и, следовательно, к некоторым его выводам, наблюдениям и психологическим портретам лучше подходить осторожно.

⁴⁶ Буквально — «с мушкетом» («mit der musquette»).

⁴⁷ *Lat.* — при сохранении титула, не нарушая титула.

⁴⁸ Возможно, речь идет о пенсии в 300 руб., которую Беринг перед отъездом во Вторую Камчатскую экспедицию просил Адмиралтейскую коллегия вычитать из его жалования и отправлять через опекуна Антона фон Зальца сыновьям Томасу и Йонасу (См: Вторая Камчатская экспедиция. С. 390—392. № 139 и 140).

⁴⁹ Речь идёт об австрийском резиденте Гогенгольце.

⁵⁰ Буквально — «под мушкет» («unter der Musqvette»). В 1740-е гг. инфантерия русской армии состояла из 3 гвардейских полков, 4 гренадерских полков и 46 мушкетерных полков (*Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке*. М., 1958. С. 63).

⁵¹ Сильный пожар в Выборге был 17 июня 1738 г.

⁵² Последний постскрипtum приписан рукой Анны Беринг вдоль левого поля л. 26 сверху вниз.

⁵³ Дети от первого брака Евфимии Хедвиги с Томасом Сандерсом — дочь Элизабет и сын Матиас.

⁵⁴ Вероятно, Йоханн Лунд, двоюродный брат Анны Беринг.

⁵⁵ Так в тексте. Понятие «Schwesterliche ergebenheit», «сестринская преданность» (вместо «Geschwisterliche ergebenheit» — «братская и сестринская преданность?»), распространено на чувства не только дочери Анны Беринг, но и ее брата.

⁵⁶ Постскрипtum приписан вдоль левого поля л. 37 сверху вниз.

⁵⁷ Переход из Якутска в Охотск был одним из наиболее тяжелых этапов Камчатской экспедиции, особенно в районе Юдомского Креста. Осенью 1726 г. отряд Шпанберга чуть не погиб полностью на этом переходе; оставшиеся в живых люди ели падаль и «всякие кожаные вещи» (Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. Сост. Т. С. Фёдорова. М., 1984, № 35. С. 56—59). Несомненно, Анна Беринг, отправляясь в путь, знала об этом.

⁵⁸ В оригинале: Dongin. Домашнее прозвище; неясно, о ком идёт речь.

⁵⁹ Иксуль (Uexküll, в тексте — Uxquil) Ганс Юрген (1697—1741), вначале на шведской службе, с 1719 г. в отставке, после Ништадтского мира на русской службе, с 1731 г. ротмистр гвардейского Конного полка, затем полковник и ко-

мандир Ингерманландского пехотного полка, с 1740 г. генерал-майор, погиб в сражении русской армии со шведской при Вильманстранде 23 августа 1741 г. См.: *Deutschbaltisches Biographisches Lexikon*. 1710—1960. Köln; Wien, 1970. S. 817.

⁶⁰ Вероятно, имеется в виду Евфимия Хедвига, во втором браке Элволл (см. письмо № 7).

⁶¹ Бенедикт Пюльзе.

⁶² Каролус Принценстерн, вице-президент Штатс-конторы, где служил и Антон фон Зальца.

⁶³ Анна и Антон — младшие дети Берингов.

⁶⁴ Второй постскрипту приписан вдоль левого поля л. 36 сверху вниз.

⁶⁵ Вероятно, домашнее прозвище Гогенгольца. Не происходит ли оно от русского «батьюшка»?

⁶⁶ Попутчиком Анны Беринг стал натуралист профессор Гмелин, член академического отряда Второй Камчатской экспедиции, находившийся тогда в Тобольске (Георг Вильгельм Штеллер. Указ. соч. С. 332).

⁶⁷ В оригинале: «Wo der Herr Graf seinen Herrn Sohn den Jungen Grafen in die lender (подчеркнуто мною. — *H. O.*) schicken möchte...» Множественное число «die lender» означает здесь либо страны, лежащие за пределами России, чужие земли, либо, в более узком значении, нижненемецкие земли. См.: *Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch*. Leipzig, 1885. Bd. 6. S. 94—95. См. также письмо № 14.

⁶⁸ Тунгусы.

⁶⁹ Предполагалось, что Шпанберг после возвращения из японского вояжа в 1739 г. сам поедет с рапортом в Петербург, однако он доехал только до Якутска, откуда он послал свой рапорт и судовые журналы в Адмиралтейств-коллегию, а сам вернулся опять в Охотск.

⁷⁰ Анна и Антон Беринги.

⁷¹ «Шар» — китайский чай или табак. Это слово часто встречается в документах Камчатской экспедиции в обоих значениях.

⁷² Этот абзац приписан вдоль левого поля л. 14 сверху вниз.

⁷³ Постскрипту приписан вдоль левого поля л. 24 сверху вниз.

⁷⁴ Постскрипту приписан вдоль левого поля л. 24 об. сверху вниз.

⁷⁵ Как известно, в России в то время не было ни одного университета, значит, родители могли послать Томаса учиться в Европу, скорее всего в Германию.

⁷⁶ Это письмо Беринга Остерману неизвестно. Возможно, оно было отправлено с официальной перепиской Камчатской экспедиции.

⁷⁷ Анна Беринг, несомненно, знала, о каком «молодом графе» идет речь, но не оставила нам имени. У А. И. Остермана было два сына: Фёдор (31.03.1723 — 10.11.1804) и Иван (23.04.1725 — 18.04.1811). Оба в 1741 г. имели чин капитана гвардии Преображенского полка. Оба впоследствии, после опалы отца, дослужились до тайного советника и сенатора, а Иван также стал государственным канцлером. См.: РБС. СПб., 1905. Т.: Обезьянинов — Очкин. С. 417—420. Л. А. Маркина атрибутирует два портрета молодых людей, написанных в 1738 г. художником Франкартом, как изображения Фёдора и Ивана

Остерманов (*Маркина Л. А.* Портретист Георг Христоф Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII века. М., 1999. С. 176—178). Те же портреты опубликованы в каталоге выставки: *Немец у Российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время.* М., 2000. С. 122. № 288, 289. Мальчики изображены примерно в том возрасте, когда один из них, по расчетам семьи Берингов, должен был стать «товарищем детских игр» их сына Томаса.

⁷⁸ Постскрипtum приписан вдоль левого поля л. 20 сверху вниз.

⁷⁹ В оригинале обращение на французском языке.

⁸⁰ В оригинале заключение на французском языке.

⁸¹ В оригинале обращение на французском языке.

⁸² В оригинале обращение на французском языке.

⁸³ В оригинале заключение на французском языке.

А. Б. Плотников

«ПРОДОЛЖЕНИЕ» КОНДИЦИЙ
И ПОСЛЕДНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА В 1730 Г.
ВЕРХОВНИКИ ЗА ИЗУЧЕНИЕМ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
«ЗНАТНОГО ШЛЯХЕТСТВА»

Среди документальных материалов Верховного тайного совета, относящихся к его попытке ограничить самодержавие при вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны, сохранились две записки, озаглавленные «К прежде учиненному определению пополнение» и «Способы, которыми, как видитца, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное толь важное и полезное всему народу и государству дело», а также еще один, вне всякого сомнения, чисто рабочий документ, представляющий собой выборку тематически взаимосвязанных цитат из принятых советом четырех дворянских «мнений»¹. «Способы» и выборка уже упоминались в предыдущей статье, но не были там предметом специального рассмотрения². Текст «пополнения» ни разу не издавался, публикация же «Способов», предпринятая Г. А. Протасовым, оказалась крайне неудачной (наряду с минимальной передачей орфографических особенностей подлинника в ней были допущены прямые текстуальные несоответствия)³. Выборка лишь фрагментарно воспроизводилась в работах С. М. Соловьева, Д. А. Корсакова и Г. А. Протасова.

«Пополнение» и «Способы» известны только в окончательных (беловых) недатированных редакциях, без каких-либо указаний на авторство, что делает их происхождение и оценку спорными. В научный оборот они были введены Д. А. Корсаковым, который уверенно отнес их к числу дворянских проектов, поданных в Верховный тайный совет

накануне приезда Анны Иоанновны в Москву, и посчитал «пополнение» продолжением «Способов»⁴. Ошибочность этой позиции доказал Г. А. Протасов, хотя не все его выводы выглядят одинаково убедительными. Тем не менее, благодаря его исследованию, можно считать окончательно установленным, что «пополнение» является документом Верховного тайного совета, не имеет непосредственной связи со «Способами» и хронологически занимает место между Кондициями («прежде учиненным определением») и проектом «формы правления», куда включено содержание всех его пунктов⁵.

Однако какова была роль, сыгранная этим документом в конституционном процессе, или, иначе говоря, зачем верховникам потребовалось его составлять? С нашей точки зрения, Г. А. Протасову не удалось найти удовлетворительного ответа на данный вопрос. В своих рассуждениях он был существенно ограничен концептуальной традицией, уходящей в XIX в. Ему представлялось, что ход событий 19 января — 25 февраля 1730 г. на всем их протяжении заставлял верховников идти от одной уступки к другой, тогда как сами они предполагали ограничиться лишь Кондициями. Первой в ряду этих уступок стало «пополнение», назначение которого Г. А. Протасов видел в удовлетворении основных интересов различных сословных групп, обобщенных в Кондициях. Но в таком случае для «пополнения» требовалась форма правового акта, подготовленного к подаче на подпись императрице. «Пополнение» же этой формы не имеет, хотя по всем признакам является совершенно законченным документом. Таким образом, вопреки мнению Г. А. Протасова, его нельзя признать ни «продолжением» Кондиций, ни их дополнением в собственном смысле слова, и, значит, в поисках объяснения необходимо идти по иному пути.

Вариант решения возможен только один: рассматривать «пополнение» в качестве раннего подготовительного наброска к проекту «формы правления», но тогда придется иначе взглянуть на изначальные планы верховников. Реформа государственного строя Российской империи ни при каких обстоятельствах не могла ограничиться одними Кондициями. Вряд ли можно заподозрить верховников в непонимании столь очевидной вещи. Более того, никакие «продолжения» и «дополнения» также не были в состоянии быть прочной гарантией отмены самодержавия. Такую гарантию мог дать только целостный конституционный акт — «форма правления». История разработки этого документа рассмотрена нами в упомянутой статье предыдущего выпуска. До 30 января совет не знал, согласится Анна Иоанновна на его условия или нет, поэтому политическая целесообразность составления проекта пока отсутствовала. Однако ничто не мешало верховникам в ожидании известий из Митавы предварительно четко сформулировать главные про-

блемы внутренней политики, не касаясь при этом самого механизма ограниченной монархии. Так они, видимо, и поступили, подготовив «пополнение» Кондиций.

«Способы» Г. А. Протасов также атрибутировал как документ Верховного тайного совета, хронологически поместив его после «формы правления» и более поздних вариантов ее отдельных статей⁶. Он убедительно связал появление проекта выборной дворянской комиссии с изменением политической ситуации после приезда Анны Иоанновны, потребовавшим от верховников поиска более надежной формы компромисса со «знатым шляхетством», подкрепив этот вывод весомыми источниковедческими аргументами: «Способы», в отличие от реальных дворянских проектов, не подписаны и не похожи на них по форме, им нельзя найти место среди этих документов, составлявшихся в ответ на указания Верховного тайного совета, о них (как и о проектах верховников, известных только им одним) никто из современников ничего не сообщает, тогда как все проекты дворян были «на слуху», единственным, кто документально засвидетельствовал свое знакомство со «Способами» и косвенно подтвердил их принадлежность совету, оказался верховник князь В. Л. Долгорукий, причем в записке, которую он адресовал исключительно своим коллегам. Правда, Г. А. Протасов, явно увлекшись, посчитал, что «Способы», «пополнение» и беловик проекта «формы правления» написаны одним почерком. Это не так, однако данная ошибка не может поставить под сомнение правильность его общего вывода о принадлежности «Способов» верховникам.

А. Г. Кузьмин, С. А. Седов, И. В. Курукин приняли точку зрения Г. А. Протасова и вслед за ним считают «Способы» последним завершённым проектом верховников⁷. В то же время с новой атрибуцией решительно не согласился А. И. Юхт, по-прежнему видевший в «Способах» проект одной из дворянских групп⁸. Он упрекнул Г. А. Протасова в том, что тот свою аргументацию построил «в основном» на «формальных и внешних» признаках документа, а не на его «существо». При этом А. И. Юхт в качестве доказательства своей правоты привел три тезиса, первый из которых сам по себе вряд ли что-то определяет, а два других просто ошибочны. Начнем по порядку. По мнению А. И. Юхта, заголовок «Способов» слишком «пространный», «расплывчатый» и даже «двусмысленный», одним словом, не характерный для документов высшего государственного учреждения, где им «старались дать краткое, деловое название». Далее, проанализировав содержание записки, А. И. Юхт почему-то решил, что речь в ней ведется от лица шляхетства и за ним, представленным комиссией, признается «решающая роль» в разработке важнейших законопроектов. При внимательном знакомстве с текстом документа нетрудно заметить, что он пы-

тался выдать желаемое за действительное. К тому же вслед за Д. А. Корсаковым А. И. Юхт вынужден был констатировать полное отсутствие каких-либо сведений о той дворянской «компании», мнение которой якобы нашло отражение в «Способах».

Существует еще одно подтверждение принадлежности «Способов» верховникам, на которое ни Г. А. Протасов, ни тем более А. И. Юхт не обратили внимания. Источниками этого документа послужили указы самого Верховного тайного совета, изданные им в связи с попытками кодификационных работ второй половины 1720-х гг.⁹ В поисках наиболее работоспособного состава «уложенной» комиссии верховники указом 12 ноября 1726 г. признали целесообразным участие в ее деятельности по два представителя от купечества, гражданских и военных чинов, а также от духовенства, назначение которых должны были осуществить соответственно Сенат, Военная коллегия и Синод. В 1728 г. этот принцип был изменен, теперь комиссию предполагалось формировать путем дворянских выборов по губерниям. Одновременно вводился порядок утверждения подготовленных ею законопроектов сначала в Сенате, а затем в Верховном тайном совете. Указом 16 мая 1729 г. норма дворянского представительства была сокращена и выбирать теперь надлежало немногим более двадцати человек. Положения этих разновременных актов при составлении «Способов», естественно, подверглись некоторой переработке и дополнениям в соответствии с политическими условиями 1730 г., однако даже в измененном виде они все-таки хорошо узнаваемы.

Источниковедческая характеристика выборки из проектов «знатного шляхетства» в историографии отсутствует. Документ сохранился в двух вариантах. Один из них текстуально более пространен и к тому же в нем (в отличие от «краткого» варианта) на полях параллельно «дворянским» цитатам приводятся выдержки из белой редакции проекта «формы правления» верховников. Весь этот комплекс цитат объединен общей темой — о способе формирования Верховного тайного совета и механизме функционирования высшей государственной власти.

«Краткий» вариант, по всем признакам, был известен уже С. М. Соловьеву и использовался им для передачи содержания дворянских проектов. При этом, однако, он не указал, что имеет дело не с самими проектами, а с документом верховников, вообще не дал ссылки на источник и почему-то при традиционно близком к тексту пересказе ограничился только тремя «мнениями», даже не упомянув о четвертом¹⁰. Д. А. Корсаков исправил недочеты С. М. Соловьева и ввел в научный оборот «расширенный» вариант, правда, совершенно безосновательно приняв его за упоминаемый В. Н. Татищевым абсолютно мифический проект верховников, к подписанию которого они якобы смогли при-

вlech часть «знатного шляхетства»¹¹. Ошибка Д. А. Корсакова оказалась весьма живучей и в наше время была повторена А. И. Юхтом¹². Г. А. Протасову удалось ее избежать, но пользуясь в качестве источника обоими вариантами, он, в свою очередь, даже не попытался дать объяснение их различий¹³.

Доказав, что беловая редакция «формы правления» появилась раньше дворянских «мнений», Г. А. Протасов обоснованно поставил выборку (или «сводку») между ней и сохранившимися результатами начатой верховниками переработки отдельных пунктов беловика и вполне логично объяснил потребность в «сводке» необходимостью «облегчить изучение проектов в дальнейшей работе над формой правления»¹⁴. Два отличающихся варианта выборки, с нашей точки зрения, представляют собой как раз две следующие друг за другом фазы подготовительных мероприятий.

Рассмотрев принятые проекты, верховники убедились, что их расхождение со «знатным шляхетством» находится исключительно в политической сфере. Именно здесь надо было искать компромисс. Тогда началось составление выборки. Первым, без сомнения, появился чрезвычайно аккуратный «краткий» вариант, требовавшийся, видимо, лишь для выделения «политических» пунктов дворянских «мнений» и констатации их содержания. Однако, как установил Г. А. Протасов, расположение проектов здесь уже не соответствовало реальной хронологической последовательности их подачи в совет, по крайней мере это касается «мнений», обозначенных «первым» и «вторым». Они исходили от основных групп, на которые разделились непосредственные участники собрания высших чинов 2 февраля 1730 г., и являлись главными среди дворянских проектов. По числу подписавших эти документы известны как «проект 15-ти» (в выборке именно он назван «первым») и «проект 361-го». Но в действительности «проект 15-ти» поступил в совет только 7 февраля, тогда как «проект 361-го» — 5 февраля. Г. А. Протасовым было дано единственно возможное объяснение причины такой «редакторской» перестановки: «проект 15-ти» — более умеренный и находится, таким образом, ближе к позиции самих верховников¹⁵.

В отличие от «краткого», «расширенный» вариант выглядит настоящим черновым, рабочим документом. За ненадобностью в нем уже отсутствует фраза, с которой начинался «краткий» вариант («В поданных в Верховной тайной совет мнениях написано»). Тот же самый текст проектов дополнен на отдельном листе «6-м пунктом» «первого мнения» (т. е. «проекта 15-ти», или «генерала Матюшкина с прочими»), посвященным участию «знатного шляхетства» в обсуждении важнейших государственных дел, с указанием, что «в прочих мнениях написано сему согласно» (для «краткого» варианта, скорее всего, было до-

статочного простого упоминания о нем в 1-м пункте того же «мнения»), и сопровождается сравнением с соответствующими выдержками из «формы правления». В результате выкристаллизовываются точки принципиального разногласия, а также пути возможного компромисса, и верховники непосредственно приступают к поиску решения проблемы.

Конечно, ценность выборки как источника заключается не только в том, что она приоткрывает завесу над, так сказать, «творческой лабораторией» верховников. Только благодаря ей известно, какие именно дворянские проекты были приняты советом, а какие отвергнуты, а также содержание двух, видимо, уже безнадежно утраченных проектов — «третьего» (поданного индивидуально И. А. Мусиным-Пушкиным) и «четвертого» (исходившего от лиц «бригадирского» ранга). Что же касается «первого» и «второго», то, воспроизводя самую существенную их часть, выборка, по причине отсутствия подлинников, является копией, которая должна быть признана наиболее авторитетной из всех имеющихся довольно многочисленных копий, поскольку выполнялась с совершенно конкретной практической целью, требовавшей особой точности при передаче текста¹⁶.

* * *

«Сводка» публикуется в ее «кратком» варианте с указанием отличий «расширенного» варианта (*P*), за исключением непринципиальных (сокращение слов). Принципы публикации документов изложены в первой части данной работы¹⁷.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ФОРМЕ ПРИСЯГИ
ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ.
[1730 Г. ЯНВАРЯ МЕЖДУ 19 И 30]

/л. 44/ К прежде учиненному определению пополнение.

1.

Чтоб воинское дело не ослабевало, то надлежит из шляхетства и впрод определять в службу таким образом, чтоб в сухопутную службу чрез гвардию дослуживались с нижних чинов, притом и время постановить, сколько в котором чину служить, чтоб не было в тягость, а в морскую службу писать шляхетство в гардемарины, а не в матрозы, и по тому ж бы определенными годами выслуживались в офицеры.

2.

Купечество возобновить волным торгом и рассмотреть тарифу и протчее в торгах запрещение.

/л. 44 об./ 3.

Отягощенное земледельство податми каким-нибудь образом облегчить податми.

4.

В епархиях и м[о]н[а]ст[ы]рях обновить прежнее их поведение, дабы архиерей всякой свою епархию, а монастыри^а свое вотчины во всем сами ведали и управляли, и н[ы]не определенную экономию отставит[ь], а которые положенные на них г[о]с[у]д[а]рственные подати, те, собирая, отдавать в Камор коллегию, токмо оставит[ь] в монастырях то, чтоб отставным афицерам и салдатом на монастырском^б быть прокормлении, по указу.

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 44—44 об. Подлинник.

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ КОМИССИИ ДЛЯ РАЗРАБОТКИ
«ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ». [1730 Г. ФЕВРАЛЯ ПОСЛЕ 10]

/л. 42/ Способы, которыми, как видитца, порядочнее, основателнее и тверже можно сочинить и утвердить известное толь важное и полезное всему народу и г[о]с[у]д[а]рству дело.

1-е и главное основание.

Чтоб все великороссийского народа шляхетство, выключая иноземцов, которые, хотя в вечное подданство и присягали, однако ж негреческого закона, и у которых деды не в России породились, и согласилис[ь] бы за себя и за отсутствующих единодушно вместе так, чтоб никто, никак и ничем от того согласия не отговаривался — ни заслугами, ни рангом, ни старостию фамилии, и чтоб всякому был один голос.

2.

Чтоб тем единосердечным согласием избрали ис того ж шляхетства годных и верных отечеству людей от дватцати до тритцати ч[е]л[о]в[е]к и утвердили б их писменно так, что оне внизу написанным порядком к ползе отечества сочинят и утвердят и то имеет вечно, твердо и нерушимо быть.

3.

В собрание тех выборных выбрать две особы, а голосов им не давать, толко чтоб оне /л. 42 об./ содержали в том их собрании доброй порядок, а имянно: голоса давали, шум и крик, а особливо брань, унимали.

---

^а м исправлено из в.

^б Исправлено из монастырских.

4.

Те избранные особы имеют сочинять все, что к правлению всего г[о]с[у]д[а]рства принадлежит и что оне вымыслить могут к ползе отечества, а ежели Верховной совет или Сенат к ползе отечества вздумают и пошлют к тем выбранным особам тое материю толко сказать, и те собранные особы имеют о той материи между собою советовать и как к г[о]с[у]д[а]рственной ползе разсудят, так и сочинить.

5.

Как те собранные особы станут сочинять дела, касающиеся до ч[е]рквы и закону или до д[у]ховных особ, тогда призывать им в совет от четырех до шти ч[е]л[о]в[е]к из синодских членов или и из других, кого Синод изберет, так же с военными людми и с купечеством так же чинить, и тех выборных от всякого чина допускать в совет и дать им ровные голоса, однако ж, чтоб выборные от всякого чина имели всякой от своего чина выбор и верующие писма за руками равно так, как во 2-м пункте написано.

6.

Коли будут сочинять вотчинные дела, тогда призывать президента и двух или трех /л. 43/ членов тоя коллегии для совету и поступать с ними равно так, как с Синодом, военными и купеческими людми; и з другими коллегиями поступать так же, как выше в сем пункте написано.

7.

Как те выборные между собою какое дело сочинят и утвердят и тогда всем им с тем делом взойтить в Сенат и с ними советовать и согласитца, а как те выборные и Сенат о том деле согласятца,

8.

тогда выборным и Сенату всем иттить с тем делом в Верховной совет и всем обще о том деле разсудать, а как выборные, Сенат и Верховной совет о каком деле все согласятца, и тогда послать с тем делом несколько особ к ее императорскому величеству и просить, чтоб конфирмовала.

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 42—43. Подлинник.

ЭКСТРАКТ «МНЕНИЙ» ИЗ ДВОРЯНСКИХ ПРОЕКТОВ, ПРИНЯТЫХ
ВЕРХОВНЫМ ТАЙНЫМ СОВЕТОМ. [1730 Г. ФЕВРАЛЯ МЕЖДУ 8 И 10]

/л. 6/ В поданных в Верховной тайной совет мнениях написано:

В 1-м, под которым подписалис[ь] генерал 1, генерал лейтнант 1, статцких того ранга 4, генералов маеоров 5, статцких того ранга 4, итого 15 ч[е]л[о]в[е]к.

1.

К Верховному тайному совету к настоящим персонам, мнитца, прибавит[ь], чтоб с прежними было от 12 до 15, понеже для важных дел призывано будет общество, как показано ниже в 6-м пункте, и тогда не токмо малоллюдно, но и многолюдно будет, а для повсядневнаго правления довольно будет вышеписанных персон.

2.

А н[ы]не к Верховному тайному совету в прибавок и впред[ь] на вакансии выбират[ь] обществом генералитету военному и штатцкому /л. 6 об./ и шляхетству на одну персону по 3 кандидата, которых, выбрав, представит[ь] Верховному тайному совету для достоинства из них одного по их рассмотрению, как изволят за благо разсудить, выбором голосами или балантированьем их Верховного тайного совета.

3.

Или выбрав в Верховном тайном совете трех персон, и ис тех трех персон балантироват[ь] генералитету военному и штатцкому и шляхетству не менее 70-ти персон, в которой бы одной фамилии более двух персон не было, а которые будут выбират[ь] в кандидаты, тем бы не балантироват[ь], а для балантированья выбрат[ь] бы других таким же образом, толко б было не мене вышеозначенного числа.

Во втором мнении, под которым подписалис[ь] генералов лейтнантов 3, статцких того ранга 4, /л.7/ генералов маеоров 9, статцких и придворных того рангу 13, обор прокурор синодцкой 1, итого 30 ч[е]л[о]в[е]к.

1. Вначале учредит[ь] Вышнее правителство в 21-й персоне.

2. Дабы оногo Вышняго правителства множеством дел не отягчит[ь], того ради для отправления протчих дел учинит[ь] Сенат в 11 персонах.

3. В Вышнее правителство и в Сенат и в губернаторы и в президенты в калегии кандидатов выбират[ь] и балантироват[ь] генералитету и шляхетству, а в кандидаты более одной персоны из одной фамилии не выбират[ь], также и при балантированье более двух персон из одной фамилии не быть, а при балантированье быт[ь] не менее 100 персон.

4. В Вышнем правителстве и в Сенате впред[ь], кроме обретающихся н[ы]не в Верховном тайном совете, более двух персон из одной фамилии не быт[ь], считая в обеих, как в Вышнем правителстве, так и в Сенате.

/л. 7 об./ В третьем^а мнении графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина:

К правлению г[о]с[у]д[а]рственному надлежит прибавить членов, а выбрать оных общим советом ис^б фамильных и генералитета и из знатного шляхетства, и во оном г[о]с[у]д[а]рственном правлении не быть более двух персон одного рода.

В 4-м мнении, под которым подписалис[ь] бригадиров 2, статцких того ранга 2, маеор 1, итого 5 ч[е]л[о]в[е]к:

Чтоб в Верховной тайной совет к присудствующим н[ы]не, мнитца, надлежит прибавит[ь] несколько персон, дабы оной состоял от 12 до 15 особ. Ежели кто из оных заболит или отлучитца, чтоб от того в правлении замедления за малолюдством не было^в.

РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 6—7 об. Подлинник¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данная статья является продолжением публикации, помещенной в первом выпуске настоящего издания. См.: Плотников А. Б. Программный документ Верховного тайного совета в 1730 г. // Россия в XVIII столетии. М., 2002. Вып. 1. С. 38—49.

² Там же. С. 40—41.

³ Протасов Г. А. Верховный тайный совет и его проекты 1730 года // Историко-педагогические работы. Тамбов, 1970. Вып. 1. С. 88—89.

⁴ Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 172—175.

⁵ Протасов Г. А. «Кондиции» 1730 г. и их продолжение // Ученые записки Тамбовского государственного педагогического института. Тамбов, 1957. Вып. 15. С. 226—231. Недавно появилась совершенно фантастическая версия Н. И. Павленко, который без всяких ссылок на источники уверенно утверждает, что «пополнение» было составлено верховниками сразу после отправки Кондичий в Митаву и вслед за ними также якобы отослано Анне Иоанновне. Павленко Н. И. Анна Иоанновна. М., 2002. С. 54.

⁶ Протасов Г. А. Верховный тайный совет и его проекты. С. 90—98.

⁷ Кузьмин А. Г. Первые попытки ограничения самодержавия в России // Со-

^а Р 3.

^б Р из.

^в Р далее следует Во мнении генерала Матюшкина с прочими: Что потребно будет впред[ь] сочинит[ь] в дополнение уставов, принадлежащих к г[о]с[у]д[а]рственному правлению, или какие дела касатца будут к г[о]с[у]д[а]рственной и общей ползе, оные сочинят[ь] и утверждат[ь] Верховному тайному совету, Сенату, генералитету и шляхетству общим советом. В прочих мнениях написано сему согласно.

ветское государство и право. 1980. № 7. С. 88; *Он же*. Татищев. Изд. 2-е, доп. М., 1987. С. 148—149; *Седов С. А.* Попытка государственного переворота 1730 года в России // *Вопросы истории*. 1998. № 7. С. 55—56; *Курукин И. В.* «Время, чтоб самодержавию не быть»? (Генералитет, дворянство и гвардия в 1730 году) // *Отечественная история*. 2001. № 4. С. 7—8.

⁸ *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 279—281. Н. И. Павленко также считает «Способы» дворянским проектом, однако при передаче содержания путает их с так называемым проектом «общества», наиболее ранним, с точки зрения Г. А. Протасова, дворянским «мнением» 1730 г., которое, видимо, составлялось еще до оглашения Кондиций и в совет не подавалось. *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 51—52; *Протасов Г. А.* Дворянские проекты 1730 года // *Источниковедческие работы*. Тамбов, 1971. Вып. 2. С. 67—74. Текст проекта — РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 211. Ч. 1. Л. 95—95 об. Копия (опубликован — Памятники новой русской истории. Т. 1. Отд. 2. СПб., 1871. С. 7—8). Внимательный читатель и предыдущей и данной публикации уже, вероятно, обратил внимание на то, что в приводимых нами историографических экскурсах не упоминается имя современного историка Е. В. Анисимова. К большому сожалению, Е. В. Анисимов при изложении событий 1730 г. полностью игнорирует даже те конкретные проекты, принадлежность которых верховникам бесспорна. *Анисимов Е. В.* Россия без Петра. 1725—1740. СПб., 1994. С. 171—198; *Он же*. Анна Иоанновна. М., 2002. С. 21—41.

⁹ ПСЗ. Т. 7. № 4980; Т. 8. № 5287, 5412; *Плотников А. Б.* Ограничение самодержавия в России в 1730 г.: идеи и формы // *Вопросы истории*. 2001. № 1. С. 64—65.

¹⁰ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 19 // *Соловьев С. М.* Сочинения в 18 кн. М., 1993. Кн. 10. С. 205.

¹¹ *Корсаков Д. А.* Указ. соч. С. 164, 166—167, 249—251; *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 151.

¹² *Юхт А. И.* Указ. соч. С. 287, 352.

¹³ *Протасов Г. А.* Дворянские проекты 1730 года. С. 76—77, 91.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Там же. С. 90—93.

¹⁶ «Проект 361-го» был подан в трех экземплярах. Основной («генеральский») подписали 30 человек, остальные подписи приходятся на два дополнительных экземпляра и принадлежат «знатному шляхетству» более низких служебных рангов. В документах Верховного тайного совета сохранились подлинники только «негенеральских» экземпляров, тексты которых различаются несущественными деталями (РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 16—24 об., 25—25 об.). «Генеральский» экземпляр и «проект 15-ти» присутствуют только в копиях, причем если обе наличные копии первого (Там же. Д. 4. Л. 45—46, 47—48) содержат перечень по крайней мере 28 из подписавших его лиц, то у копии второго (Там же. Л. 49—50) подобный перечень аккуратно отрезан. Известен еще ряд воспроизведений обоих «генеральских» проектов, но уже за пределами бумаг верховников. В составе следственного дела бригадира И. М. Волынского копии и того и другого представлены как беловыми, так и черновыми вариантами

(Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 75—76, 77—78, 79—79 об., 80—81 об.). А. П. Вольтский также имел список «проекта 361-го», но его текст существенно отличается от перечисленных выше (Там же. Д. 211. Ч. 1. Л. 91—92). Недавно в Государственном Историческом музее была обнаружена еще одна, до сих пор неизвестная копия «проекта 15-ти», на этот раз — с фамилиями всех, кто подписал подлинник (Немец у российского трона. Граф Андрей Иванович Остерман и его время: Каталог выставки. М., 2001. С. 144). Ранее их знали лишь по немецкому переводу, опубликованному в XVIII в. (Корсаков Д. А. Указ. соч. С. 167). Из всего этого обилия копий опубликована только одна — «проекта 361-го», из дела А. П. Вольтского (Памятники новой русской истории. С. 4—5). Что же касается «проекта 15-ти», то он дан у Д. А. Корсакова в обратном переводе с немецкого, правда, с оговоркой разночтений с вышеупомянутым списком из бумаг верховников (Корсаков Д. А. Указ. соч. Приложения. С. 9—10).

¹⁷ Плотников А. Б. Программный документ Верховного тайного совета. С. 42.

¹⁸ «Расширенный» вариант выборки — РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. Л. 8—10. Подлинник. Текст «первого» проекта — л. 8—8 об., «второго» — л. 8 об. — 9, «третьего» и «четвертого» — л. 9 об. Параллельно тексту «первого» проекта, слева на л. 8—8 об. помещена цитата из белой редакции «формы правления» (см.: Плотников А. Б. Программный документ. С. 43, первое предложение целиком), предваряемая словами «Во мнении Верховного тайного совета».

На л. 10 слева — предваряемая вновь словами «Во мнении Верховного тайного совета» выдержка из белой «формы правления» (см.: Плотников А. Б. Указ. соч. С. 43, полностью параграф 3 пункта 1). Перечни лиц, подписавших дворянские «мнения», в «расширенном» варианте имеют ряд отличий по сравнению с «кратким». Перед «первым» проектом сначала стояла фраза «В 1 мнении генерала Матюшкина с прочими ... персон», затем отсутствующие в «кратком» варианте слова были зачеркнуты и сверху дописан старый перечень (Л. 8). Перед «вторым» проектом указано: «Во втором мнении Григорья Чернышова и прочих ... персон», позднее после слова «мнение» был сделан знак вставки и слева на полях вновь восстановлен старый перечень с уточнением — «генерал крикс камисар 1, генералов лейтнантов 2» (Л. 8 об.). Перед «четвертым» проектом написано: «В 4 мнении Степана Колычова с прочими ... персон», затем, как и в предыдущем случае, отмечена вставка, но на полях дан следующий текст: «под которым подписалис[ь] бригадиров 2, статских того рангу 2», а ниже сделана приписка: «о Иване Колычове» (Л. 9 об.).